



АНАСТАСИЯ ВОРОНЦОВА

МОЙ СВОДНЫЙ КОШМАР

— Скажи это снова... — шепчет он, и его голос сводит меня с ума не хуже прикосновений.

— Ненавижу... — упрямо повторяю, и на сей раз сама тянусь к его губам. К счастью, Барский меня не отталкивает.

Это неправильно. Неправильно. Это настоящее безумие. Я знаю это, и все же, не остановилась бы, даже если бы знала, что пожалею об этом.

“Если это безумие, то я хочу сойти с ума”.

Мой сводный кошмар

Анастасия Воронцова

Это утро началось паршиво.

Впрочем, я уже не могла вспомнить, когда в последний раз было иначе.

В последние недели погода часто менялась, и меня целыми днями мучили мигрени. Сегодняшнее утро не стало исключением.

Поморщившись от головной боли, я слепо шарила рукой под подушкой, пытаюсь нащупать мобильный, чтобы выключить жужжащий будильник. А затем раздался глухой стук, и я тяжело вздохнула. Телефон упал на пол, вынуждая меня наполовину свеситься с кровати, чтобы потянуться за ним, как вдруг дверь в мою комнату открылась.

Мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, кто на пороге. Только один человек в этом доме делал это так бесцеремонно.

Наконец, нащупав телефон, я резко повернулась, прожигая сводного брата взглядом.

— Мог бы и постучать, ради разнообразия, — прошипела я, повыше натягивая одеяло.

Кирилл Барский стоял, скрестив руки на груди, и привалившись к дверному косяку. Весь из себя такой холодный и мрачный. А еще высокий, широкоплечий, не обделенный ни симпатичной мордашкой, ни мускулами, ни вкусом. Темноволосый, синеглазый отличник и спортсмен. Словом, типичный недоступный красавчик из девичьих мечт.

Никогда терпеть таких не могла.

Впрочем, он тоже был от меня не в восторге.

— Много чести, — фыркнул он, поворачиваясь, и бросил уже не глядя: — Все ждут только тебя, — в его голосе сквозило недовольство. Видимо тетя Алина опять послала его меня разбудить. Ее младшая дочь даже под страхом смертной казни бы этого не сделала.

Когда за ним захлопнулась дверь, я тихо зарычала и бросила в нее подушкой. Та с тихим звуком упала на пол, но я и не подумала ее поднять.

Боль в висках вновь заставила меня поморщиться и ненадолго прикрыть глаза.

В любой другой день я бы осталась и попыталась поспать еще немного, в надежде, что мигрень ослабнет, но я не могла позволить себе ни одного пропуска. Чтобы оставаться на стипендии, мне нужно было поддерживать как успеваемость, так и посещаемость. А значит, как ни прискорбно, придется собираться и ехать в универ.

Сборы не заняли много времени. Все необходимое я держала в рюкзаке, привычка краситься по утрам исчезла со смертью родителей, да и с выбором одежды я никогда особо не мучилась. Просто вытащила из шкафа первую попавшуюся фланелевую рубашку и джинсы с завышенной талией.

Словом, из комнаты я вышла довольно скоро. По крайней мере послать сына ко мне второй раз тетя Алина не успела.

Когда я вошла на кухню, она как раз хлопотала у плиты. Судя по запаху и горе банановых шкурок неподалеку — готовила панкейки.

Меня всегда удивляло то, как тете Алине удавалось совмещать успешный бизнес, воспитание детей и домашние дела. При этом по ней никогда нельзя было сказать, что она устала, или спала всего пять часов. Даже в домашней одежде и фартуке тетя Алина выглядела превосходно.

Переложив очередной панкейк на тарелку, она вытерла руки о полотенце и улыбнулась мне.

— С добрым утром, Зарина! Садись, я почти закончила. Там еще есть кофе, если хочешь. Потом Кирилл отвезет вас с Линой в универ.

— Спасибо.

Я кивнула, протягивая руку к кофеварке. Кофе — вот, что мне сейчас нужно, чтобы почувствовать себя человеком.

При виде меня младшая дочь тети Алины скривилась, словно перед ней был мерзкий жук, и вновь уткнулась в телефон, чтобы проверить, сколько подписчиков прибавилось на ее канале.

Лина была из тех девушек, что уделяют слишком много внимания своей внешности и считают каллории, а потому к панкейкам она так и не притронулась. Вместо них моя сводная “сестренка” медленно потягивала свой смузи через трубочку из специального стакана.

Так и проходили наши совместные завтраки.

Кирилл ел молча и быстро, первым вставая из-за стола, Лина меня либо игнорировала, уткнувшись в телефон, либо пыталась поддеть, я же просто ела, а тетя Алина пыталась сгладить обстановку разными вопросами. Обычно у нее ничего не получалось.

Этот раз не стал исключением.

Молча сунув тарелку в посудомоечную машину, Кирилл накинул куртку и вышел из дома. Вслед за ним, прихватив с собой недопитый смузи, и не выпуская из рук телефон в розовом мобильном чехле, ушла и Лина. И тогда, понимая, что ждать меня никто не будет, ушла и я, еще раз поблагодарив тетю Алину за завтрак.

Оказавшись на улице, я по привычке забралась на заднее сиденье черного внедорожника и, надев наушники, отвернулась к окну, погружаясь в собственные мысли.

За годы, проведенные в этой семье, я повзрослела.

Взялась за учебу, нашла подработку. Научилась жить с тем, что родителей больше нет. Даже вернулась к занятиям гимнастикой на какое-то время.

Родители очень хотели, чтобы я добилась успехов в этом виде спорта, и я считала что отдаю им дань памяти, продолжая тренировки, но после неудачи на последних соревнованиях поняла, что больше так не могу, и решила выбрать другой факультатив.

Как бы то ни было, каждый год, навещая могилу родителей, я давала им обещание, что справлюсь. Стану тем человеком, которым они могли бы гордиться.

Должна справиться.

Злата

Универ был для меня одновременно и адом, и спасением.

После окончания школы я сдала экзамены и наконец распрощалась с людьми, которые видели во мне лишь ту, что потеряла родителей в автокатастрофе, но главное — с тех пор я была слишком загружена учебой и тренировками, чтобы жалеть себя.

Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда было обилие придурков, ну и то, что я делила группу со сводным братом и сестрой. Впрочем, последнее — не такая уж и проблема, если учесть, что мы с ними даже не разговаривали.

Мы были слишком разными, слишком чужими друг другу. На самом деле у нас не было ничего общего, кроме ВУЗа и крыши над головой.

Барские принадлежали к высшей касте, и крутились в соответствующей компании. Их окружали самые богатые и популярные студенты и студентки нашего универа.

Ими восхищались, им завидовали, кое-кто был готов на все, чтобы хоть ненадолго приблизиться к ним, или просто мечтал быть на их месте.

Я же была никем. Невидимкой. Сторонним наблюдателем.

Со мной не мечтали дружить, мне не пытались понравиться. Словом, ничего такого, с чем каждый день сталкивались мои сводные брат и сестра. Впрочем, от этого я не страдала.

Честно говоря, меня мало интересовала популярность, как и то, что обо мне могут подумать окружающие. Не замечают — и ладно. Лишь бы не доставляли проблем. В последнее время у меня их и без того хватало...

Ректор был явно недоволен тем, что я сменила обязательный факультатив, и при любой удобной возможности пытался уговорить меня вернуться. Сначала мягко, видимо опасаясь давить, но теперь... Судя по всему глава нашего ВУЗа начал терять терпение.

Я не сразу почувствовала неладное.

Первое время мне казалось, что я просто устала, перестала справляться с нагрузкой, потому оценки и просели, но со временем начала подозревать, что меня просто валят с легкой руки нашего ректора.

Близилась очередные соревнования, и ему нужна была причина, чтобы надавить на меня, заставить вернуться на прежний факультатив, и он ее нашел.

Сидя в неудобном кресле напротив его стола, я в этом только убедилась.

— Надеюсь вы осознаете, в каком положении оказались, Злата? — за фальшивой улыбкой тучного мужчины скрывался оскал.

Угу. Я, как и большинство девушек, столкнулась с очередным недоразвитым представителем мужского пола, который не знает слова “нет”, и готов на все, в том числе испортить чью-то жизнь, чтобы получить желаемое.

— За последний месяц ваш средний бал сильно просел. Если ситуация не улучшится, вы потеряете стипендию. Впрочем, если бы вы передумали, и согласились представлять наш университет на соревнованиях, думаю мы могли бы что-нибудь придумать...

— Максим Владимирович, — с плохо скрываемым раздражением обратилась я к главе нашего университета, — Скажите честно, почему вы так держитесь за идею отправить на соревнования именно меня? Мое последнее поражение...

— Было простой случайностью, — отрезал мужчина, — Вы не хуже меня знаете, что во

всем университете нет никого, кто лучше вас справился бы с этой задачей. Даже с учетом того, что вы забросили тренировки на целый месяц, для вас не составит никакого труда все наверстать. Впрочем... — он сделал паузу, разглядывая стоящий на столе маятник, — Вы вправе отказаться. Но, боюсь, в таком случае вы не сможете рассчитывать на мою лояльность, и мы будем вынуждены отдать ваше бюджетное место другому студенту.

Я мысленно сосчитала до десяти, сжимая и разжимая кулаки под столом, и ругала ректора последними словами.

Фактически он лишил меня выбора, но я не торопилась с ответом из чистого упрямства. Не хотела видеть его самодовольную улыбку раньше времени. На деле же... Все уже было решено.

Конечно, сбережений, которые оставили мне родители, хватало на то, чтобы покрывать расходы на мое содержание, и вероятнее всего хватило бы и на учебу, но они были не бесконечны. К тому же я понимала, что после пожара на ремонт квартиры и покупку всего необходимого уйдет немало денег. А моей ставки в кофейне едва ли хватит на жизнь.

Висеть на шее тете Алины я не собиралась.

— Хорошо, — в конце концов выдохнула я, тщательно скрывая раздражение, — Я согласна, но не могу гарантировать победу. Перерыв был довольно приличный.

— Что ж, уверен вы сделаете все, чтобы наверстать упущенное, — в словах ректора читался жирный намек на то, что поражение мне не простят. И, вероятнее всего, в случае, если я не оправдаю надежд, мне с легкостью организуют не только потерю стипендии, но и отчисление.

— Разумеется, — с фальшивой улыбкой прошипела я, прожигая мужчину холодным взглядом, — Я могу идти?

— Идите, Барская, — с довольной улыбкой отмахнулся он, — Я рад, что вы поступили благоразумно. Нашему университету очень нужны успехи на грядущих соревнованиях. Не подведите.

Добившись желаемого, ректор больше не видел причин в том, чтобы меня задерживать, а мне не терпелось поскорее убраться из его кабинета. Тем более, что вот-вот должна была начаться очередная лекция.

По пути в соседний корпус я представляла, с каким наслаждением врезала бы этому человеку, по какой-то нелепой причине занимающему пост ректора. Найти бы на эту сволочь управу...

Но, увы, у меня не было ни связей, ни денег, решающих все в этом мире. Оставалось только смириться.

Погода была теплой и солнечной, а потому во дворе университета было полно студентов, в том числе и моих одногруппников.

Вот моя "сестра", в компании трех безмозглых куриц, чьи мини-юбки плавно переходят в супер-мини. Делают очередные шаблонные фото для своих соцсетей.

С ними как всегда по пятам следует "охрана". В основном тупые качки и мажоры. Впрочем, других среди них и не водилось.

А где качки и мажоры, там и они...

Марьяна — самопровозглашенная "королева" нашего университета. Модель, балерина и популярный блогер, ну и дочь одной известной шишки. Ну и мой сводный брат. Безразличный, холодный и недоступный, как красавчики из фильмов, которых так любят девушки.

Нет, само собой, у него были девушки. Но, как ни странно, они не задерживались дольше чем на одну ночь. Любые попытки претендовать на большее жестоко пресекались. Я сама не раз была свидетелем подобных сцен.

Слезы, крики, обвинения... В конце концов все заканчивалось одинаково.

В их компании вообще мало кто был способен на нормальные, здоровые отношения, но никто кроме него не был так жесток. За это его и прозвали “ледяным принцем”.

Отвернувшись от нашей университетской “элиты”, я затыкаю уши наушниками и продолжаю путь до аудитории.

Я прихожу первой и занимаю место на заднем ряду, у окна, приготовившись к лекции, и почти сразу отворачиваюсь к нему. Наша “элита” все еще во дворе, как будто лекция не начнется через пять минут, но моего сводного брата среди них нет.

Не было его и тогда, когда аудитория стала постепенно наполняться шумными студентами. И тогда, когда преподаватель, окинув аудиторию уставшим взглядом, заговорил.

К моменту, когда Барский соизволил явиться, единственное свободное место осталось рядом со мной.

Впрочем, меня это не особо волновало. Я не была одной из его поклонниц, так что не было никакой разницы, где он сидит. Мы друг другу никто, и ничто этого не изменит.

Бросив на него беглый взгляд, я отворачиваюсь к окну, и не оборачиваюсь, даже когда стул рядом со мной со скрипом отодвигается, а на мне сосредотачиваются недовольные и завистливые взгляды однокурсниц. — Это ничего не значит, — цедит он тихо, так, чтобы никто кроме меня не слышал, — Не говори со мной, не трогай меня и вообще занимайся своими делами.

Закатив глаза, я всё-таки поворачиваюсь к нему и отвечаю, не скрывая раздражения:

— Знаешь, вообще-то это ты ко мне подсел. И вообще, мне сегодня уже хватило общения с одним самоуверенным типом. Сомнительное удовольствие.

— Что ты сказала? — брови “братца” медленно поползли вверх. Похоже он не ожидал от меня такого ответа.

— Что слышал, — тихо ответила я, безразлично пожимая плечами, — Знаешь, я не горю желанием общаться с тобой или с кем-то из твоей компашки. Ты вообще мне не особо нравишься. Так что не беспокойся, у меня есть дела поважнее, чем донимать тебя.

Замолчав, я вновь отвернулась, давая понять, что разговор окончен, но мистер “мое эго слишком велико” был не согласен.

— Знаешь вся женская половина нашего универа так не считает, — в его голосе не было хвастовства, скорее в нем читалось... Раздражение?

— Значит я не из их числа.

— Ну да, — фыркает он в ответ, — На самом деле ты не девушка.

Устало вздохнув, я проследила за тем, как парочка курящих студентов убегают от дворника, и ответила:

— Знаешь, зря я вообще что-то сказала. Ты прав, это ничего не значит. Давай просто дождемся конца пары и сделаем вид, что этого никогда не было.

Больше мы не разговаривали, правда до конца лекции я то и дело ловила на себе его задумчивый взгляд.

А потом мне стало не до того.

Предстоящая тренировка вызывала у меня одновременно и страх, и предвкушение. Ну и чувство вины перед партнером.

После поражения на соревнованиях, когда я бросила тренировки, Андрей часто писал и звонил мне, пытаясь поддержать и уговорить вернуться, но я не могла заставить себя ответить. Наверняка он в обиде...

Войдя в раздевалку, я переоделась в спортивный костюм и начала разминаться. После пары-тройки упражнений с непривычки мышцы сильно ныли, но это была приятная усталость. А от одной мысли о том, чтобы залезть на канат или пройти по бревну сердце стало биться чаще. Мне не терпелось попробовать.

Взбираясь на канат все выше и выше, я чувствовала, как на губах сама собой расцветает улыбка. Даже странно, что только вернувшись в спортзал я поняла, как мне этого не хватало...

— Так кто мой партнер?

Услышав голос со стороны двери, я неловко вздрагиваю и падаю вниз, на маты.

На пороге спортзала стоял Кирилл Барский.

У судьбы действительно жестокое чувство юмора.

Злата

— Вот черт! Ты в порядке? — слышать в его голосе беспокойство вместо яда или безразличия было непривычно.

Со спины он меня определенно не узнал, иначе непременно сказал бы какую-нибудь гадость, и уж точно не стал бы нестись ко мне через весь спортзал.

Когда я повернулась, Барский остановился, и на его лице отразилась растерянность вперемешку с досадой.

— Ты? — уже спокойнее спросил он, скрывая эмоции.

— Не переживай, я тоже не в восторге, — фыркнула я, потирая ушибленное бедро. К счастью, обошлось без серьезных травм. Пострадало только мое самолюбие.

— Где Андрей? — в тон ему спросила я, — Я думала он будет моим партнером.

— Видимо не оправдал надежд тренера, — пожав плечами ответил он, — Теперь твоя очередь. Что ты здесь делаешь? Я думал ты забросила тренировки.

Пришел мой черед пожимать плечами.

— У нашего ректора оказалось свое мнение на этот счет.

Вспомнив разговор в кабинете Максима Владимировича, я вновь почувствовала, что закипаю. Кирилл тоже поджал губы, выражая этим все, что думал по поводу сложившейся ситуации, но ответить не успел.

Вскоре пришел тренер, и стал объяснять, что от нас требуется. Все это время мы стояли и косились друг на друга, как на врагов народа: он с привычным презрением, я с отвращением.

Сколько девушек облапали эти руки? Даже думать не хотелось о том, что нам придется постоянно касаться друг друга на тренировках...

Как вообще кому-то могло в голову прийти, что сделать нас партнерами — отличная идея? Кажется ни один из нас не верил в то, что мы можем сработаться.

Думаете мы ошибались? Что совместные тренировки растопили лед между нами, и наконец-то смогли сделать то, что два года не удавалось тете Алине — сблизить нас?

Как бы не так.

За следующую неделю мне мы с Барским возненавидели друг друга еще сильнее. Каждая тренировка сопровождалась непрерывным рычанием и руганью.

В конце концов это надоело даже тренеру, и он стал уходить, объяснив нам нужные движения и поддержки, недолго понаблюдав за нами, уходил, оставляя нас отрабатывать наедине.

Нет, я не могла отрицать очевидного. Барскому действительно доверили представлять университет на соревнованиях не просто так. Как ни обидно это признавать, он был действительно хорош. Сильный, гибкий, ловкий... Но его характер!

После месяца перерыва я явно отставала от него, и Барский не упускал возможности меня в этом упрекнуть, посетовав, что ему в партнеры досталось неуклюжее недоразумение.

В каждом его слове, взгляде и жесте сквозило столько высокомерия, что меня постоянно тянуло выкинуть что-то, чтобы хоть ненадолго стереть самодовольство с его лица.

Так, например, я несколько раз пыталась проделать упражнения из акробатики без его поддержки, пока он делал перерыв, чтобы глотнуть воды, или вытереть пот влажным

полотенцем. Получалось, конечно, не всегда, но чего только стоило каждый раз наблюдать его плотно сжатую челюсть и гневный взгляд — одно удовольствие!

Сегодняшняя тренировка ничем не отличалась от предыдущих. Разминка, отработка старых движений и изучение новых. И вот после нескольких попыток при тренере, мы, как обычно, остались одни, готовые вцепиться друг другу в глотки.

— Только не поубивайте друг друга до соревнований, — бросил он напоследок, закрывая дверь. На его лице не было ни намека на улыбку, как и на наших.

Приступая к очередной акробатической поддержке, я подхожу к нему, и в момент, когда он уже принял позу для того, чтобы поднять меня, делаю шаг назад, а вслед за ним — комбинацию из одиночных трюков. Неделя тренировок дала свои плоды — у меня наконец получилось. И не только трюки — судя по взгляду Барского, в этот раз я его все-таки довела.

Приблизившись ко мне, он выставил руки по бокам от моего лица, так, чтобы я оказалась зажата между ним и стеной.

— Ну и какого черта ты вытворяешь? — рыкнул Барский, нависая надо мной.

— Я занима... — не успела я договорить, как вдруг его губы с жаром накрыли мои. Властно, жестко, словно он был зол на самого себя за этот порыв... Так, что у меня подогнулись колени и закружилась голова. А затем, так же неожиданно, как и поцеловал, Барский оторвался от меня, и, не сказав ни слова, вышел из спортзала.

Я осела на маты, ошалело глядя ему вслед.

Мои губы все еще горели от поцелуя, а сердце колотилось так, словно пыталось сделать тройное сальто.

И что это только что было?

Наверное я перегрелась или ударилась головой. Мы с Барским хронически не перевариваем друг друга с самого детства, с чего бы ему красть мой первый поцелуй?

Опустившись на маты, я раскинула руки в стороны, как морская звезда, и тупо уставилась в потолок.

Нет, всему этому безумию должно быть разумное объяснение. Может он заключил со своими друзьями какое-нибудь мерзкое пари? Или поспорил кому-то?

Да, точно, наверняка все дело в этом. Не стоит заикливаться на произошедшем. Это ничего не значит и никогда не повторится.

И все же...

Я неосознанно коснулась пальцами горящих губ, а затем раздраженно провела по ним ладонью, будто так могла стереть воспоминания о поцелуе, и решила вернуться к тренировке.

— Соберись, Злата ты справишься, — шепотом сказала я себе, готовясь сделать очередной кувырок. А за ним еще и еще один, лишь бы выбить глупые мысли из головы.

После тренировки я приняла душ, и уже собиралась ехать на работу, но у выхода из зала меня ждал еще один сюрприз.

— Вы посмотрите, кто идет, — язвительно протянула Лина, переглядываясь со своими подругами, — Наша «умница».

Ее свита мерзко захихикала, и я испытала раздражение.

— Не знала, что вы знаете, где находится спортзал, — холодно ответила я, — Я-то думала, что ваш мозг помнит лишь одну дорогу — к большому зеркалу в туалете.

Самодовольное лицо Лины приняло жесткое выражение, исказив правильные черты.

— Вижу, сарказм из тебя так и хлещет, — приторно пролепетала Лина, — Твоей маме

было бы неплохо преподать тебе пару уроков вежливости.

Я окаменела, чувствуя, как меня наполняет холодная ярость, и сводная сестра ядовито улыbnулась, прекрасно зная, что задела меня за живое.

— Ах, да, какая я же не тактичная, — с притворным сожалением вздохнула Лина, — Они ведь разбились в машине! Какая страшная трагедия... Бедняжка... — Стала сокрушаться девушка.

Она сделала печальное лицо, а ее свита мерзко захихикала, но я сумела сдержать себя в руках.

— Тактичностью ты никогда не владела, как и мозгами, — холодно ответила я.

— Не зарывайся, — прошипела она, — Не думай, что раз мы живем под одной крышей, я буду доброй и милой к тебе. Тебе здесь не место. Ни в моем университете, ни в моем доме. И, чем скорее ты это поймешь, тем лучше будет для тебя.

Лина смотрела на меня с такой жгучей ненавистью, что могла посоревноваться в этом даже со своим братом.

Я не видела смысла и дальше продолжать этот мерзкий разговор. Все равно, что бы я ни говорила и как бы себя ни вела, ее отношение никогда не изменится.

Но, если насчет дома она была права, то университет я ей уступать не собиралась.

Я приложила слишком много сил, чтобы поступить именно сюда. Это было последним желанием моих родителей. Моей целью. И я не позволю ни ректору, ни своим сводным брату и сестре помешать мне доучиться.

Проигнорировав ее последний выпад, я ушла.

Сначала шла медленно, с гордо поднятой головой, чтобы не показывать, что ее слова меня задели. И, лишь скрывшись за поворотом, я позволила себе ускориться.

Ехать домой со сводным братом и сестрой сегодня я не собиралась. Тем более что мне нужно было заскочить на работу. Начальница позвонила и сказала, что есть разговор. Поэтому, заткнув уши наушниками, я направилась в сторону автобусной остановки.

Автобус приехал на удивление быстро. Обычно мне приходилось ждать его по двадцать-тридцать минут.

Заняв место у запыленного окна, я смахнула со щеки непрошенную слезу. Не хватало еще пугать начальницу опухшими глазами.

Кирилл

Выскочив из спортзала, я зашел в душевую, где долго стоял под струями холодной воды. Мне нужно было остыть и прийти в себя.

Я и сам толком не понимал, что на меня нашло там, у стены.

Эта девчонка всегда раздражала меня. Слишком гордая, слишком своенравная. И одновременно в ней было что-то, невольно вызывающее восхищение.

Ее не волновало то, что о ней думают окружающие, она не притворялась, не старалась подмазаться к кому-то ради выгоды.

Злата была не похожа на девушек, с которыми я встречался. Все они знали на что шли. Я никому ничего не обещал. Кого-то это устраивало, кого-то — нет, но никто из них не претендовал на большее. По крайней мере я всегда четко проводил границу.

Такие, как Злата, не подходили на роль девушки на ночь. Они заслуживали большего. Того, чего я не мог им дать.

Да, этот поцелуй был ошибкой. Недоразумением. Чертовым помутнением рассудка. И все же... Я не мог не думать о том, что с удовольствием бы это повторил.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я вышел из душа, но я был уверен в том, что Злата давно ушла. Поэтому, увидев ее в окружении Лины и ее подруг, я удивился.

Насколько я знал, эти двое на дух друг друга не переносили, настолько, что любой их разговор мог перерасти в драку. Но то, что я услышал, перешло всякие границы.

Я знал, что моя сестра далеко не ангел. Было время, когда мы были помладше, я даже звал ее сушим дьяволенком, но то, что она наговорила Злате о ее родителях... Я впервые испытал жгучее желание ударить ее.

Ответив колкостью, Злата ушла с гордо поднятой головой, и Лина с подругами наконец заметили меня.

— О, братишка! Подвезешь меня? — спросила она, как ни в чем не бывало, поправляя прическу у зеркала в коридоре.

— Обойдешься. Это было слишком, даже для тебя, — холодно отвечаю я, и ухожу, пытаюсь нагнать Злату, но не успеваю. Лестница и университетский двор встречают меня пустотой.

Злата

Персонаж из моей любимой книги часто повторял: если день начался паршиво, закончится он еще хуже. Сегодня это стало моей реальностью.

Как оказалось, начальница вызвала меня только для того, чтобы сказать, что я уволена. А потом еще и погода испортилась. Ни с того ни с сего набежали тучи, и мне пришлось полчаса ждать автобус под дождем.

Я сидела в автобусе, в насквозь промокшей одежде, в моем кармане лежал конверт с моей последней зарплатой и небольшим бонусом в качестве извинения, а на душе было поганей некуда... Ну или по крайней мере мне так казалось в тот момент.

Проезжая центральную площадь, где обычно тусовались студенты, и было бесчисленное количество кафе, ресторанов и всевозможных увеселительных заведений, я бездумно смотрела в окно, и случайно заметила как вдалеке, на парковке у одного из ресторанчиков припарковался знакомый внедорожник.

Из машины вышел Барский. Обойдя ее, он открыл пассажирскую дверцу, помогая выйти длинноногой блондинке в коротком вишневом платье.

Я застыла, не в силах отвести взгляд.

Еще пару часов назад он прижимался ко мне, и страстно целовал, а сейчас уже ведет какую-то ослепительную красавицу на ужин.

Впрочем, чему я удивляюсь? Я ведь всегда знала, что он гад. Гад и бабник...

Я вновь коснулась опухших губ.

Нужно как можно скорее выбросить этот глупый поцелуй из головы.

Квартира Барских встретила меня тишиной. Тетя Алина с мужем уехали на корпоратив в честь дня основания компании. А Кирилл и Лина... Я не хотела думать о том, где эти двое и чем занимаются.

Барский старший еще в молодости поставив почти все, что у него было и основал свою строительную компанию, став одним из самых успешных людей нашего совсем не маленького города.

От самого входа за мной тянулась мокрая дорожка. С волос и одежды, наверное, можно было выжать не одно ведро воды.

Шмыгнув носом, я направилась в душ. Нужно было поскорее сбросить с себя мокрую одежду и смыть сегодняшний день.

Завтра. Обо всем подумаю завтра.

Простояв под горячими струями воды целую вечность, я протерла запотевшее зеркало и взглянула на себя. Лицо не было опухшим от слез, но глаза... По ним кто угодно мог понять, насколько дерьмовым был мой день. Как хорошо, что дома нет никого, кому могло быть до этого хоть какое-то дело.

Перекусив бутербродом, я завалилась в кровать, рассчитывая поскорее уснуть. Но, как назло, сон никак не хотел идти — мысли и воспоминания не давали покоя. Не только о сегодняшнем дне. Сегодня, впервые за долгое время, я вспоминала родителей.

Папа не был столь амбициозен, как дядя Сережа. Его вполне устраивала скромная должность в агентстве недвижимости, а мама преподавала в университете и была любимицей студентов, никогда не жалуясь на усталость или низкую зарплату. Но не было ни

одного вечера, когда в нашем доме было бы так пусто, как здесь.

Я сама не заметила, как моя подушка промокла от слез. Когда в последний раз я позволяла себе вот так плакать? Кажется, это был первый месяц после приезда сюда. Тогда я почти не выходила из комнаты, и тетя Алина впервые записала меня к психологу.

Во рту пересохло, глаза и нос опухли. Встав с, я решила умыться и попить воды. Но, открыв дверь комнаты, я замерла на месте.

В коридоре, прислонившись к стене спиной и опустив голову стоял Барский младший. В той же куртке, в которой я видела его ранее на площади. Видимо только что вернулся.

Он заметил меня, и в его взгляде на долю секунды мелькнуло сострадание. Или может мне просто показалось в тусклом освещении коридора?

— Что-то случилось? Почему ты плакала? — голос младшего Барского был непривычно хриплым, а взгляд — пронзительным. Его глаза впились в меня, словно в мишень.

— Ничего, все нормально, — по привычке ответила я. Это было моим стандартным ответом на любой подобный вопрос вот уже два года.

В нерешительности постояв еще несколько секунд, я опустила глаза в пол, и, не дождавись ответа, решила уйти.

— Пойду на кухню, — я рассчитывала проскочить мимо него, но он перехватил меня за руку и развернул к себе лицом.

Притянув меня к себе и не почувствовав сопротивления, он прижал меня к груди и слегка приобнял.

Ошарашенная, я замерла, не в силах пошевелиться.

Я сплю? Или брежу? Барский младший действительно обнимает меня?

Наверное стоило оттолкнуть его, поставить на место. Особенно после того, что он сегодня устроил, но у меня не находилось слов.

В какой-то момент я почувствовала на своей шее его горячее дыхание. По телу словно разлился горячий мед, и это отрезвило меня как пощечина.

— Мне очень жаль, — тихо сказал он, и я дернулась, высвобождаясь из кольца его рук.

— Не стоит. Тот поцелуй был ошибкой. Это больше не повторится, — холодно произнесла я, отводя взгляд.

Наверняка это вызвало у Барского чувство дежавю, ведь он сам не раз говорил это другим девушкам перед расставанием.

Замерев, Барский ошарашено уставился на меня, потом сжав челюсть так, что на его лице заиграли желваки, и он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью...

Следующим утром меня разбудил настойчивый звонок телефона, который я сперва спутала с будильником, с удивлением обнаружив на экране незнакомый номер.

Да, давно мне не звонили так рано, да еще и в мой выходной. Я хорошо постаралась, чтобы в моем окружении не осталось никого, с кем у меня были бы дружеские или хотя бы приятельские отношения.

Кто бы это мог быть?

Протерев сонные глаза, я приняла вызов и приложила телефон к уху.

— Да? — настороженно спросила я.

— Привет! Неужели я сумел тебе дозвониться? — в голосе бывшего партнера по гимнастике не было обиды или осуждения, только искренняя радость, и от этого меня еще сильнее захлестнула волна стыда за то, что я его так долго игнорировала.

— Привет! Прости... Мне нужно было время, чтобы прийти в себя после всего, что

случилось. Я не должна была тебя игнорировать.

— Ничего, я все понимаю, — после небольшой паузы ответил он, — Слышал ты вернулась к тренировкам, это правда?

— Наш ректор не умеет отступить, — уклончиво ответила я, а затем добавила: — Мне жаль, что тебя отстранили от соревнований. В спортзале тебя не хватает.

— Ничего не поделаешь. Тренер принял решение.

Судя по очередной паузе и тону его голоса, Андрею было нелегко с этим смириться.

— Как тебе новый напарник?

— Это чудо, что мы до сих пор не поубивали друг друга, — честно ответила я, — У нас с ним нет ни капли того взаимопонимания, что было у нас с тобой. Если честно, я до сих пор не верю, что мы когда-нибудь сможем сработаться. Тем более до соревнований.

— Звучит паршиво. Не хочешь развеяться? У меня есть пара билетов в кино, и я знаю отличную кафешку неподалеку...

— Ты угощаешь? — я не часто флиртовала с парнями. По правде я вообще за собой такого раньше не замечала. Но Андрей явно звал меня на свидание.

— Я так понимаю это “да”? — судя по голосу он улыбался, — Тогда я заеду за тобой в семь. До встречи, Злата.

Как ни странно, этот короткий разговор помог мне почувствовать себя намного лучше. Даже события вчерашнего дня напрочь вылетели из головы, и увольнение уже не казалось такой трагедией. Подумаешь уволили. Мало ли в нашем городе кафе? Найду другую работу. А поцелуй... Это было всего-лишь недоразумение. Возможно уже сегодня его заменит другой поцелуй, с нормальным парнем, не меняющим девушек как перчатки.

С этой мыслью я встала с кровати и направилась в ванную, чтобы привести себя в порядок, и столкнулась с Линой.

Барская младшая надменно фыркнула и ушла в сторону кухни, задев меня плечом.

Ну, по крайней мере молча.

Остаток дня я провела в своей комнате, приводя себя в порядок и подбирая наряд для вечера. Я впервые за долгое время решила заморочиться с выбором одежды, и даже нанесла неброский макияж, чтобы подчеркнуть черты лица.

К приезду Андрея я была полностью готова.

В семь я вышла из комнаты и прошла в гостиную, откуда доносились голоса.

Там я застала Кирилла с Андреем, которые сурово друг на друга смотрели. Я подошла к бывшему партнеру и чмокнула его в щеку, поймав на себе грозный взгляд Барского.

— Ну что пойдём? — спросила я у Андрея.

— Пойдем, — кивнул друг, и мы вышли из квартиры.

Уже заходя в лифт, я услышала голос Барского:

— Чтобы не допоздна, если что звони.

Вместо ответа я лишь фыркнула.

Тоже мне заботливый нашёлся!

— Я знал, что ты живешь вместе с Барскими, но, если честно, не мог поверить, пока не увидел собственными глазами. Как вы до сих пор друг друга не поубивали?

— Поверь, я задаюсь тем же вопросом уже несколько лет.

— Правда, если честно, мне показалось что он ревнует...

Я даже споткнулась от неожиданности, так что Андрею пришлось меня придержать, чтобы я не упала.

— Ты ошибся, он меня терпеть не может, — пробурчала я, отводя взгляд, — Просто он хотел испортить нам настроение перед прогулкой.

— Да, наверное ты права, — с улыбкой согласился Андрей, открывая передо мной двери подъезда.

До кинотеатра мы добирались автобусом. В отличие от Барского, Андрей был из небогатой семьи, и не мог похвастаться крутой машиной, но наше свидание от этого не стало хуже. Наоборот, с ним было... Проще что ли?

От остановки до кинотеатра мы решили прогуляться через парк. Время еще было, поэтому мы шли не спеша, болтая обо всем и ни о чем.

— Знаешь, Злата, я не должен говорить тебе, но... Я волнуюсь за тебя. Мы не говорили с тех пор, как ты бросила тренировки. Мне просто нужно знать, как ты.

Я внутренне напряглась, но чувство, что мне нужно с кем-то поговорить об этом, не покидало меня вот уже несколько дней. Андрей казался подходящим человеком. Если я и могла кому-то довериться, то ему.

— Иногда мне кажется, что я сломана. Глубоко внутри, еще с той аварии. И что я никогда не приду в норму. Но иногда, в дни, как сегодня, мне легче. Я чувствую себя обычным человеком... Я кажусь тебе странной?

— Я думаю ты чудесная, — со смущенной улыбкой ответил он, спрятав руки в карманы.

Мы стояли очень близко, и в какой-то момент стали еще ближе. Его лицо склонилось к моему, голубые глаза проказливо сверкнули, а светлая челка пощекотала мою кожу, и тогда он меня поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на тот, что случился в спортзале. Он был нежным, неспешным. Андрей был осторожен, словно боялся спугнуть меня, разрушить волшебство момента.

Если поцелуй Барского был похож на извержение вулкана или цунами, то губы Андрея ласкали меня, как летний штиль.

Мы целовались трижды. Еще раз — в кинотеатре, на заднем ряду, и последний — возле подъезда, когда он проводил меня до дома Барских.

Вернувшись, я услышала как громко хлопнула дверь в комнату младшего Барского, но не придавала этому значения. Впервые за долгое время мне было просто хорошо и спокойно на душе.

Следующим утром я завтракала в одиночестве.

Тетя Алина с мужем так и не вернулись с корпоратива, а Барские младшие... Я понятия не имела о том, где они и чем занимаются, и не хотела этого знать,

Приготовив яичницу с беконом и кофе, я перекусила, и собралась в универ.

В автобусе мне пришло сообщение от Андрея. Он благодарил меня за вчерашний вечер, и спрашивал, не против ли я его повторить. От этого на губах сама собой расцветала улыбка.

Может отношения с Андреем — то, что мне всегда было нужно?

Простой, хороший парень без тараканов и сомнений размером с эверест, который всегда будет рядом, чтобы поддержать меня. Тот, с кем я не буду испытывать взаимное желание придушить друг друга?

Мысли помимо воли возвращались к младшему Барскому, к нашему поцелую и мысли о том, что мне придется терпеть его по вечерам в спортзале до самых соревнований, а в универе и вовсе до выпуска. И при этом мы все еще жили в одном доме...

Как ни хотелось обратного, я понимала, что не смогу избежать его вечно. Но, что хуже, я совсем перестала его понимать.

Он всегда был грубым, самоуверенным бабником, которому плевать на все, но то, каким я его увидела вчера... Эта его попытка меня утешить совсем сбила меня с толку.

Мы с Андреем договорились встретиться на автобусной остановке перед универом и немного прогуляться. Время до первой лекции еще оставалось, поэтому я согласилась. И он меня действительно встретил. Да еще и не просто так, а с цветами. Лилиями, как я люблю.

Растерянно глядя на букет, я вдруг осознала, что не держала такого в руках уже очень давно. В последний раз мне их дарил папа, после победы на соревнованиях.

— Надеюсь я угадал? — со смущенной улыбкой спросил Андрей, — Я подумал, что розы — это слишком банально для тебя.

Тихо шмыгнув носом, я широко улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Они чудесные, спасибо!

Вновь задумавшись об отце, следующий его вопрос я пропустила мимо ушей.

— Так что ты думаешь? — Андрей улыбнулся и выжидающе посмотрела на меня.

— А... Что ты сказал? Прости, я прослушала.

— Что ты думаешь насчет бала?

Ну и что тут ответишь? Не скажешь же, что я до сегодняшнего дня вообще о нем не думала?

Я никогда не была душой компании, а потому у меня не было ни парня, ни друзей, с которыми я могла бы туда пойти, да и желания присутствовать на главной тусовке универа вместе с местной “элитой”, — тоже.

— Если честно, я планировала его пропустить. Никогда не понимала, зачем устраивать подобное прямо перед сессией. Мы же не в Штатах. Все эти танцы, титулы... Это такая глупость.

Андрей кивнул, вроде бы соглашаясь со мной, но при этом выглядел разочарованным. Я почувствовала укол вины.

Он ведь был так мил со мной вчера, да и этот букет... Он явно хотел пригласить меня, а я умудрилась все испортить.

— Но, если бы ты позвал меня, думаю, я бы согласилась, — поспешно добавила я, и его лицо просияло.

— Ты ведь все равно думаешь, что это глупость, — с улыбкой ответил он, качая головой, — Ты не обязана соглашаться только потому, что не хочешь расстраивать меня.

— Может быть ты смог бы переубедить меня... Насчет этих танцев.

Остановившись, я медленно повернулась к нему, глядя на парня из-под опущенных ресниц. Уж не знаю, как это выглядело со стороны, но, судя по его реакции, я добилась желаемого результата.

— Может быть и мог... — произнес Андрей с ответной улыбкой.

Я чувствовала, как общение с Андреем мало помалу возвращает меня к жизни.

После лекций была и тренировка с Барским, но его слова и взгляды больше не задевали меня, а еще в тот же вечер я впервые отправилась по магазинам в поисках платья. Подумать только: я, которая даже туфли в последний раз надевала еще в школе!

Вечером, перекусив в кафе пирожным с кофе, я вернулась домой и практически сразу уснула.

Так прошла неделя и наконец настал тот самый день, которого с нетерпением ждал весь универ. Женская половина, чтобы покрасоваться в нарядах, а мужская — чтобы подцепить интересующих их девчонок.

В связи с этим даже отменили часть лекций, чтобы все успели подготовиться.

Надев платье и завив волосы, я сидела на краю кровати и застегивала тонкие ремешки на босоножках. Кажется я была полностью готова, когда в комнату заглянула тетя Алина.

— Ты так похожа на нее, — прошептала она, смахивая со щеки одинокую слезинку, — Не только внешне, но и твоя душа тоже прекрасна, как у твоей мамы. Знаешь, я никогда не надеялась ее заменить. Но она была бы счастлива увидеть себя такой, как сегодня. Не губи себя, не закрывайся от мира. Живи, радуйся, делай ошибки, исправляй их, это жизнь и это то чего хотели бы для тебя твои родители. Посмотри в свои глаза, ты увидишь глаза своей мамы, улыбнись и увидишь улыбку твоего отца. Они не оставили тебя, они все еще здесь, стоит только приглядеться.

Тетя Алина положила ладонь мне на грудь, там где гулко билось мое сердце.

— И они навсегда останутся здесь. Я люблю тебя, Злат, ты ведь знаешь? Я никогда не заменю тебе мать, но ты для меня всегда была как дочь.

Мы обнялись, и тетя Алина громко всхлипнула, а затем решительно отстранилась, поправляя мой макияж.

— Ладно, нечего здесь сырость разводить! А то всю красоту слезами смоем! Бери себя в руки, и вперед — на штурм самых красивых парней, и пленных не брать!

В универ я отправилась на такси. Ехать в машине Барского не было никакого желания, а толкаться в вечернем платье в автобусе — слишком странно, так что это было лучшим решением.

Уже подъезжая к университету, я услышала басы, раздающиеся из актового зала, где устраивался бал.

Меня немного потряхивало от волнения, и я крепко стиснула в руках телефон.

Когда я вошла в зал, музыка с бешеного ритма сменилась на медленную, и я нашла взглядом Андрея. Он уже спешил ко мне с другого конца зала.

Приблизившись, парень широко улыбнулся и поклонился мне, как если бы мы были героями какой-то книги про королевские интриги и балы. Я ответила ему шутливым

реверансом, немного покачнувшись на высоком каблуке с непривычки, и он меня подхватил.

— Ты прекрасна, — сказал Андрей, не отводя от меня нежного взгляда.

— Ты тоже ничего, — с улыбкой хихикнула я, разглядывая его костюм. В нем Андрей действительно выглядел иначе.

Мы танцевали несколько раз. Он вел себя достойно, не пытался прижать меня во время танца слишком близко, и разговаривал на нейтральные темы. А я все больше убеждалась в том, что сделала правильный выбор.

О таком парне можно было только мечтать, и все же... Что-то глубоко внутри не давало мне покоя. Мешало полностью отдаться чувствам к нему. Это меня пугало и злило одновременно.

После очередного танца я поняла, что мне нужен перерыв, и отлучилась, чтобы выпить пунша.

Воспользовавшись моим отсутствием, какая-то первокурсница схватила Андрея и буквально потащила на танцпол.

Сначала он немного опешил и даже споткнулся, но потом его лицо озарила широкая улыбка.

Я направилась к столу с напитками, но мне преградили дорогу.

Первым, что я увидела, были розовые, блестящие туфли.

Подняв взгляд выше, я увидела перед собой Лину, с ее неизменной свитой.

Я тяжело вздохнула, понимая, что так просто она меня в покое не оставит. Сводная сестра была решительно настроена испортить мне вечер.

Окинув меня презрительным взглядом, она заговорила так, чтобы нас слышало как можно больше народа:

— О-о-о! Да наша серая мышка решила выползти и своей норы... — договорить ей не дали, за моей спиной раздался приятный баритон, от которого по коже тут же поползли мурашки.

— Лина, тебе что, заняться больше нечем? Покритикуй лучше своих прилипал, выглядят как нечто розовое и пернатое. Что это за нашествие фламинго?

Я обернулась, в двух шагах от нас стоял Барский. В дорогом костюме вместо привычных брендовых джинс и рубашки, но без галстука. Даже здесь, на балу, он не изменял себе, и оставил верхние пуговицы небрежно расстегнутыми, что придавало ему некую небрежность.

Лина в шоке хватала ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, ее голос был словно пороссячий визг.

— Ты... Ты... Ты... Кирилл! Почему ты вообще заступаешься за эту замухрышку?!

У меня был тот же вопрос. Я повернулась к Барскому, и вопросительно вскинула бровь, но он не смотрел на меня, сейчас его глаза были полностью сосредоточены на его сестре.

Он перевел холодный взгляд на ее прилипал, и этого хватило, чтобы они разбежались. Губы его вытянулись в тонкую линию, на скулах заходили желваки.

— Уходи, — прошипел он сквозь зубы.

Осознав, что сейчас будут семейные разборки, я решила удалиться вслед за подружками Лины, но меня остановили:

— Стоять на месте! — рявкнул он, я заставив меня вздрогнуть от неожиданности и замереть на месте, — Это в первую очередь касается тебя, так что останься... — он посмотрел на меня и добавил уже мягче: — Пожалуйста.

Я кивнула, и молча осталась стоять.

— Значит так, Лина, если я еще раз увижу или услышу, а я услышу, ты знаешь, что ты унижаешь Злату или оскорбляешь память о ее родителях, ты будешь иметь дело со мной, ты меня поняла?

Я стояла, не в силах поверить в услышанное, Лина же просто взорвалась.

— Ты что защищаешь ее?! Эту страдающую идиотку?! Да что с тобой?! Это я — твоя сестра, а она нам — никто! И это... — она брезгливо поморщившись, ткнув пальцем в мою сторону, — Это, живет в нашем доме, пользуется нашими благами, тратит наши деньги, пользуется добротой наших родителей! Да, у нее погибли родители но мы-то тут причем?! Это не наша забота, и наша мама не обязана заменить ей ее мать! У нее просто слишком доброе сердце, вот она и носится с этой выскочкой... — договорить ей снова не дали.

— Заткнись немедленно! — прорычал Кирилл, и я снова вздрогнула — таким злым я его видела впервые, — Безмозглая идиотка! Что ты несешь?! Боже! Кто ты? Где моя сестра, во что ты превратилась?

Кирилла трясло от гнева, а я из этого разговора поняла одно: все это время она просто ревновала мать ко мне.

Мне даже стало жаль ее.

По сути, она одинокий человек, и, если убрать всю эту мишуру и деньги, ни одна из ее прилипал не останется рядом. Их отец вечно занят на работе, тетя Алина старается не обделять меня вниманием, чем только подливает масло в огонь.

Но все же, почему Барский за меня заступается? Какое ему до меня дело?

Злата

Лину трясло от гнева, по ее щеке скатилась слеза, и мы с Кириллом шокированно замерли. За годы, проведенные с ними, я никогда не видела ее плачущей. Казалось, она вообще не способна на человеческие чувства.

— Лина, пойми же... — уже спокойнее продолжил он, но Лина не желала его слышать.

— Замолчи! Ты сам выбрал на чьей ты стороне! Больше никогда не разговаривай со мной! — потрянув волосами, она круто развернулась на каблуках, собираясь уйти, но Кирилл поймал ее за руку.

— Лина!

— Отпусти! — прошипела она, прожигая его ненавистным взглядом, — Мне больше не о чем с тобой разговаривать!

Лина вырвала руку из захвата Кирилла и выскочила из зала под злорадные шепотки студентов.

Он некоторое время смотрел ей вслед, затем тяжело вздохнул и повернулся ко мне.

— Ты как, в порядке? — он нервно провел рукой по волосам, слегка взъерошивая их.

— Я в норме, мне не привыкать, но тебе лучше поговорить с ней. Она твоя сестра и ты ей нужен.

Кирилл с минуту смотрел на меня, потом резко выдохнул, и рывком притянул меня к себе, целуя. До дрожи, до бабочек в животе и головокружения, а потом также внезапно, скрылся в толпе, оставив меня в растерянности.

Ну и что это такое было?

Кирилл

При любых других обстоятельствах я бы ни за что не оставил Злату одну. Особенно зная, что рядом ошивается этот придурок, Андрей, но она была права. Лина была явно не в себе. Нужно было найти ее, пока она не натворила глупостей.

За поворотом послышался удивленный голос ректора:

— Лина вы куда? Что случилось?

— Извините, мне плохо, так что я поеду домой.

— Да, конечно. С вами все будет хорошо? Может попросить кого-нибудь отвезти вас?

— Нет, спасибо, я сама доеду! — я слышу быстрые удаляющиеся шаги и следую за ней до самой парковки. Лина остановилась у своей машины, и я окликнул ее:

— Лина, подожди!

К счастью, она не упрямится, но и не поворачивается ко мне лицом. Рука сестры все еще на дверце двери.

— Лина ты моя родная сестра, и я всегда на твоей стороне, но ее ты трогать не будешь, и никто из твоей свиты тоже это не сделает, поняла? Вспомни как тебя любили ее родители, как всегда защищали и хвалили, а что изменилось Лина? Только они умерли, и она к нам переехала, как ты как с цепи сорвалась. Все время издеваешься над ней и оскорбляешь ее и ее родителей.

Резко развернувшись, она вспыхнула и закричала:

— Да как вы все меня достали! “Ой, какая Злата хорошая! Ой, как нам жаль Злату! Злата! Златочка! Лина, бери пример со Златы!” Все мне так говорят, но от тебя я этого

просто не ожидала! Если тебе так нравится Злата, будь ее братом, раз я такая плохая!

Она расплакалась, не заботясь об испорченном макияже, и мне пришлось сказать то, о чем я позже пожалею.

Злата

— О, смотри-ка, наши Высочества вернулись, — насмешливо сказала Катя, одна из “подружек” Лины, указывая в сторону улыбающихся Барских, — Неужели помирились?

В ответ я лишь презрительно фыркнула.

Что и требовалось доказать. Дружба таких Кать стоит дешевле футболки в секунде в дни распродаж. Только дашь слабину — тут же укусят в спину.

Задумавшись, я не заметила как ко мне подошел Андрей.

— Кажется ты обещала мне еще один танец, — с улыбкой сказал он, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. В руках у Андрея было два бокала с пуншем. Один из них он протянул мне, и я рассеянно обхватила его пальцами..

Со всем произошедшим я как-то подзабыла о том, что пришла на бал не одна.

— Прости, — с виноватой улыбкой ответила я, разглядывая плавающий кусочек апельсина в бокале, — Разборки Барских совсем выбили меня из колеи.

— Да, я видел, — на секунду мне показалось, что его глаза злобно сверкнули, но уже через миг он смотрел на меня как всегда, — Ума не приложу что не так с этим парнем. То грубит тебе, то наоборот, целует при всех... Между вами что-то есть?

Я замешкалась с ответом всего на минуту, затем бросила взгляд в сторону Барских, которые даже не смотрели в нашу сторону, и покачала головой:

— Нет, совсем ничего. Мы с ним слишком разные. Ему намного больше подошла бы какая-нибудь модель-балерина.

— Вроде нашей “королевы”? — с улыбкой спросил он.

— Да, кто-то вроде нее, — соглашаясь с ним, я почувствовала как в груди предательски кольнуло, и поднесла бокал к губам, пытаясь спрятать эмоции.

Напиток оказался немного кислым и терпким, с приятным сладким послевкусием и цитрусовыми нотками. Было вкусно, поэтому за первым глотком последовал второй, а за ним и третий, пока в бокале не осталась только долька апельсина.

А потом... Потом мы с Андреем танцевали. Много танцевали.

Мне было хорошо, а потом стало плохо.

Внезапно я почувствовала тяжесть в теле. Свет казался слишком ярким, музыка — слишком громкой. Ноги стали ватными, а голова закружилась. Казалось, что мы оказались не в зале, а на корабле во время шторма. Пол подо мной раскачивался... А может это меня шатало?

Собрав последние силы, я стала глубоко дышать, но сознание медленно покидало меня.

— Мне что-то нехорошо... — слабо прошептала я, повисая на Андрее, и на секунду мне показалось, что он улыбнулся.

Нет, бред какой-то, с чего бы Андрею улыбаться в такой ситуации? Я не в себе. Наверняка мне просто показалось.

— Пойдем, тебе нужно на воздух, — ответил он, уводя меня в сторону выхода из зала, как вдруг его остановили, и меня перехватили чьи-то теплые сильные руки.

— Спасибо, дальше я сам о ней позабочусь, — холодно сказал Барский, прожигая Андрея взглядом.

Если бы взглядом можно было убивать, эти двое бы друг друга уничтожили. Андрей

явно не хотел ему уступать, но знал, что Барский не отступится, и вскоре Кирилл подхватил меня на руки.

— Держись, — шепотом сказал он, вынося меня из зала.

Постепенно музыка и свет перестали давить на меня. Улица принесла спасительную тишину и прохладу.

Затем послышался звук открываемой дверцы машины, и Кирилл уложил меня на заднее сидение, закутав во что-то теплое. Наверное это был его пиджак.

Словно сквозь сон, я почувствовала, как его руки коснулись моего лица, затем приоткрыла глаза и увидела испуганное лицо Барского. Он склонился надо мной так низко, что едва не касался своим носом моего.

— Злата, посмотри на меня! Ты что-то пила?

— Пунш... — слабым голосом ответила я, и тут же вымученно скривилась. Горло как будто стеклом с гвоздями полоскали.

— Кто тебе его принес? — в глазах Барского загорелся опасный огонек. Он был зол. К счастью, его злость была направлена не на меня.

— Андрей... Но я не понимаю причем здесь это...

Не ответив, Барский закрыл дверь машины, впрыгнул на переднее сидение и изо всех сил вдавил в пол педаль газа.

Дальше все было как в тумане.

Больница, врачи... Плачущая тетя Алина. Позже — полиция.

Как я узнала позже, Андрей подсыпал в пунш наркотики. Зачем и почему — он так и не признался, но меня явно не ждало ничего хорошего.

Само собой, его арестовали, а меня оставили в больнице на несколько дней под наблюдением, хоть и сказали, что здоровью уже ничего не угрожает.

Все эти дни тетя Алина неизменно навещала меня, привозила домашнюю еду и сменную одежду, а еще много плакала.

— Поверить не могу, что такое произошло прямо в вашем университете, при толпе народа! И еще этот Андрей... На вид такой хороший парень... Слава богу Кирилл вовремя вмешался! Даже боюсь подумать о том, что было бы, если бы этот мерзавец забрал тебя тогда!

— Тетя Алина, не плачьте, пожалуйста. Со мной уже все хорошо...

Как и вчера, я старалась успокоить ее, но это было ложью.

Я до сих пор не могла поверить в то, что Андрей пошел на подобное. Почему? Зачем? Но, что самое ужасное, я даже не могла спросить его об этом. Теперь уже наверное никогда не узнаю.

— Ты права, главное что этого мерзавца поймали, и самого страшного удалось избежать. Все уже позади.

Кирилл

Еще никогда я не был так напуган, как в тот вечер.

Там, в зале, увидев как Злата оседает в руках этого придурка, я сразу понял, что что-то не то.

Слава богу я успел вмешаться, и не дал ему увести ее.

А потом, когда узнал о том, что случилось на самом деле, я был зол, как никогда. Я и не догадывался, что могу злиться настолько, чтобы убить, но, честное слово, если бы я добрался до этой мрази раньше полиции, я бы не остановился.

За то, что посмел подмешать ей какую-то дрянь, и за то, что собирался сделать после. Я бы не оставил от этого ничтожества и мокрого места.

Все дни, что Злата провела в больнице, мама навещала ее. Я тоже приходил, но в это время она в основном спала. Отец и Лина не приходили, но ничего другого я от них не ждал.

В день выписки мама была занята, поэтому я сам приехал забрать ее.

За всю дорогу Злата не произнесла ни слова, глядя в окно машины пустым взглядом. Такой в последний раз я ее видел два года назад, первые недели после аварии.

Я почувствовал, как на меня вновь накатывает ярость на этого подонка.

Руки с силой сжали руль, до боли в пальцах и побелевших костяшек, а затем, пропустив поворот, я повернул в другую сторону.

— Мы разве не едем домой? — удивленно спросила она, отрываясь от окна, и я чуть улыбнулся маленькой победе.

— Если ты не торопишься, есть одно место, в которое я хотел бы заглянуть.

В ответ она безразлично пожала плечами и вновь отвернулась к окну, потеряв интерес к происходящему.

Злата

Кирилл вел себя странно. С того самого случая на балу... Нет, с нашего первого поцелуя он будто был сам не свой. Если честно, я его совсем не понимала. Да и после того, что сделал Андрей, больше не была уверена в том, что понимаю людей.

Раньше все казалось таким простым: Лина была обычной капризной и избалованной девчонкой, Кирилл — вечно хмурым мажором и бабником, а Андрей — простым хорошим парнем. А теперь... Теперь я совсем запуталась.

Когда по пути из больницы он сказал, что хочет заехать кое-куда по пути с больницы, я ждала чего угодно, но только не этого...

Застыв перед входной дверью в заведение, какое-то время я просто переводила взгляд с яркой вывески на сводного брата, а затем, поймав его улыбку, не выдержала:

— Ты серьезно привез меня в кафе-мороженое? — удивленно спросила я. Выражение его лица стало насмешливо-оскорбленным.

— Не просто кафе-мороженое, а лучшее кафе-мороженое в городе! — с гордостью заявил Барский, открывая передо мной стеклянные двери.

Я не была уверена в том, что сейчас подходящее время для мороженого, но спорить не стала. Вместо этого я молча вошла внутрь.

Это было детское кафе.

Из колонок звучали песни из мультфильмов, под потолком висели разноцветные шары, со свисающими вниз блестящими ленточками. На полках у стены были расставлены детские игрушки и книги сказок. Да и большинство посетителей были именно родителями с детьми, но были и шумные компании, и влюбленные пары.

Кто-то праздновал день рождения. У толпы ребятишек на головах были яркие разноцветные колпаки. Официант в ярком фартуке принес им большой торт-мороженое со свечкой в форме цифры восемь. Девочка, совсем маленькая, в розовом платье, радостно захлопала в ладоши и задула свечу, загадав желание.

Нас провели за свободный столик, и, бросив короткий взгляд на меню, я вновь посмотрела на Барского. В ответ он удивленно вскинул бровь.

— Что?

— Не могу поверить, что из всех мест на этой планете ты решил приехать сюда.

— Почему это? — на его губах появилась озорная улыбка. Казалось он наслаждался моей растерянностью.

— Ты тут смотришься инородно. Примерно как пингвин в пустыне, — честно ответила я. В ответ Барский насмешливо фыркнул, а затем молча уткнулся в меню. Правда ненадолго.

— А в каких местах я по твоему провожу свободное время? — взгляд парня стал цепким, внимательным, и я ответила:

— Бары... Клубы... Рестораны... Какие-нибудь дизайнерские бутики с супер-дорогими мужскими джинсами и рубашками, чтобы носить их с расстегнутыми пуговицами... Ну и спальни разных пышногрудых красоток.

Слушая меня, Кирилл широко улыбался и согласно кивал.

— Ну, не без этого, да, — признался он, закрывая меню, затем шепнул что-то официанту, и тот, широко улыбнувшись, кивнул и удалился, — Я заказал и тебе, надеюсь ты

не против.

— Думаешь знаешь, чего я хочу? — изогнув бровь, спросила я.

— Если не угадаю, закажем что-нибудь другое, — ответил Барский. Но, судя по всему, он ни капли не сомневался в том, что не ошибся с выбором.

Что ж... Вынуждена признать, он и вправду не ошибся.

Хоть это и было кафе-мороженое, в меню были не только десерты и напитки, но и первые, и вторые блюда.

Кирилл заказал мне грибной крем-суп с сухариками, картофельное пюре с куриными отбивными и весенний салат. А на десерт — кусок нежнейшего шоколадного торта, имбирный чай и шарик кокосового мороженого с шоколадной стружкой.

— Но как ты узнал?.. — удивленно спросила я, глядя на него, — Как ты узнал про мои любимые блюда? Возможно ты догадался насчет отбивных и пюре, но этот торт... Кокосовое мороженое с шоколадной стружкой... Я не ела их с тех пор, как погибли родители.

Барский ответил не сразу. Глядя на меня, он какое-то время молчал, а затем сказал то, чего я меньше всего ожидал услышать.

— Ты наверное уже не помнишь, но много лет назад, когда мы были детьми, твои родители решили устроить твой день рождения здесь, в этом самом кафе. Они пригласили моих родителей, а те взяли с собой нас. Тогда на тебе тоже было платье, как у Алисы из сказки. Ты была очень дружелюбным и жизнерадостным ребенком. Сразу предложила нам дружить, — его губы тронула едва заметная улыбка, и он продолжил, разрезая медальоны под соусом:

— По какой-то причине я хорошо запомнил этот день, до мельчайших деталей. Помню, как Лина фыркнула и оттолкнула тебя, за что ее тут же отругали, а ты попросила ее не ругать. А потом принесли торт и мороженное, и ты была так счастлива... Думаю тогда я впервые влюбился.

Какое-то время я сидела, растерянно хлопая ресницами, а затем рассмеялась.

— Ой, не могу... А говорят у тебя нет чувства юмора! А ведь на секунду я чуть не повелась... Скажи, ты всех девушек сюда приводишь, или только когда другие приемы не работают?

Я не язвила и не пыталась его как-то задеть, но мысленно была готова услышать в ответ какую-нибудь грубость.

Однако, вместо этого он ненадолго поджал губы и спросил:

— Почему ты думаешь, что это шутка?

В ответ я устало покачала головой.

— Брось, Кирилл. Мы с тобой прекрасно знаем, как ты ко мне относился все эти годы. С самого моего появления в вашем доме ты только игнорировал и избегал меня. Иногда грубил, относился как к вечной проблеме, как к занозе в заднице, и до недавнего времени никогда не пытался вести себя иначе. Ты правда хочешь, чтобы я поверила в то, что я — твоя первая любовь?

— Это правда. Я знаю, что вел себя с тобой все эти годы, как засранец. Но я не лгу. В тот день ты мне действительно понравилась. Очень понравилась. Но годы шли, ты росла, и твои родители больше не решали, кого позвать на твой день рождения. Мы виделись все реже, и почти не знали друг друга. А потом однажды наша мать вернулась домой вся в слезах, и рассказала об аварии.

Я помрачнела, будто вновь переживая тот страшный вечер, а Кирилл все говорил и говорил. Казалось, он дошел до точки кипения, когда пришло время высказать все, что накопилось у него в душе за эти годы.

— Ты наверное никогда в это не согласишься, но в тот день вся наша семья оплакивала твоих родителей. Даже Лина прорыдала всю ночь, и никто, даже я, не мог ее успокоить. Они ведь были нашими крестными. В каком-то смысле мы действительно были семьей.

Это нас не оправдывает, но когда наша мать привезла тебя, потерянную и разбитую, мы не знали как к тебе подступиться, особенно я. Несколько дней я пытался решиться с тобой заговорить, даже часами стоял у дверей твоей комнаты, собираясь сказать или сделать хоть что-то, хоть что-нибудь... Но я трусил. А потом я просто привык тебя избегать, и уже не мог иначе.

Возможно, найди я в себе силы тогда, все было бы иначе. Я должен был сказать это намного раньше. Я должен был быть рядом. Должен был остановить Лину давным-давно. Прости меня, Злата...

Какое-то время я молчала, задумчиво глядя на счастливых, резвящихся детей, их друзей и родителей, и вдруг осознала, что впервые за долгое время не чувствую при этом боли. Наверное это и зовется исцелением...

— Знаешь, когда родители погибли, мне казалось, что весь мой мир рухнул, разрушился и рассыпался на миллиарды осколков в той проклятой аварии. Я даже желала выжившему водителю смерти. Я не понимала, почему он жив, а их больше нет? Почему виновник аварии выжил?

Тюрьма, его рухнувшая жизнь — все это казалось слишком малой, несправедливой платой за содеянное. Даже если бы он провел в тюрьме тысячу лет, для меня этого было бы недостаточно.

Я была зла на весь мир. Зла на судьбу, который вынес такое решение, на адвоката виновника аварии, за то, что тот посмел защищать убийцу, на нашего адвоката за то, что не сумел добиться более строгого наказания... Я была зла на все счастливые семьи. На всех детей, не потерявших родителей. Но больше всего я была зла на саму себя, за то, что меня не было с ними в той машине.

По моей щеке все же скатилась предательская слеза, и Кирилл нежно стер ее, успокаивая, желая поддержать.

— Не говори так. Они бы этого не хотели.

— Знаю... За это я себя тоже ненавидела. За то, что была эгоисткой, и заставляла волноваться тетю Злату. За то, что не ценила жизнь — их главный подарок.

А потом, навещая их могилу, я пообещала им, что возьму себя в руки. Что изменюсь и буду бороться ради них, что стану человеком, которым они могли бы гордиться.

— Но ты оставалась одна.

В голосе Кирилла не было жалости или осуждения. Он просто сказал правду.

— Потеряв двух самых дорогих мне людей, я едва не умерла. Не физически, морально. В тот день глубоко внутри меня что-то надломилось. И я решила, что будет лучше, если я больше никого не пущу в свое сердце. Потому что, если никем не дорожишь, то никогда не испытаешь той боли, что едва не разрушила меня.

Вновь встретив Андрея, я впервые нарушила правило не подпускать никого к себе, подумала, что смогу жить как все. Ходить на свидания, влюбляться... И вот, чем все обернулось.

Кирилл стиснул мои пальцы в жесте поддержки, и холодно произнес:

— Послушай меня очень внимательно. Забудь о нем. Он был мразью, подонком. За то, что он сделал, его убить мало, но послушай меня, Злата. Ты прекрасная девушка, и однажды найдешь себе до тошноты замечательного парня. И он сделает тебя счастливой. Такой счастливой, что однажды ты забудешь все дерьмо, через которое тебе пришлось пройти, и заведешь с ним семью, детишек. Каждый год вы будете ездить в отпуск: в горы, на море, в Европу, и выставлять в соцсетях множество раздражающе-счастливых фото...

— А что насчет тебя?

— А я буду рассматривать эти фото и кусать локти, зная, что упустил свой шанс.

Кирилл

— Прости, что ты сейчас сказал?

Злата улыбается, глядя в сторону шумных детишек. Те уже доели торт, и теперь их вовсю развлекал аниматор в костюме одного из популярных мультяшных героев, устроив конкурс под громкую музыку.

В ответ я улыбнулся, в тайне радуясь, что она не расслышала последнюю фразу. Само собой, я не собирался ее повторять. Ни к чему ей это слышать. Это бы стало причиной ненужной неловкости между нами.

Вместо этого я произнес совсем другое:

— Если честно, я и сам не знаю. Отец хочет, чтобы я унаследовал его бизнес, но я не уверен, что хочу быть частью строительной фирмы. Дело, конечно, неплохое, прибыльное, но я не могу не думать о том, что эта работа делает с моей семьей. Отец почти не видит нас и мать. Он пропустил столько важных дней, столько праздников и важных моментов прошло мимо него... Не знаю, будут ли у меня когда-нибудь дети, но я бы для них этого не хотел.

Это не было ложью или просто красивыми словами.

В отличие от Лины, я не винил отца за его выбор, но не хотел следовать по его стопам. И надеялся, что он примет мое решение, когда мы поговорим об этом.

Злата молча выслушала меня, опустив взгляд, а затем наконец ответила:

— Я думаю ты должен поступать так, как считаешь нужным. В конце концов это твоя жизнь. Никто, кроме тебя, ее не проживет, поэтому никто, кроме тебя, не должен решать, как это сделать.

Я был благодарен ей за эти слова. И все же... Предсказать, как на это отреагирует отец, было невозможно. Скорее всего будет разочарован. А вот насколько — хороший вопрос.

— Вполне вероятно, что он вычеркнет меня из завещания тут же, как только узнает об этом, — с мрачной улыбкой отвечаю я, — Мягкостью отец никогда не отличался.

Злата задумалась всего на миг. Как и мы, она видела его нечасто, и в большинстве случаев он просто молчал, уставившись в телефон, или был занят работой.

По-настоящему злым она его видела всего пару раз: первый, когда Лина устроила маме истерику в свой день рождения, и второй, когда меня едва не исключили, но, уверен, оба глубоко врезались ей в память.

— Уверена, ваша мама не позволит ему с тобой так поступить. Она любит вас. Я знаю, она найдет правильные слова, чтобы вразумить его.

Я покачал головой, безжалостно уничтожая узор на пенке кофе с помощью ложки.

— Не думаю, что в подобной ситуации она сможет как-то повлиять на отца. Я уже нашел другую квартиру. Это моя страховка, на случай если он решит выгнать меня из дома. А так вероятнее всего и будет.

— Думаешь он на это пойдет? — Злата помрачнела, совсем забыв и про торт, и про шарик кокосового мороженого с шоколадной стружкой, которое стремительно таяло в стеклянной вазочке.

— Работа для него — все. Эта компания занимает все его время и внимание. Так было еще до нашего рождения. Он уверен, что после выпуска сможет передать ее мне. Сомневаюсь, что он с улыбкой примет мое решение отказаться от всего этого.

— Но ты ведь его сын! — в голосе Златы слышится искреннее возмущение и отчаяние.

Что ж... Думаю, нет ничего удивительного в том, что она этого не понимает. Ее родители с ней никогда бы так не поступили. Они были совсем другими людьми.

Однажды Лина призналась мне, что завидует Злате. Что хотела бы, чтобы ее отец был нашим отцом. А неожиданное признание мамы о том, что когда-то давно у них с отцом Златы был роман, только подогрело эту одержимость.

— Если бы не ее мать, он мог бы быть нашим папой! — сказала она как-то в детстве, — Тогда он не пропустил бы ни одного нашего дня рождения! Ни одного Рождества или любого другого праздника! Тогда мама бы не плакала оттого, что ее оставили одну!

Само собой, маме пришлось поговорить с ней на эту тему. Объяснить, что она любит родителей Златы, и они — ее очень дорогие друзья. И что нашего отца она тоже очень любит, а он любит нас, просто он очень занят на работы.

Тогда Лина надулась и неделю ни с кем не разговаривала, кроме меня.

Возвращаясь к нашему разговору, я мягко коснулся руки Златы, успокаивая ее.

— Все в порядке. Какое бы решение он ни принял, я к нему готов.

В конце концов, в этой жизни за все приходится платить. В том числе и за свободу выбора. Это я уяснил давным-давно.

Единственное, о чем я жалел, это о том, что мой уход может разочаровать маму. Но я знал, что, в отличие от отца, она поймет меня и примет любое мое решение. Тем более если будет знать, что я в порядке.

Злата помрачнела, и я мигом пожалел о том, что вообще поднял эту тему. Я ведь привез ее сюда для того, чтобы подбодрить, а не расстроить еще больше.

Одно хорошо — о том подонке она больше не вспоминала. Ему тоже предстояло платить за содеянное, несколько лет так точно. Особенно если он продолжит молчать.

В том, что гад действовал один, я сомневался, как и следователь.

Наркотик, который он подмешал Лине, было довольно сложно достать в нашем городе. Более того, даже если бы он умудрился его каким-то образом достать, ему бы на него просто не хватило денег.

Я знал, что этот гад не из богатой семьи. Он даже не мог оплачивать учебу в университете, поэтому до последнего держался за стипендию, пока не слетел с нее. Кажется срок оплаты учебы истекал в следующем месяце, сразу после сессии. И, если бы он каким-то чудом не достал деньги, его бы просто отчислили.

Моей теорией было то, что ему предложили денег либо за похищение Златы, либо за компромат на нее. Пусть она и не была родной дочерью моим родителям, даже одно фото могло всерьез навредить репутации моей семьи, а значит и компании моего отца.

Но, до тех пор, пока этот урод молчал, это было только теорией. Я не мог ничего доказать, не мог обвинить конкретных людей. А ведь, если я прав, заказчик этого дерьма все еще был на свободе, и в любой момент мог сделать следующий шаг. А значит это могло повториться.

Мы уже обсуждали эту версию со следователем и родителями, и сошлись на том, что какое-то время ни Злата, ни Лина не должны передвигаться по городу в одиночку. Более того, на телефон каждой будет установлена специальная программа, которая позволит отследить их в случае необходимости.

Само собой, Лина была не в восторге от этого.

— Это вмешательство в личную жизнь! Почему вляпалась она, а страдаю я?! —

возмущенно выпалила она, глядя на свой телефон в моих руках. Клянусь, дорожке этого куска из пластика и железа в розовом чехле у нее ничего не было.

— Потому что, если целью было навредить не Злате, а нашей семье, ты тоже в опасности, — устало ответил я, заканчивая устанавливать программу, — Или ты хочешь торчать в каком-нибудь подвале, не зная, найдем мы тебя или нет?

Надувшись, Лина забрала протянутый ей телефон, и даже спасибо не сказала. Что ж, по крайней мере мои слова заставили ее замолчать. В последнее время выносить ее истерики было все сложнее.

К счастью, Злата была не в пример разумнее, и просто кивнула, когда ей сказали, что это вынужденная мера.

Когда с едой было покончено, я думал о том, чтобы заехать в боулинг или кино, но чувствовал ее усталость, поэтому отвез Злату домой.

Там она почти час провела в ванной, пока я, как мальчишка, думал о ней. Представлял ее в горячей воде с ароматной пеной, невинную и обнаженную, и думал о том, с каким удовольствием оказался бы там, с ней.

Само собой, в реальности она меня к себе и на метр не подпустит. По крайней мере пока.

Пусть я и знал, что не подхожу ей, сдаваться я не собирался. Сегодня был первый настоящий шаг к нашему сближению. К пониманию. К прощению старых ошибок и новому началу.

Следующий шаг я сделал тем же вечером.

Чуть позже, спустя какое-то время после того, как Злата вышла из ванны, я остановился перед ее дверью и наконец постучал. Она открыла, и замерла, удивленно глядя на меня. Вид у нее был слегка разморенный. Кажется она дремала.

— Кирилл? — зевая спросила она, — Что-то случилось?

Прежде, чем ответить, я протянул ей огромное ведро попкорна и бутылку газировки. Да, не самая полезная еда, зато отличный выбор для киновечера.

— Я решил устроить киновечер, не хочешь присоединиться?

Я был готов к тому, что она откажется. День выдался насыщенным, как и неделя в целом. Да и Злата выглядела уставшей. Но, вопреки всему, она широко улыбнулась, забирая у меня ведро сырного попкорна, и отступив в сторону, сказала:

— Конечно, проходи!

Я знал, что Злата обожает Гарри Поттера. Когда мама отправляла меня будить ее, я часто видел заставку со знаком даров смерти, так что долго ломать голову над выбором фильмов не пришлось.

Стоило начать первую часть, как она припала к экрану ноутбука, не обращая внимания на то, что я лежу слишком близко. Что я не просто в ее комнате, а на ее кровати, и наши бедра соприкасаются. Я же смотрел только на нее и не мог перестать об этом думать.

К концу первого фильма она настолько расслабилась, что, сама того не замечая, прижалась ко мне.

Тогда я нежно провел пальцами по ее щеке, убирая за ухо непослушную прядь волос, и она наконец посмотрела на меня. В ее глазах все еще горел огонек восторга от просмотра любимого фильма, но это не все. В них не было смущения или страха от близости со мной, вместо них я впервые за много лет увидел то же тепло, что когда-то заставило меня в нее влюбиться. И тогда я ее поцеловал.

Не так, как в спортзале, после той долгой тренировки. И не так, как несколько дней назад, на балу.

Этот поцелуй отличался от всех поцелуев, которые были у меня до этого. Он был особенным.

Еще ни одна девушка не вызывала у меня такой нежности и страсти одновременно. Ни с одной я не чувствовал того же, что чувствовал рядом с ней.

Каждое ее прикосновение, каждый вдох сводил меня с ума.

С ней я хотел быть лучше. Я хотел быть тем, кто достоин ее. Тем, кто сделает ее счастливой. Такой счастливой, что однажды она забудет все дерьмо, через которое ей пришлось пройти, и заведет с ним семью, детишек. Каждый год будет ездить в отпуск: в горы, на море, в Европу, и выставлять в соцсетях множество раздражающе-счастливых фото...

И ради этого я был готов на все. На любую глупость. Любой безрассудный поступок.

Но сначала я должен был найти урода, который нанял Андрея, и избавиться от всего, что ей угрожает.

Злата

Если бы неделю назад кто-то сказал мне, что однажды я проснусь в своей кровати с Кириллом, обнимая его после ночного марафона фильмов о Гарри Поттере, я бы фыркнула и посоветовала ему обратиться к психотерапевту.

Кто бы мог подумать, что я не только не испытаю отвращения, но и укрою его пледом вместо того, чтобы прогнать?

Нет, я не стала наивной дурочкой, и не забыла о том, как он отправился на свидание с другой сразу после нашего поцелуя. Однако вчерашний разговор наконец помог нам лучше понять друг друга. И теперь мы могли бы стать... Друзьями?

Да, пожалуй мы могли бы ими стать.

В конце концов он не только спас меня, но и поддержал в трудную минуту, а для меня это значило очень много.

Я не стала напоминать себе о том, что друзей, как правило, не целуют. А если и целуют, то совсем не так, как он целовал меня вчера. И друзья не отвечают на поцелуи друзей так, как вчера ответила я.

И уж тем более не хотят повторения.

А я хотела.

Вопреки своим убеждениям, вопреки здравому смыслу. Вопреки всему я хотела этого. Я не могла перестать думать о его руках, о его дыхании на своей коже, о его губах и нежных прикосновениях.

Я знала, что это неправильно. Что мы слишком разные, и ни к чему хорошему это не приведет, однако ничего не могла с собой поделать.

Даже сейчас, глядя на спящего Кирилла, я хотела провести пальцами по его губам и коснуться их своими.

Пытаясь прийти в себя, я ушла в ванну, надеясь, что утренний душ поможет мне прийти в себя и прогнать смущающие мысли, а когда вернулась его в комнате уже не было.

Наверное я должна была почувствовать облегчение, ведь он избавил нас от неловкого разговора, но отчего-то я ощутила укол обиды. Мог по крайней мере попрощаться, а не сбегать так, будто теперь, когда он провел ночь в моей постели, я решу вынудить его жениться на мне.

Тяжело вздохнув, я перекинула влажную, наспех заплетенную косу через плечо и, опустившись на кровать, придвинула к себе ноутбук. До сих пор не могу поверить в то, что уснула на третьей части. Она ведь одна из моих самых любимых.

Когда я уже собиралась закрыть ссылку, в дверь постучали. На пороге показался Кирилл с двумя чашками ароматного кофе.

— С добрым утром, красавица, — с улыбкой произносит он, опуская мою чашку на прикроватный столик.

Я шутливо прикладываю руки к груди в районе сердца и ахаю:

— Сам Кирилл Барский принес кофе мне в постель? Я точно не сплю?

— А если бы спала, это был бы хороший сон? — спрашивает он вместо ответа. Я задумчиво поднимаю взгляд к потолку и не отвечаю. Вместо этого делаю первый глоток кофе. Вкусно.

— Ты что-то в него добавил? — вкус не такой, как всегда, но мне нравится. Единственное что, я не могу понять, что именно изменилось.

— Гвоздику, корицу и кое-что еще. Знаю, обычно ты пьешь его просто с молоком, но почему бы не попробовать что-нибудь новенькое?

Почему-то в тот миг мне показалось, что он говорит не о кофе. А потом мой телефон громко завибрировал, привлекая внимание.

Мне пришло смс с незнакомого номера. И, сама не знаю почему, я почувствовала неладное еще до того, как открыла его.

“В день бала я слышал разговор твоего сводного брата и его сестры. Думаю тебе будет любопытно это услышать”.

Вслед за смс мне пришло видео.

Забыв как дышать, я бросила короткий взгляд на Кирилла и спрятала телефон в карман. Я не знала что там, но была уверена в том, что смотреть его при Кирилле — плохая идея.

— Не хочешь немного прогуляться? Погода сегодня просто замечательная! — предлагает Барский, глядя на меня из-под ресниц.

Отлично, похоже он не заметил перемену в моем настроении. Я стараюсь взять себя в руки, чтобы не выдать волнения, но почти уверена в том, что оно слишком заметно. У меня даже ладони от нервов вспотели, когда я вновь подумала о странном сообщении.

Похоже кто-то стал свидетелем разговора Кирилла и Лины, и умудрился незаметно его записать. Вот только зачем? И что в нем такого важного, чтобы присылать его мне?

Как ни пыталась переключиться и подумать о чем-то другом, у меня ничего не выходило. Мои мысли то и дело возвращались к сообщению и личности отправителя.

Кто он? Откуда у него мой номер? Чего он добивается?

Кирилл легонько щелкает меня по носу, возвращая к реальности. Похоже я слишком долго тянула с ответом.

— Ау! Земля вызывает Злату! Прием! Как слышно?

Он насмешливо машет рукой перед моим лицом, и я моргаю, пытаюсь вспомнить его последний вопрос.

— Прости, я просто немного задумалась, — я постаралась улыбнуться, вышло немного натянуто. Ничего удивительного. Мне всегда плохо удавалось притворство.

На секунду я засомневалась в том, что поступаю правильно, скрывая от него смс, ведь она напрямую касалась его самого, да и прислать ее мог кто угодно. С чего мне доверять тому, кого я даже не знаю?

Мы с Кириллом только-только сблизились, и сделали шаг навстречу друг другу, и я почувствовала укол вины за то, что предаю его доверие.

Однако даже это не заставило меня рассказать ему правду.

Не сейчас. Мне нужно еще немного времени. Я должна увидеть все собственными глазами, и потом поговорю с ним.

— Да, думаю мне не помешает прогуляться.

Кирилл внимательно следит за мной, потом хмурится и прикладывает руку к моему лбу, словно проверяя температуру.

— Ты не заболела? Если тебе нехорошо...

— Все в порядке! Меня просто кое-что беспокоит. Не волнуйся за меня, правда. Прогулка — это то, что нужно!

Кирилл молчит. По его выражению лица сложно сказать верит он мне или нет, но, как

бы то ни было, Барский не давит на меня, и я ему за это благодарна. Не знаю, что бы я ему ответила сейчас, если бы он спросил.

Прогулка и правда немного помогла.

Мы отправились в парк аттракционов. Кажется я не была там с одиннадцати лет. Горки, карусели и аттракционы, о которых я раньше и подумать боялась.

Мы прокатились на американских горках, сходили в дом с привидениями, со страшными куклами, выпрыгивающими на тебя из темноты со зловещим смехом из динамиков. Несколько раз я даже решалась подойти к катапульте, и мы даже занимали очередь, но я передумала в последний момент.

Потом я увидела, как какой-то парень пытается оседлать механического быка и захотела попробовать. И, пусть у меня не получилось продержаться на нем достаточно, чтобы выиграть приз, было правда весело.

— Ты все равно продержалась дольше этого парня, — с улыбкой подбодрил меня Кирилл.

Вот уже полчаса мы просто шли рядом по аллее, поедая разные вкусности. Сейчас в моих руках было огромное облако из сахарной ваты, от которого я отрывала по кусочку, комкая их в сладкие шарики, и отправляла в рот.

— В следующий раз я попробую выиграть эту шляпу! — заявила я, бросая в рот большой шарик. В этот раз мне не хватило всего двух минут.

Механический бык — самый коварный из аттракционов. Только он то замедляется, заставляя тебя расслабиться, то неожиданно сходит с ума, как настоящий бык, заметивший красную тряпку.

Чтобы удержаться на нем, нужно не только иметь сильные руки и ноги, но и балансировать так, чтобы не соскользнуть с быка, когда он едва ли не ложится то на один, то на другой бок.

Пока мы шли, мой взгляд остановился на большой плюшевой панде — это был приз в одном из аттракционов. В нем к стене были подвешены шарики с водой, в которые посетителям за деньги предлагалось попасть дротиками. Чем больше попаданий, тем лучше приз: от утешительных брелков и браслетов до больших плюшевых игрушек.

Проследив за моим взглядом, Кирилл улыбнулся.

— Хочешь ее? — спросил он, кивая на панду.

— Брось, — с улыбкой ответила я, качая головой, — Все знают, что такие аттракционы — сплошной развод. Ты все равно ее не выбьешь.

Взгляд Кирилла неожиданно стал хитрым, как у лиса, а затем он спросил:

— Как насчет пари?

— Пари? — удивленно переспрашиваю я.

— Если я смогу ее выиграть, ты будешь должна мне одно желание. Если нет — то я тебе. Все честно. К тому же ты все равно уверена в том, что у меня не получится. Тебе нечего терять.

Я и правда не верила. Не потому, что Кирилл недостаточно ловок, просто я никогда не доверяла таким призовым аттракционам. Однако соглашаться не спешила.

— Откуда мне знать, что ты не попросишь что-то обидное или неприличное?

— Справедливо. Хорошо, — согласился он, — Ты согласна на пари, если я не стану желать ничего такого?

Задумавшись, я кивнула, и Кирилл решительно шагнул в сторону владельца

аттракциона, вынимая из кошелька купюру. Взамен он получил восемь дротиков.

Владелец объяснил ему правила, и Кирилл принялся за дело.

Заиграла музыка, он прицелился, и первый дротик угодил точно в цель. Зеленый шарик лопнул, оставив на стене мокрое пятно. За ним и второй, и третий. Так продолжалось до тех пор, пока последний дротик, брошенный Кириллом, не угодил в цель.

Владелец аттракциона явно раздосадован, но деваться некуда. Кирилл честно попал во все шарики и выиграл главный приз.

Через минуту в его руках оказывается большая плюшевая панда, и он, широко улыбаясь, отдает ее мне. Я едва могу обхватить ее обеими руками, но счастливо прижимаю к себе и зарываюсь носом в мягкий мех.

— Спасибо, — искренне благодарю я. Наверное я бы даже его обняла, если бы у меня не были заняты руки, — Так какое у тебя желание?

— Пойдешь со мной на свидание снова?

— Ты спрашиваешь, хоть и победил? — удивленно спрашиваю я, и улыбка Кирилла становится виноватой.

— Ты же не думаешь, что я правда заставил бы тебя пойти, если бы ты не хотела?

Я не знала что на это ответить. Покраснев, я спрятала смущение за плюшевой пандой и тихо сказала:

— Хорошо, я пойду... Но не потому, что ты выиграл, а потому что сама этого хочу.

К тому моменту, как мы вернулись домой, странное смс от незнакомца почти вылетело у меня из головы. Я даже думала о том, чтобы удалить и его, и видео.

Что бы там ни было, это касалось Кирилла и Лины, и я решила, что мне не обязательно этого знать. Сегодня нам было очень хорошо, и я не хотела это испортить.

Однако у автора видео было другое мнение на этот счет.

Уже в полночь, лежа в своей кровати и обнимая плюшевую панду, я увидела новое смс:

“Похоже тебе нравятся лицемеры. Как жаль, что их чувства ненастоящие”.

Злата

“Да кто ты такой?!” — пишу я, не особо надеясь на ответ, но он приходит меньше, чем через минуту:

“Друг”.

Прочитав короткое сообщение, я фыркнула.

Друг? Очень в этом сомневаюсь...

“Что тебе нужно?” — пишу я, и мрачно смотрю на экран. Мой взгляд то и дело возвращается к видео, но я все еще не собираюсь его открывать. Кем бы ни был отправитель, мне совсем не нравились его манипуляции.

“Всего лишь справедливости. Такие, как Барский, привыкли, что им все сходит с рук. Девушки для него — пустое место. Думаешь ты — исключение? Тогда посмотри видео”.

В какой-то момент я уже почти блокирую отправителя и удаляю переписку с ним, как вдруг... Меня что-то останавливает.

Я чувствую, что не стоит ему доверять. Кем бы он ни был, мне он точно не друг, а Кириллу — тем более. И все же любопытство пересиливает меня и заставляет нажать на воспроизведение видео.

Вскоре я понимаю, что оно снято на парковке возле универа, из одной из машин. Вижу Лину, застывшую возле другой машины — той, что родители подарили ей совсем недавно. Вижу Кирилла, поймавшего ее за руку. Вернее вижу его спину. Они о чем-то говорят, кажется на повышенных тонах, но я ничего не слышу до тех пор, пока автор видео не открывает окно.

— Ты правда думаешь, что я это всерьез? — спрашивает Кирилл.

Я хмурюсь. О чем это он?

— Я уже не знаю что думать! — фыркает в ответ Лина, — Ты как будто помешался на ней! Не понимаю, что ты вообще в ней нашел! Она так хороша? Ни за что не поверю в то, что наша мисс невинность сумела тебя удивить после того, как ты переспал с половиной университета!

— Не неси чепухи, — хмуро отвечает он, сунув руки в карманы.

Лина смеется, и ее смех отзывается тошнотой в моем желудке. Мне нехорошо, однако я продолжаю смотреть.

— Только не говори мне, что тебе захотелось попробовать чего-то новенького! Нет, я не осуждаю, но ты мог найти себе кого-нибудь нормального? Она тебе не подходит.

— Сам знаю, — холодно отвечает он, и я чувствую, как сердце болезненно сжимается, — Она не для меня.

— Значит между вами ничего серьезного? Ну слава богу! А то твоя одержимость этой девчонкой уже начала меня пугать. Дай знать, когда наиграешься с ней. Хочу заснять ее лицо, когда ты будешь говорить ей ту же фразу, что и всем. Как там было? — вспомнив, она его передразнила: — “Прощай, и не вздумай закатывать истерики. Терпеть их не могу”.

Затем Лина снова громко рассмеялась, и видео оборвалось. А мне показалось, что мое сердце превратилось в пустой холодильник.

Было больно, холодно и пусто.

Я не могла поверить в то, что повелась на чары Барского. Позволила его улыбке и

сладким речам меня обмануть.

Я знала, на что шла. Знала, какой он, и все равно поверила ему, потому что глубоко в душе хотела ему верить. Барский сумел залезть мне в душу, и добраться до сердца, не сломав ни одного ребра. Но, что хуже, я сама его впустила.

Да, я сама во всем виновата. Он ведь мне ничего не обещал. Он никогда ничего никому не обещает. Об этом знают все, но иногда так легко забыть... Особенно когда он смотрит так, как смотрел вчера.

Я должна забыть про Барского. Должна выбросить его из головы. Его и эти проклятые свидания и поцелуи. Ради себя самой. Чтобы не стать одной из тех девушек, что ползают у него в коленях, со слезами умоляя не бросать их.

Нет, я никогда не стану так унижаться. Как бы больно и горько мне ни было, как бы сильно я бы ни хотела, чтобы все было иначе, я не стану как они.

Шмыгнув носом, я стерла со щеки влажную дорожку. Правда, толку от этого не много — на ее месте тут же появляется другая.

Пытаясь скрыть слезы, я обнимаю подушку и прячу в ней лицо. Наволочка мигом становится мокрой, но меня это не волнует. Меня вообще больше ничего не волнует. Все, чего я хочу в тот момент — навсегда остаться в этой комнате, чтобы меня никогда не нашли.

Спала ли я той ночью? Сложно сказать. Кажется я проплакала до самого утра.

Кто же знал, что его слова так по мне ударят?

Для меня стали шоком не столько они, сколько моя собственная реакция. Я ведь с самого начала знала, что мы друг другу не подходим. Знала, что он не создан для нормальных отношений. С самого первого поцелуя я повторяла себе, что это ничего не значит. Что это ошибка. Так почему же мне так больно?

Когда раздался стук в дверь, я вздрогнула. Я знала, что это он. Больше никто не стал бы стучать в мою комнату с самого утра. Но я была не готова его видеть.

Я не ответила, в надежде, что он уйдет, и, когда дверь всё-таки открылась, трусливо спряталась под одеяло, накрывшись им с головой.

Почти минуту ничего не происходило, и я даже была уверена в том, что он сейчас развернется и уйдет, но, вместо этого, Кирилл подошел ко мне и опустился на кровать рядом со мной, заставив матрас прогнуться под своим весом.

— Только не говори мне, что ты все еще спишь.

Его голос, то ли грустный, то ли уставший, заставляет мое сердце предательски забиться, и я притворяюсь спящей, чтобы избежать разговора. Да и что я ему скажу?

"Я знала, что ты — бабник, но все равно, как последняя дура, поверила в то, что между нами происходит что-то особенное"? "Ты мне ничего не обещал, но я все равно хочу большего"? "Я знаю, что между нами никогда и ничего не будет, и мне больно от осознания этого"?

Нет, лучше не позориться.

Нужно взять себя в руки. Он не должен знать, что я проплакала всю ночь из-за него. Я должна сохранить лицо, потому что, кажется, кроме него у меня ничего не осталось.

Но, как бы я ни пыталась скрыть свое пробуждение, скрыть мокрую подушку и опухшее от слез лицо я так и не смогла.

Приподняв одеяло, Кирилл ласково провел пальцами по моей щеке, а затем нежно поцеловал в уголок губ, и прошептал:

— Что случилось? Я что-то сделал не так?

Приоткрыв глаза, я почувствовала, как они снова наполняются слезами, и покачала головой.

Пожалуйста, только не заставляй меня говорить. Если я начну, то уже не смогу остановиться.

— Пожалуйста, не будь таким нежным, если я ничего не значу для тебя.

Всего секунда, и в его взгляде что-то меняется. Лицо становится серьезным.

— Почему ты так решила? — спрашивает он.

Шмыгнув носом, я вытерла влагу с щек, и ответила:

— Ты ведь сам сказал, что я тебе не подхожу. Не бойся, я не буду закатывать истерики и доставать тебя. Просто дай мне немного поплакать над собственной глупостью.

На секунду Кирилл замирает, удивленно глядя на меня, а затем до него наконец доходит, и он стремительно мрачнеет.

— Что она тебе наговорила?

— Кто? — я догадываюсь, что он говорит о Лине, но не собираюсь этого показывать.

— Хочешь сказать Лина здесь не при чем? — не похоже, что Кирилл верит в это. Судя по выражению его лица, он готов сорваться на сестре прямо сейчас.

— Это не она, — как бы сильно я ни недолюбливала Лину, перекладывать на нее ответственность было бы слишком мелко и глупо, — Кто-то снял вас двоих, когда вы были на парковке, и прислал мне видео. Сначала я не собиралась его смотреть, но человек, приславший его, был слишком настойчивым.

Кирилл сжал кулаки до побелевших костяшек. Он был зол.

— Ты знаешь, кто это был?

Тяжело вздохнув, я медленно покачала головой.

— Он не представился. Я пыталась спросить, но ничего не добились. Знаю только, что он тебя недолюбливает. По крайней мере догадываюсь. Он не слишком хорошо о тебе отзывался.

— Какой сюрприз... — Кирилл фыркнул, а затем внимательно посмотрел на меня, — Послушай, я догадываюсь, как это для тебя прозвучало, но я не это имел в виду.

— Ты не обязан оправдываться. Я ведь сказала, я не буду навязываться...

Он прервал меня на полуслове, приложив палец к моим губам.

— Дай мне сказать. Пожалуйста.

Я всегда считал, что ты лучше меня. Ты искренняя, честная и добрая. Ты заслуживаешь того, кто будет всегда будет честен с тобой, и никогда не заставит плакать. До сих пор я считал, что не способен на это.

— А теперь? Думаешь ты можешь быть таким человеком?

— Не знаю, — честно отвечает он, — Но я бы очень хотел им стать. Ты должна знать, что для меня ты — не одна из многих. Это не игра и не развлечение. Ты действительно много значишь для меня, Злата.

— Значит ты впервые готов нарушить свое главное правило?

— А какое у меня по-твоему главное правило? — с улыбкой спросил Кирилл, склоняясь надо мной. Глядя в его глаза было невозможно не улыбнуться в ответ.

— Не давать обещаний.

Мы целовались, наверное, целую вечность. Казалось, он забирал все мои тревоги и сомнения. С ним было спокойно и хорошо, а еще на душе было тепло, как никогда.

А позже, когда Кирилл ненадолго вышел, чтобы я могла переодеться, я удалила все

сообщения от незнакомого номера и отправила его в черный список.

Хватит видео, хватит игр и непрошенных советов. Кем бы ни был отправитель видео, в тот момент я была уверена в том, что попрощалась с ним навсегда.

Тогда я еще не знала, что он найдет другой способ связаться со мной, и не догадывалась о том, насколько он опасен. Возможно сохрани я номер, и выясни мы с Кириллом личность отправителя, мы бы смогли предотвратить ужасные события следующей недели. Однако я понятия не имела о том, что нас ждет.

Ни в тот день, ни в следующие два, я о нем даже не вспоминала. Странный незнакомец, отправивший мне видео, забылся, как забываются страшные сны. В одно мгновение ты просыпаешься с колотящимся сердцем в холодном поту, а в другое уже даже не можешь вспомнить о том, что тебя напугало.

Мы с Кириллом все-таки сходили на свидание, в кино и торговый центр, который открылся на прошлой неделе. Ужинали просто на фудкорте, с трудом отыскав свободный столик, но было здорово. И даже то, что мы столкнулись с группой однокурсников, не испортило тот день.

А потом пришло смс с другого незнакомого номера. К нему прилагалась фотография:

“Бедная Злата, вечно доверяет не тем парням. Прошлый едва не продал тебя, уверена, что этот будет лучше?”

Фото было немного размытым, явно снятым издалека, и все же я узнала человека на нем. Это был Андрей.

Злата

Не похоже, чтобы Андрей знал, что его фотографировали.

Он был снят сбоку, с довольно большого расстояния. На Андрее была надета черная толстовка с капюшоном, и все же это был он. А прямо рядом с ним...

Как ни старалась, я не могла узнать его собеседника или собеседницу, но по фото было видно, что ему что-то передали. Какой-то конверт. Скорее всего с деньгами.

В этот миг я осознаю, что возможно держу в руках фотографию заказчика моего похищения, и уже собираюсь позвать Кирилла, чтобы показать его ему, как вдруг сообщение просто исчезает, и вместо него я получаю еще одно:

“Не спеши. Игра только началась”.

Я слышу, как громко бьется мое сердце, и пытаюсь взять себя в руки, но у меня не выходит. Внезапно приходит осознание, что отправитель пугает меня больше, чем Андрей, и тот, кто его нанял.

“Чего ты хочешь?” — спрашиваю я, и отправляю смс.

Проходит минута, две, три... И я почти уверена, что он не собирается отвечать, как вдруг едва потухший экран телефона вновь вспыхивает, и мне приходит сообщение:

“Развлеки меня. Если хочешь узнать, кто хотел тебе зла, делай, что я скажу”.

“А если я откажусь?”

Я хмурюсь. Мне совсем не нравится происходящее. И все же я хочу узнать больше, прежде чем заблокирую и этот номер тоже.

“Ты не хочешь знать, что произойдет в таком случае”.

Я в жизни не делала ничего, чем меня можно было бы шантажировать. Это блеф.

Однако, сколько бы я себе это ни повторяла, от угрозы мне все-таки не по себе.

“Ты блефуешь. У тебя на меня ничего нет”.

Ровно минуту я уверена в том, что мое сообщение поставило наглеца на место, но только до тех пор, пока не получаю ответ:

“Зато у меня есть кое-что на твою любимую приемную мамочку. Как думаешь, что с ней будет, если все узнают, что она изменяла своему дорогому муженьку?”

Я бледнею, затем снова и снова перечитываю проклятое сообщение, пытаюсь убедить себя в том, что все это ложь. Тетя Арина любила свою семью, любила своих детей и мужа. Она не могла так поступить. Просто не могла.

Словно прочитав мои мысли, аноним присылает еще одно сообщение и прикрепляет фото.

“Думаешь я лгу? Тогда что ты скажешь на это? И, что важнее, что на это скажет твой новый парень?”

Всего миг, всего один взгляд, брошенный на фото, и я оказываюсь в страшном сне, который в жизни не могла представить. Я смотрю на присланное фото и пытаюсь убедить себя в том, что это фотошоп, или в том, что у меня галлюцинации, однако фото подлинное.

— Нет... — шепотом произношу я, прикрывая рот дрожащей рукой, — Это не может быть правдой... Не может...

По моей щеке вниз катится слеза, но я в таком шоке, что даже не обращаю на это внимания.

Я хочу разбить телефон, уничтожить его, чтобы никогда больше не видеть этого, но не могу. Просто не могу разжать пальцы, и продолжаю смотреть на экран.

Как и видео, как и фото Андрея, эта фотография сделана тайно, и со значительного расстояния. Однако, в отличие от предыдущего, оно не смазано. Я отлично вижу лица людей, которые попали в кадр, и номер машины, на которой разбились мои родители.

Там, сидя на переднем пассажирском сидении, тетя Алина целовала моего отца. Его руки были на ее талии, а ее — на его шее. А еще на папе рубашка, купленная мамой незадолго до аварии.

Да, это был не блеф. Если это фото увидят, жизнь тети Алины будет уничтожена, как и моя. И в какой-то миг, клянусь, я этого хотела.

Меня обуревали злость, боль и отчаяние.

Как они могли? Почему они так поступили? Почему предали маму? Она любила их, верила им...

Догадывалась ли она, что происходит за ее спиной? Знала ли она, что муж изменяет ей с ее лучшей подругой?

Я пытаюсь вспомнить какой она была в последние дни жизни. Не было ли в ней того, чего я не заметила? Могла ли она знать обо всем, но притворяться ради меня и отца? Однако у меня ничего не выходит и я психую. Мне хочется крушить все на своем пути.

И вот тогда, когда мои нервы были натянуты до предела, пришло еще одно сообщение: “Если не хочешь, чтобы все увидели это фото, молчи о том, что узнала, и жди следующее задание. Посмотрим на что ты готова ради женщины, предавшей твою мать”.

Кирилл

Я не был уверен в том, что происходит, но чувствовал, что что-то не так. Что-то произошло, пусть Злата и отказывалась в этом признаваться.

Это началось несколько дней назад, после выходных. В понедельник Злата ни с того ни с сего отказалась ехать с нами в машине, и проделала весь путь до универа на автобусе.

Я волновался, поэтому поехал вместе с ней. В итоге Лина назвала нас чокнутыми, и поехала на своей машине.

Я пытался расспросить ее об этом, но Злата упрямо продолжала молчать, а потом... Пропустила тренировку.

Я прождал ее в спортзале почти два часа, прежде чем узнал, что она вернулась домой.

Вернувшись домой, я громко хлопнул дверью. Я был зол и расстроен, а еще я не понимал, что происходит, и то, что я не мог добиться от Златы нормального ответа, только больше выводило меня из себя.

— Когда ты собираешься рассказать мне о том, какого хрена происходит?

Я вошел в ее комнату без стука, чувствуя, что едва держу себя в руках. Наверное не стоило идти к ней в этом состоянии. Стоило немного остыть, прежде чем начинать тот разговор, но в тот миг я был слишком взбешен, чтобы думать об этом.

Тот, кто нанял Андрея, был все еще на свободе, и, я уверен, не отступился от своих планов после одной неудачи. И то, что Злата так беспечно относилась к собственной безопасности, перемещаясь по городу в одиночку, меня ужасно злило.

Она на меня даже взгляд не подняла, так и продолжила читать учебник, словно между нами ничего не изменилось.

— Я не понимаю о чем ты, — тихо ответила она. Я был готов зарычать.

— Я думаю ты прекрасно знаешь о чем я. Ты избегаешь меня с самых выходных. Скажи,

я что-то сделал не так? Потому что ещё вчера мне казалось, что все хорошо.

Все казалось намного лучше, чем просто хорошо. Как будто тех лет, что мы были друг другу чужими, просто не существовало. А теперь все было иначе. В ней как будто клацнули переключателем, заставив снова меня ненавидеть.

Злата молчала, и тогда я продолжил:

— Ты жалеешь о том, что случилось? В этом все дело? — хмуро спросил я.

Я пристально смотрел на нее, ожидая ответа, и видел, как мелко дрожат ее руки. Больше всего на свете я хотел коснуться ее, заглянуть в глаза, и понять так ли это. Хотел и одновременно боялся.

— Может и так. Может быть я жалею о том, что произошло. Может все это было одной большой ошибкой, — голос подвел ее, но я все равно услышал, отступая на шаг.

Я чувствовал себя так, будто мне врезали под дых.

Какое-то время я просто стоял, ожидая, что Злата скажет еще что-то, или хотя бы посмотрит на меня, но она так и не посмотрела. Меня для нее будто не существовало.

Тогда я сжал кулаки, возвращая себе привычную холодность.

— Прекрасно. Если это то, чего ты хочешь, я сделаю вид, что ничего не было и оставлю тебя в покое. Но ты не должна ездить по городу одна, пока полиция не поймает того козла.

Злата

Кирилл ушел, громко хлопнув дверью, и только тогда я дала волю слезам.

Наверное я так сильно не плакала с самой смерти родителей. А все потому, что я знала: в тот миг я потеряла его. Он уже никогда не посмотрит на меня как раньше, и мы больше не поговорим, как тогда, в кафе-мороженом. Я разрушила тот хрупкий мост, что возник между нами в последние дни.

"Всю жизнь Кирилл Барский причинял девушкам боль. Пришло время поменяться с ним местами. Вот твое первое задание: с этого дня избегай и игнорируй его, как будто он — пустое место. И помни: если решишь сжульничать и рассказать ему обо всем, все узнают о тайне твоего отца и твоей приемной матери".

Я не знала, кто отправлял мне эти сообщения. Не знала откуда у него видео с парковки универа, или фотографии Андрея, тети Алины и моего отца, но я знала, что ненавижу его больше всего на свете. Я еще никогда в жизни так никого не ненавидела.

За то, что он знал, за то, что он делал со мной, и за то, что заставлял меня делать.

Чтобы защитить тетю Алину и ее семью, я стала его марионеткой. Несмотря на то, что они сделали, я хотела защитить память о своем отце, хотела защитить тетю Алину и Кирилла от боли... И вместо этого причинила другую.

“Ты доволен? — пока я писала, слезы капали на экран телефона, из-за чего сообщение приходилось набирать по новой, — Я сделала то, чего ты хотел. Теперь ты оставишь меня в покое?”

"Даже не мечтай. Мы с тобой только начали. Твое следующее задание: забери документы из универа. Даю тебе две недели на размышления. Время пошло".

Несколько минут я сидела, пытаюсь убедить себя в том, что это — просто страшный сон. Что скоро я проснусь, и окажется, что ничего этого не было. Что все это: фотографии, шантаж, и тот последний разговор с Кириллом мне просто приснилось.

Но, даже если это был кошмар, я не могла проснуться. И, как бы сильно я этого ни хотела, сообщение с требованием забрать документы из универа никуда не делось.

Меня трясло. Это было слишком.

"Кто ты такой? Зачем ты все это делаешь?"

Я знала, что не получу ответа на первый вопрос, но надеялась, что получу ответ хотя бы на второй. И я его получила.

"Потому что я тебя ненавижу, как и всю эту гнилую семейку. Вас давно нужно было поставить на место".

Я проплакала всю ночь, не зная как быть дальше.

Несколько раз я начинала писать заявление об отказе от обучения, потом сминала бумагу, швыряла ее в стену и начинала все сначала.

Я ненавидела человека, который шантажировал меня, ненавидела себя, за то, что позволяла ему манипулировать мной, но не могла поступить иначе. Если он раскроет правду, если другие увидят эту чертову фотографию, многие жизни будут разрушены, а моего отца навсегда запомнят как изменника, который разрушил не только свою, но и чужую семью. Я не могла этого допустить. И, если мне придется пострадать ради сохранения этой тайны... Что ж, так тому и быть.

Кирилл

Я сорвался. Признаю. Мне окончательно снесло крышу.

Я не понимал, что происходит. Как ни пытался, я не мог объяснить резкую перемену в ее настроении. Ведь мне не показалось тогда. Мы действительно стали ближе. Я не верил в то, что она могла возненавидеть меня за одну ночь. Отказывался верить.

И тогда я решил, что раз Злата не хочет признаваться в настоящей причине, я выясню их сам. Даже если не хочу знать правду.

Но, конечно, было проще сказать, чем сделать.

Первым делом я попытался расспросить сестру, но Лина либо в самом деле ничего не знала, либо очень хорошо притворялась. Словом, я от нее ничего не добился.

— Можно подумать мне больше заняться нечем, — раздраженно фыркает она, захлопывая карманное зеркальце, а затем смотрит на меня с обидой, — Между прочим у меня есть свои проблемы и своя жизнь. Мне некогда бегать за твоей новой игрушкой и думать о том, как бы ей подгадить.

— Она мне не игрушка, — холодно отвечаю я, но она только отмахивается.

— Да мне все равно. Откуда мне знать, что за бес в нее вселился? Может от месячных озверела или перед сессией с ума сходит, как все заучки. И не надо на меня так смотреть. Это не я пришла к тебе с непонятными обвинениями.

Я тяжело вздохнул. Несмотря на яд в сторону Златы, в ее словах была доля правды.

— Ты права, прости. Я не должен был тебя обвинять, не разобравшись. Просто я знаю, ты ее не любишь.

— Ненавижу, — холодно поправляет меня Лина, — В этом ты прав. Я терпеть ее не могу. Но, к сожалению, в этот раз я действительно не при чем. Так что ничем не могу помочь, братец. Сам разбирайся со своей “золотой девочкой”.

Я думал, нервно меряя комнату шагами.

После разговора с сестрой вопросов стало только больше.

Если она не соврала, значит дело было в чем-то еще. В чем-то, что я упустил.

Что-то случилось ночью с воскресенья на понедельник. В это время Злата была дома, значит связаться с ней могли либо через ноутбук, либо через телефон.

Замерев, я едва сдержался, чтобы не ударить себя по лбу.

Ну конечно! Как я мог быть таким тупым?

В прошлый раз кто-то прислал ей видео, где мы с Линой говорили о ней на парковке. Злата сказала, что заблокировала его, но кто сказал, что этот же гад не мог завести еще одну сим-карту, чтобы продолжить терроризировать ее?

Если бы я только мог раздобыть ее телефон, чтобы убедиться...

План созрел у меня довольно быстро.

Возможно я перешел границы. Возможно это было неправильно и нечестно по отношению к ней, но я чувствовал, что должен вмешаться. Казалось, если сейчас закрою на это глаза, случится что-то неотвратимое.

Я дождался, пока она уснет, и тихо, как шпион, приоткрыл дверь в ее комнату. Я чувствовал себя вором.

Злата мирно сопела на кровати, обняв руками подушку. Телефона нигде не было.

Что ж, никто не говорил, что будет легко.

Осторожно, стараясь не разбудить, я подхожу ближе и склоняюсь над ней. Ее длинные ресницы едва заметно подрагивают во сне, а волосы разметались по простыням.

Желание поцеловать ее настолько сильное, что почти причиняет мне боль, но вместо этого я просто поправляю ее одеяло.

Не сейчас. Еще не время. Но в том, что оно придет, я не сомневаюсь.

У края подушки я замечаю темный прямоугольник — телефон Златы, и ловко поднимаю его. На этом, правда, моя удача заканчивается. Экран заблокирован, а пароля я не знаю.

Но, когда казалось, что хуже некуда, судьба решила врезать мне в под дых. Злата проснулась.

Злата

— Кирилл? — я сонно потираю глаза, удивленно уставившись на Барского и на свой телефон в его руках. Затем хмурюсь и выхватываю его из его рук. Он выглядит растерянным, даже сбитым с толку. Не ожидал, что я проснусь?

— Какого хрена ты здесь делаешь? Совсем свихнулся? — раздраженно спрашиваю я, надеясь, что он не уловит нотки страха в моем голосе, и не сумеет связать с тем, что мой телефон оказался в его руках.

Хорошо, что я додумалась поставить на него пароль. Хорошо, что Кирилл никак не смог бы прочитать те проклятые сообщения, даже если бы догадывался про них.

Я стараюсь выглядеть достаточно сердитой, какой была бы на моем месте любая нормальная девушка, в чью комнату посреди ночи вломился сводный брат, чтобы порыться в ее телефоне, но Кирилл не теряется. На его лице ни капли раскаяния. Более того, кажется он злится, и это сбивает меня с толку.

— Я хочу знать правду. Не ту чушь, что ты наговорила мне недавно. Скажи мне, что происходит.

Его слова бьют по мне, точно плеть, и мои щеки вспыхивают от стыда.

Возможно я поступала неправильно. Возможно Кириллу стоило узнать правду, даже если она ранит его. Возможно он заслуживал знать.

Больше всего на свете я хотела рассказать ему о том, что случилось. О шантаже, о наших родителях, и о своих чувствах. Настоящих чувствах. Но я не могла. Не могла заставить себя рассказать ему. Вместо этого я снова заставила себя солгать, причиняя боль и себе, и ему. Каждое слово пронзало меня, точно нож, ранив так глубоко, как только было возможно.

— Я уже все тебе рассказала, — мой голос должен быть твердым и холодным, как сталь, и все же он дрожит, а на глаза наворачиваются слезы, и все же я продолжаю: — Я не хочу тебя видеть. Я тебя ненавижу. Всегда ненавидела. Ты мне противен.

Я жду, что он снова развернется и уйдет, но Кирилл не сдвигается с места. Меня трясет. Слезы катятся по моим щекам, но я не могу остановиться, и продолжаю фарс, который начала.

— Чего ты ждешь? Убирайся! Проваливай!

Одну секунду он стоит, пристально глядя на меня, а затем неожиданно нависает надо мной и с жаром целует в губы.

Его руки скользят по моему телу, заставляя мои щеки пылать. Мои мысли путаются, а в животе будто поселился рой бабочек. Пару секунд я упрямлюсь, пытаюсь оттолкнуть его, а затем отвечаю на поцелуй.

Этот поцелуй был похож на взрыв, что сносит с ног, а потом рассыпается миллионами

искр. На лавину, которая нарастает, грозя похоронить все под собой. На метеоритный дождь.

Рядом с ним я забывала о том, как дышать. Забывала о шантаже, о интригах, в которых меня вынуждали участвовать, о предательстве моего отца. Забывала даже собственное имя.

В тот миг все казалось неважным. Все, кроме его губ, ласкающих мои, и пальцев, скользящих по моей коже.

Когда он наконец оторвался от меня, мой взгляд был затуманенным, а дыхание сбилось настолько, что от воздуха кружилась голова.

— Скажи это еще раз, — хрипло шепчет он, обжигая мою кожу неровным дыханием, — Повтори, что ненавидишь меня.

Я смотрю в его потемневшие глаза, и не могу думать ни о чем больше. Все мои мысли занимают они.

И все же я упрямо делаю то, о чем он просит:

— Я тебя ненавижу, — шепотом выдыхаю я, а затем все повторяется.

В какой-то момент наши поцелуи становятся глубже и смелее. Нет, не так, они до постыдного глубокие. Настолько, что мне не хватает воздуха, и кажется, будто он не нужен вовсе. И уже мои руки скользят по его телу, очерчивая мускулы и проникая под футболку.

Его кожа горячая, даже обжигающая, будто вместо крови у него течет настоящая лава. При других обстоятельствах я, наверное, сгорела бы от стыда, но я и не думала останавливаться.

— Скажи это снова... — шепчет он, и его голос сводит меня с ума не хуже прикосновений.

— Ненавижу... — упрямо повторяю я, и на сей раз сама тянусь к его губам. К счастью, он меня не отталкивает.

Это неправильно. Неправильно. Это настоящее безумие. Я знаю это, и все же, не остановилась бы, даже если бы знала, что пожалею об этом.

“Если это безумие, то я хочу сойти с ума”.

Это было похоже на шторм. На бурю, способную уничтожить тысячу кораблей, и стирающую острова с лица земли. На ураган, разрушающий целые города, и на пожар, способный за секунды охватить гектары леса.

Это было похоже одновременно на все и ни на что.

Я снова и снова шептала одни и те же лживые слова, снова и снова позволяя ему покрывать мое тело поцелуями. Кирилл целовал меня, сметая все границы. Если между нами и была черта, то он ее пересек, а я его не остановила.

Когда мы, тяжело дыша, оторвались друг от друга, он снова посмотрел мне в глаза, и снова попросил сказать ему правду, но я только покачала головой.

— Я не могу, — всхлипнув, прошептала я, — Я не могу... Прошу, пожалуйста, не заставляй меня... Я не могу тебе рассказать...

Тогда Кирилл прижал меня к себе, позволяя спрятать лицо у него на груди, и нежно погладил по спине и затылку.

— Доверься мне, — шептал он, — Что бы ни произошло, что бы ни было причиной, доверься мне, и я тебе помогу. Тебе не обязательно справляться с этим в одиночку. Я рядом.

— Ты не понимаешь... Если я расскажу, тетя Алина пострадает. Это может разрушить вашу семью.

На мгновение он хмурится и замирает, внимательно глядя на меня. Я вздрагиваю и испуганно закрываю рот ладонями, осознав, что сболтнула лишнего, но уже слишком

поздно.

— При чем здесь моя мама? Только не начинай снова ту же песню. Уверен, ты хотела как лучше, но, если это касается ее, значит я имею право знать.

Я закусываю губу. Сердце колотится, как сумасшедшее.

Сейчас или никогда.

Вздыхнув, я вынимаю телефон из-под подушки, куда недавно его спрятала, ввожу код для разблокировки, и, открыв злосчастный диалог, протягиваю его Кириллу.

На то, чтобы прочитать переписку, у него уходит несколько минут. Еще чуть больше уходит на осознание прочитанного.

Я внимательно слежу за ним, пытаюсь понять, что он чувствует, но понять что-либо по его лицу просто невозможно. Он снова холоден. Такой, каким я видела его всегда. Такой, каким он мне казался все эти годы, прежде чем мы сблизились. Прежде, чем открылись друг другу.

А затем происходит то, чего я боялась больше всего. Кирилл уходит и не оборачивается.

Злата

Какое-то время я все еще смотрю на дверь, надеясь, что он вернется, что обнимет меня и скажет, что все будет хорошо. Но проходят минуты, и я понимаю, что он не вернется, и уже скорее всего никогда не обнимет меня.

В памяти снова и снова всплывают слова анонима.

“Интересно, что на это скажет твой новый парень?”

Я и сама догадывалась, что так будет. Отчасти поэтому я и молчала. Я боялась, что он возненавидит меня за то, как поступил мой отец. И, кажется, не зря.

Я пытаюсь не столько спрятать лицо в подушке, сколько заглушить жалкие всхлипы, что против воли вырывались из моей груди.

Какая же я глупая...

Я не могу винить Кирилла за то, что он ушел, узнав правду, и все же мне больно. Так больно, что хочется кричать.

Я повторяю себе, что даже если бы я промолчала, рано или поздно правда все равно выплыла бы наружу. Возможно к лучшему, что Кирилл узнал обо всем от меня, а не от проклятого шантажиста.

Вспоминая о человеке, который мучил меня, и продолжал это делать, я до боли сжимаю кулаки — так, что ногти впиваются в кожу ладоней.

Глубоко в душе я понимала, что так дальше нельзя. Он никогда не остановится. Никогда не оставит меня в покое. Он будет играть мной, пока ему это не надоест, а потом все равно раскроет то, что обещал сохранить в секрете. Нужно остановить это безумие, пока все не зашло слишком далеко.

Этот гад дал мне две недели. Я могу предупредить тетю Алину о том, что он собирается сделать, чтобы она могла рассказать обо всем мужу и детям прежде, чем об этом узнают все СМИ нашего города.

Возможно это не спасет ее. Возможно правда ее уничтожит. Но у нее, по крайней мере, будет выбор... Разумеется только если Кирилл не решит раскрыть секрет матери раньше.

Набравшись решимости, я перевожу взгляд на экран телефона, вернее на часы. Три часа ночи. Слишком поздно, даже для такого важного разговора. Это подождет до утра.

Как ни стараюсь, больше я не могу уснуть.

Даже когда над городом восходит солнце, и его лучи пробиваются в комнату через неплотно закрытые шторы, я беспокойно ворочаюсь в кровати.

Когда мой телефон звонит, я вздрагиваю от неожиданности. Сердце заходится в безумном ритме, и я чувствую, как у меня потеют ладони. Мне страшно настолько, что я едва заставляю себя посмотреть на экран, но, когда решаюсь, вздыхаю с облегчением. Мне звонят насчет ремонта.

Человек, нанятый мной, чтобы привести квартиру родителей в порядок, сообщает, что ремонт закончен. Они сменили окна, лопнувшие от взрыва, и вчера вечером закончили клеить обои. Сегодня туда должны были завезти мебель и технику.

В ответ я благодарю и обещаю заехать ближе к обеду.

Вовремя. Я и так задержалась здесь непозволительно долго. Я ведь планировала съехать отсюда сразу после совершеннолетия. Если бы только не тот пожар...

Я убеждаю себя, что это к лучшему.

После того, как правда скроется, мне больше не будет места в этом доме. Не после того, что сделал мой отец. Возможно тете Алине тоже. По крайней мере у меня будет, что ей предложить, в качестве благодарности за то, что она заботилась обо мне все эти годы.

И все же, несмотря ни на что, это место стало моим домом. И, как бы я этого ни отрицала, мне было жаль покидать его, почти так же сильно, как родной дом два года назад. Жаль, что я больше не смогу завтракать с тетей Алиной, или ездить с Кириллом в универ. Теперь придется делать это в одиночестве.

Я повторяю себе, что так будет правильно. Меня здесь вообще не должно было быть. Этот дом, эта комната, не принадлежат мне. Это не моя семья, и я не имею никакого права здесь находиться. Я и без того злоупотребила их гостеприимством.

Когда я опускаюсь на колени, чтобы вытащить из-под кровати старый запыленный чемодан, который пролежал там без малого два года, по моим щекам катятся слезы. Я вспоминаю о том, как первый месяц упрямо отказывалась его разбирать, и из горла вырывается тихий всхлип.

Следующие несколько часов я так же тихо собираю вещи: одежду, небрежно висящую и лежащую в шкафу, книги, которые я успела купить за время, что жила здесь, пару небольших фигурок по вселенной Гарри Поттера, и внезапно понимаю как же мало у меня вещей. Всю мою жизнь можно было уместить в одном пыльном чемодане.

Я оставляю чемодан у двери и оглядываю опустевшую комнату пустым взглядом. Два года назад, оказавшись здесь, я бы ни за что не подумала, что однажды буду скучать по ней. Но я буду.

Наверное я по-своему люблю это место, не смотря на то, что теплых воспоминаний, связанных с этой комнатой у меня немного. Но у меня в памяти навсегда останется вечер, когда мы с Кириллом смотрели Гарри Поттера. И, конечно, эту ночь я тоже никогда не забуду, пусть у нее и был печальный конец.

Мне действительно грустно. А еще страшно посмотреть Кириллу в глаза. Настолько, что я не спускаюсь ни к завтраку, ни к обеду. А затем, крадучись, как заправский вор, иду к выходу.

Чемодан кажется мне неподъемным, но вовсе не от веса. И все же я упрямо тащу его к двери, до тех пор, пока за моей спиной не раздастся голос Лины.

— Что, наконец-то уезжаешь? — странно, но в ее голосе, помимо привычного злорадства, скрывается что-то еще. Что-то, чего я не могу понять.

Она стоит, прислонившись к дверному косяку, скрестив на груди руки, и пристально смотрит на меня, ожидая ответа.

Слова встают у меня комом в горле, и я молча киваю ей в ответ. Лина молчит, и совсем не выглядит радостной. Это сбивает с толку. Я всегда была уверена, что мой отъезд как минимум заставит ее плясать от счастья.

— Ремонт в квартире моих родителей закончен, так что у меня больше нет необходимости здесь оставаться, — тихо отвечаю я, и она кивает, а затем скрывается за дверью своей комнаты, а я выхожу из квартиры и закрываю за собой дверь. Во дворе дома меня уже ждет такси, готовое отвезти меня домой. Туда, куда я одновременно желала и боялась вернуться.

Я так и не смогла заставить себя поговорить с тетей Алиной лично, поэтому оставила для нее письмо. Там, где найдет его только она. Я надеялась, что она поймет, почему я не

смогла с ней попроситься. По той же причине я не смогла попроситься с Кириллом.

Закинув чемодан в багажник, я села на заднее сидение, и надела наушники, включив музыку. Почему-то, когда у меня дерьмовое настроение, мне попадаются только унылые песни, но сейчас я этому даже рада. Я бы не смогла слушать что-то веселое, даже если бы захотела.

Я уже и не помнила, когда мне в последний раз было так хреново на душе. Так, словно от нее ничего не осталось. Впрочем, может так оно и было.

Пусть не я сделала то проклятое фото, и не я собиралась использовать его против тети Алины и ее семьи, я чувствовала себя виноватой. Мне казалось, что я предаю ее. Что я разрушаю ее жизнь, после всего, что она для меня сделала. Казалось, что я предала Кирилла...

И, сколько бы я себе ни повторяла, что это глупость, что я здесь не при чем, я не могла перестать себя винить.

Всю дорогу я смотрела в окно, но ничего не видела. Я не обращала внимания на улицы, на дома и на людей снаружи. Даже то, что пошел дождь, я отметила не сразу, где-то на краю сознания, когда по запотевшему окну дробью застучали крупные капли.

Пока машина ехала, дождь перерос в настоящий ливень.

Даже в наушниках я слышала суровые раскаты грома. Где-то вдали сверкнула молния. Редкие прохожие торопились укрыться в магазинах и кафе от непогоды.

Не будь я в таком состоянии, я бы, наверное, заметила, что мы едем подозрительно долго. Да и путь, который выбрал водитель, совсем не похож на тот, которым я добиралась к дому родителей в прошлый раз, когда узнала о пожаре. Но я ничего не замечала. Все, происходящее вокруг, вдруг перестало меня волновать.

Даже то, что из-за пропусков тренировок и занятий меня, скорее всего, ждет исключение, казалось неважным. Я все равно не хотела быть ни чемпионкой по гимнастике, ни экономистом.

Впервые в жизни у меня было никакого плана на будущее, и мне было просто все равно. Все это казалось незначительным. Неважным.

Нравится родителям не хотели бы видеть меня такой. Возможно они бы даже разочаровались, будь они живы, хоть и не показывали бы этого. Скорее всего мама погладила бы меня по голове и сказала бы, что это просто такой период, однако я не уверена, что он когда-нибудь пройдет.

Я кажусь себе жалкой трусихой, которая пытается сбежать от проблем, и отчасти это правда.

Я бегу от Кирилла, потому что боюсь убедиться в том, что он меня ненавидит. Бегу от тети Алины, потому что не знаю, смогу ли скрыть то, насколько я сердита на нее за то, как они с отцом поступили с моей матерью. Бегу из дома Барских, потому что так, надеюсь, меня больше не смогут использовать, чтобы навредить кому-нибудь из них. Бегу от универа и тренировок, потому что уверена, что все равно не справлюсь.

Я — трусиха. Надеюсь там, с небес, родители не видят какой я стала.

Машина тормозит, но я осознаю это, только когда водитель выходит на улицу и открывает мою дверь. Тогда я наконец бросаю на него короткий взгляд и осматриваюсь. Эта улица мне не знакома.

Кругом ни одной души, но я не придаю этому значения: в такую погоду в этом нет ничего удивительного. Куда больше меня тревожит то, что я вижу вокруг: какой-то пустырь с

заброшенным зданием, и недостроенной многоэтажкой.

Я растерянно озираюсь по сторонам, и в моей груди поднимается нехорошее предчувствие, но я говорю себе, что для паники причин нет. Наверняка здесь какая-то ошибка. Или машина заглохла, или навигатор подвел. Сейчас я скажу водителю, что он привез меня не туда, и все разрешится.

Однако, едва я открываю рот, как к моему лицу прижимают тряпку с резким запахом. Несколько секунд я дергаюсь, пытаюсь отбиться или закричать, а затем в моих глазах стремительно темнеет и я теряю сознание.

Кирилл

Я ухожу, ничего не объяснив, и чувствую себя козлом, но не могу терять ни секунды. Чтобы поймать того, кто шантажировал Злату, и владел компроматом на мою мать, нужно было действовать быстро и решительно.

К счастью, у меня был один знакомый, способный вычислить кого угодно. Номер, с которого тот псих писал Злате, и скрины я переслал ему еще до того, как вернуть ей телефон. Через двадцать минут я был уже в его квартире.

Алекс встретил меня в помятой футболке, да и сам он выглядел не лучше. Судя по темным кругам под глазами и банке энергетика, которую он сжимал в руке, этой ночью он не спал, да и прошлой тоже, и все же впустил меня.

Мы здороваемся, дав друг другу пять и пожав руки, и проходим в его квартиру. Алекс живет один, и это будет очевидно любому, кто окажется у него в гостях.

— Ты когда-нибудь зайдешь ко мне, просто чтобы навестить старого друга, или я всегда буду твоим карманным хакером? — в шутку возмущается он, делая глоток из банки, но в его словах есть доля истины. В последнее время я действительно общался с ним исключительно по делу.

Мы с Алексом были знакомы с детского сада. И, должен признать, он всегда выделялся среди прочих.

Ему отлично давались компьютеры, и все, что с ними связано. Он мог взломать любую программу просто шутки ради. Алекс называл это разминкой для мозгов. Я знал, что найти козла, который решил, что может безнаказанно шантажировать Злату, для него раз плюнуть.

— Ты что-нибудь узнал?

Внешне я остаюсь спокоен, но глубоко внутри я зол. Зол настолько, что готов колотить бетонную стену голыми руками.

Алекс шлепается в кресло-мешок, и кладет на колени ноутбук, что-то быстро печатая. Его глаза бегают по экрану.

— Как я и думал, номер активировали недавно, буквально на днях. Он не привязан ни к одной соцсети.

Я сжимаю кулаки и мысленно считаю до десяти, пытаюсь сохранить внешнее спокойствие.

— Но ты сможешь его найти? Если он сделает то, что грозит, мой отец, вероятнее всего, подаст на развод, и пойдет на все, чтобы моей матери не досталось ни копейки. Он выгонит ее на улицу.

Несколько секунд Алекс не отвечает, и я чувствую, что начинаю терять самообладание.

— Расслабься, он никуда не денется. Но мне потребуется немного больше времени.

— Сколько? — мрачно спрашиваю я.

То, что Алекс сразу не называет сроки — хреновый признак. И, когда он отвечает, я понимаю, что был прав.

— Несколько дней. Максимум — неделя. Если его номер хоть где-нибудь засветится, я смогу вычислить его через айпишник. Конечно, он может использовать VPN, но это не будет такой большой проблемой.

Ответ мне не нравится, но выбора у меня нет, я киваю.

— Ты знаешь, я не останусь в долгу, — начинаю я, но он в ответ на это только отмахивается.

— Забей. Можно подумать, не будь у тебя денег, я бы остался в стороне.

Алекс хмурится, а вот я напротив улыбаюсь, хотя ситуация, в которой мы оказались, хуже не придумаешь.

Я не злился на Злату за то, что она сразу мне обо всем не рассказала, хоть и был уверен в том, что это помогло бы избежать многих проблем. Немного злюсь на мать, но понимаю, почему она так поступила. Отец всегда был слишком занят, слишком холоден. Нет ничего удивительного в том, что она решила искать утешение в руках другого мужчины, но хреново, что он оказался мужем ее лучшей подруги.

Я не представлял, как себя чувствовала Злата, когда только узнала об этом. В отличие от моих, ее родители всегда казались такими счастливыми. Я и представить себе не мог, что ее отец способен на измену. Наверняка и она тоже не могла.

Я вернулся от Алекса уже утром, после завтрака, и собирался зайти к Злате, чтобы обсудить то, что произошло ночью. Рассказать, почему я ушел.

Наверняка она подумала, будто я виню ее за произошедшее.

Однако, не успел я дойти до двери, как вдруг меня окликнула Лина.

— Мне нужна твоя помощь.

Я замер, удивленно вскинув бровь. Сестра редко просила меня о помощи, тем более в такой манере. Должно быть дело и правда дрянь.

Я прищуриваюсь. Как же невовремя! Мне сейчас совсем не до того, и все же... Я не могу ей отказать. Особенно, если у нее неприятности.

— Во что ты вляпалась? — устало спрашиваю я, и она виновато закусывает губу. Видимо ответ мне не понравится.

Я оказываюсь прав.

Она виновато опускает взгляд, и я понимаю, что все еще хуже.

— Ты помнишь Влада? — тихо спрашивает Лина.

Я задумываюсь всего на секунду, прежде чем в голове всплывает лицо недалекого качка — одного из поклонников сестры, а затем киваю.

За годы тщетных попыток он так ничего и не добился. Не смотря ни на что, Лина не отвечала ему взаимностью, и уже вряд ли ответит.

Он никогда не блистал умом, но я не мог представить, чтобы этот увалень ее обидел. Чего-чего, а вот доброты ему было не занимать. Мне было даже жаль его.

Устало вздохнув, я потираю переносицу и спрашиваю:

— Что он натворил?

Вместо ответа она качает головой, давая понять, что я ошибся. А затем неожиданно всхлипывает.

— Он здесь не при чем. Это все я. Я виновата... Мы были в клубе, немного выпили и танцевали... Потом я пожаловалась, что он стал слишком назойливым. Я не знала, что они так поступят!

В ее голосе слышится паника и даже отчаяние, и я хмурюсь. Никогда бы не подумал, что сестра способна на такие эмоции.

— Кто они? Что случилось? Да возьми же ты себя в руки!

Мне приходится обхватить ее за плечи и слегка встряхнуть, чтобы добиться от нее ответа.

— Другие парни избили его. Сильно. Его увезли в больницу. Говорят, травмы серьезные. Я не знаю что мне делать...

— Для начала успокойся. Истерикой ты ему никак не поможешь.

Лина тихо всхлипывает и кивает, соглашаясь со мной.

— Полиция тебя уже опрашивала? Ты рассказала им о том, что произошло?

В ответ еще один кивок. Я вздыхаю и потираю переносицу.

— Ситуация и правда паршивей некуда, но ты ни в чем не виновата, ясно? Ты не просила их его избить. Отвечать за произошедшее в любом случае будут они.

Лина снова кивает, но на ее лице нет и доли облегчения. Похоже она по-настоящему переживает за этого “прилипчивого парня”.

— Ты не думала о том, чтобы поехать к нему в больницу? — спокойно спрашиваю я, и она сникает.

— Я хотела, правда хотела. С самого начала. Но там была его сестра... Это она вызвала скорую и полицию, а потом сказала, что это я во всем виновата. Что, если бы не я, этого никогда бы не произошло. И она... Она запретила мне к нему приближаться.

— Ты хочешь, чтобы я тебя туда отвез?

Лина отрицательно мотает головой и со слезами смотрит на меня.

— Ты можешь навестить его вместо меня? Отвези ему еды, и, пожалуйста, передай, что мне очень жаль, что это произошло.

Я считаю, что ей лучше самой навестить его. Более того, у меня совсем нет на это времени, но Лина в таком отчаянии, что я просто не могу ей отказать, и в конце концов сдаюсь.

— Хорошо, я это сделаю, но только сегодня. Тебе стоит навестить его лично, если ты правда жалеешь о случившемся.

В ответ она согласно кивает и с благодарностью бросается мне на шею.

— Спасибо, Кир! Ты самый лучший!

Через минуту Лина вручает мне пакет с продуктами. В нем фрукты, два термоса и несколько коробочек с едой. Я не уверен, что ему сейчас все это нужно, но не спорю. Моя сестра впервые делает что-то не ради себя, и это удивляет, но при этом не может не радовать.

Перед уходом бросаю взгляд на дверь, за которой скрывается комната Златы, и убеждаю себя, что все будет хорошо. Я вернусь меньше, чем через час, потом мы поговорим и я все ей объясню. Я скажу, что ей не о чем переживать, и она ни в коем случае не должна забирать документы из университета.

Если бы я только знал, что она меня не дождет. Что, приехав, я обнаружу пустую комнату, в которой не будет ни Златы, ни ее вещей. Что узнаю, что ремонт в квартире ее родителей закончился, и она уехала, не попрощавшись, я бы ни за что не поехал в эту проклятую больницу. Я бы всучил пакет сестре и отправил ее одну. Но я понятия не имел, что так будет.

— Что, все еще не берет трубку?

Лина входит в мою комнату бесцеремонно, без стука, и так же, не спрашивая разрешения, плюхается на мою кровать, как будто нам все еще по восемь лет, но я ее не прогоняю. Мне не до того.

Я пытаюсь дозвониться Злате уже третий час, но она игнорирует все мои звонки и сообщения. Последние она даже не читает.

Вместо ответа я хмуро смотрю на нее и повторяю попытку, а после — отправляю смс: “Злата, нам нужно поговорить. Пожалуйста, перезвони мне”.

— Послушай, — осторожно начинает Лина, — Не знаю, что между вами произошло, но обычно, если девушка не берет трубку больше трех раз, на другие звонки она тоже не отвечает. Дай ей немного времени. Возможно тогда она остынет и сама тебе перезвонит.

Я хочу нарычать на нее. Сказать, что если бы она сама поехала в больницу, Злата бы не уехала, но Лина права. И, тяжело вздохнув, я беру себя в руки.

Я больше не звоню, но не выпускаю из рук телефон, ожидая ее звонка или сообщения. А с наступлением вечера решаю, что прождал достаточно, и отправляюсь к ней.

Не смотря на то, что прошло много лет, я все еще хорошо помню путь к дому ее родителей, и добираюсь туда меньше чем за пятнадцать минут. Вскоре передо мной показывается знакомая многоэтажка, я паркуюсь во дворе.

Тут мне повезло: я проскакиваю в нужный подъезд вслед за какой-то женщиной, и довольно быстро поднимаюсь на седьмой этаж, где останавливаюсь перед массивной дверью тамбура, и, собрав всю решимость в кулак, нажимаю на кнопку звонка.

Проходит секунда, другая, и я вдруг осознаю, что боюсь, что она не станет слушать, что даже не откроет мне. А затем слышатся шаги и звук отпираемого замка. Однако передо мной не Злата, а незнакомый мужик.

— Злата здесь? — спрашиваю я, стараясь не выдать своего замешательства, и мужик отрицательно крутит головой.

— Она говорила, что подъедет к обеду, чтобы подписать бумаги, но так и не приехала, и на звонки не отвечает... Вы, как увидите, передайте ей, что за задержку придется начислить доплату. Сами понимаете...

Он бубнит что-то еще, но я только отмахиваюсь, выхватывая из кармана телефон, и набирая номер полиции.

Несколько секунд я слышу только гудки, и так напряжен, что с легкостью могу взорваться, а затем, дождавшись ответа оператора, говорю:

— Здравствуйте. Я хочу заявить о пропаже человека.

Злата

Я приходила в себя постепенно, словно пыталась вырваться из крепких объятий сна. Но не тех, что заставляют тебя подольше понежиться в кровати в выходной день, а из тех, что держат людей в коме днями, неделями и даже месяцами.

Мне было плохо. Нет, не так, мне было по-настоящему паршиво.

Казалось, будто меня ударили по голове чем-то тяжелым. Каждая клеточка моего тела гудела, особенно раскальвалась голова, а в глаза будто налили раскаленной лавы.

Я сидела, привязанная к холодному неудобному стулу. Мои руки были туго связаны за спиной, так, что я ими даже пошевелить не могла, ноги тоже были связаны.

Поморщившись, я подняла глаза от пыльного серого пола и осмотрелась. Надо мной горела единственная лампочка, и та без конца моргала, но ее хватило, чтобы осветить пространство вокруг.

Похоже меня заперли то ли на каком-то заводе, то ли на складе. Одно было ясно наверняка: помещением уже довольно долго не пользовались по назначению. А значит шансы, что меня здесь случайно найдут, равны нулю.

Странно, но паники не было. Я не чувствовала ни ее, ни страха, хоть и понимала, что ничего хорошего меня не ждет.

Я не помнила как сюда попала. Зато отлично помнила как садилась в такси, и водитель привез меня совсем не туда, а затем прижал какую-то тряпку к моему лицу.

Да уж, дела плохи.

Когда люди говорят, что хотели бы оказаться на месте героев фильма, они вряд ли это имеют в виду. Будь у меня выбор, я бы точно выбрала что-то другое.

Попытки освободить руки ничего не дали. Я едва могла пошевелить пальцами. Похоже я слишком долго провела в таком состоянии.

— Очнулась наконец?

За моей спиной послышались медленные шаги.

Голос был мне незнаком, но точно принадлежал мужчине. Возможно тому самому таксисту... Разумеется если он вообще таксист.

— Давно я здесь?

Я не стала спрашивать где я и что он планирует делать. Ответ на первый вопрос я все равно не получу, а на второй, почти уверена, знаю сама.

Очевиднее всего — меня похитили ради выкупа, по приказу тех же людей, которые наняли Андрея. Как — уже другой вопрос.

— Всего несколько часов, но твоя приемная семья уже подняла на уши полицию. Рад, что мы не ошиблись, выбрав мишенью тебя. Я до последнего опасался, что они и пальцем не пошевелят ради твоего возвращения.

На это я ничего не ответила. В голове так некстати всплыли слова Лины о том, что я обуза. Она была права.

От меня одни неприятности. Даже теперь, когда я наконец решила уехать.

Сколько денег за меня потребуют эти козлы? Хватит ли того, что оставили мне родители, чтобы расплатиться с Барскими?

Обойдя меня по кругу, похититель сел передо мной на корточки. На его руках были

черные перчатки, на голове — капюшон, а на лице — карнавальная маска. Умный, гад, постарался, чтобы его не узнали.

Деваться некуда. Вместо этого пытаюсь запомнить размер обуви, комплекцию, рост и тембр голоса, потертость на кожаной куртке и пятно на штанах. Любую мелочь, которая поможет опознать этого козла.

Он поправляет маску левой рукой, ей же тянется к карману и достает телефон. Значит однозначно левша. Похититель направляет камеру на меня и в следующую секунду срабатывает вспышка. Он хмыкает и несколько раз нажимает на экран. Видимо отправляет кому-то мою фотографию, а затем смотрит прямо на меня.

— Что, даже кричать не будешь? — фыркает он. Я не могу понять бесит его этого или забавляет.

— Думаю, если бы меня здесь могли услышать, мне бы заклеили рот, — спокойно отвечаю я, — А значит поблизости никого нет.

Похититель шумно сопит через маску, а затем поднимается и начинает мерить помещение медленными шагами.

Должна признать, это довольно жутко, но я стараюсь ничем не выдать своих эмоций. Просто надеюсь, что мой похититель достаточно адекватен, чтобы не причинять мне настоящего вреда.

— Как меня бесят богачи, вроде вас... — неожиданно произносит он, останавливаясь, — Считаете себя неприкосновенными. Даже сейчас, вместо того, чтобы дрожать от страха, ты нагло смотришь мне в лицо!

Голос похитителя пропитан ненавистью, и я против воли вздрагиваю. Тогда на его лице появляется что-то, похожее на удовлетворение.

— Так-то! Без своих денег вы просто обычные люди, — смеется он. В его руке появляется складной нож. Я смотрю на острое лезвие и закусываю щеку, пытаюсь взять себя в руки. Однако, как ни стараюсь, мои колени все равно дрожат.

Пока похититель кружит вокруг меня, поигрывая ножом, я молчу, надеюсь, что так не смогу его спровоцировать, но он все равно заходит мне за спину и проводит лезвием по коже на моей шее.

— Думаешь, раз у тебя куча денег, стала бессмертной? — шипит похититель мне на ухо, — Но в венах у тебя течет обычная кровь, как и у всех вас, богатеньких подонков! Интересно, как отреагируют Барские, если получат твое ухо или палец? Как думаешь, это заставит их поторопиться с переводом денег?

От мысли о том, что он может сделать, мой желудок скручивается в тугий узел. Меня мутит. Но, хуже того, мне становится по-настоящему страшно.

— Боишься? — со смехом спрашивает похититель, и жуткая улыбка на его маске пугает меня еще сильнее, — Это хорошо. Такие, как ты, должны бояться. Вы должны трястись от страха и умолять о пощаде. Ну же! Умоляй меня!

До этого момента я и не подозревала, что можно испытывать одновременно и отвращение, и страх. Но он угрожал мне, и одновременно хотел меня унижить.

Когда похититель поднес нож слишком близко, я зажмурилась, а затем послышался грохот выбитых дверей, шум множества шагов, и на склад ворвалась полиция.

На то, чтобы скрутить сопротивляющегося похитителя, и развязать меня, у них ушло меньше минуты. Когда меня передали в руки медикам из скорой, они еще какое-то время они обыскивали здание на наличие сообщников и улики. При мне из него вывели еще двоих

мужчин. Они были без масок, но их лица были мне незнакомы.

Меня осмотрели в машине скорой помощи, после чего предложили поехать в больницу, но я отказалась. Затекишие конечности не казались достаточной причиной для этого.

— Спасибо, я в порядке. Я лучше поеду домой.

Конечно это ложь. Я совсем не в порядке, но у меня нет никакого желания ехать в больницу.

Медик с сомнением посмотрел на меня, но спорить не стал. Только спросил, есть ли кто-то, кто сможет меня отвезти. И тогда появился он. Кирилл Барский собственной персоной.

— Не волнуйтесь, я ее отвезу, — спокойно сказал он, пристально глядя на меня. Под его взглядом я ступевалась.

— Вы знаете этого человека? — обратился ко мне один из медиков, и я растерянно кивнула.

— Это мой сводный брат.

Вскоре я оказалась на заднем сидении его машины.

Я сидела, уткнувшись взглядом в собственные колени, и никак не могла решиться заговорить первой. Кирилл тоже молчал, неотрывно глядя на дорогу.

Он увозил меня все дальше и дальше от того проклятого места, но почему-то я не чувствовала облегчения. Наоборот, мысли, которые терзали меня до похищения, вернулись, и тяжким грузом легли на плечи.

Наконец, спустя двадцать минут, машина остановилась, вот только Кирилл отвез меня не к дому моих родителей, и не к дому своих. Дом, перед которым мы остановились, был новостройкой в хорошем районе с охраной и видом на парк.

— Где мы? — удивленно спрашиваю я, когда Кирилл отстегивает ремень безопасности и выходит из машины.

— Возле моего дома.

— Твоего? — переспрашиваю я, и он спокойно кивает, открывая передо мной дверцу, и помогает выйти из машины. Я все еще нетвердо стою на ногах, поэтому Кирилл меня придерживает, и от этой близости мне одновременно тепло и неловко.

— Я подумал, что это место больше подходит для предстоящего разговора.

Он слегка улыбается, заводя меня в подъезд, и я чувствую, что мне становится немного легче.

Внутри дом кажется таким же большим и новым, как снаружи. В лифте — ни надписей, ни царапин. Мы поднимаемся на самый последний этаж и, когда за нами закрывается дверь квартиры, Кирилл неожиданно притягивает меня к себе, почти до боли сжимая в объятиях.

— Я думал, что потерял тебя... — шепчет он, обжигая дыханием мой затылок, а затем целует так, будто в последний раз. Так, что у меня подгибаются колени, и нам приходится переместиться на диван, где Кирилл садит меня к себе на колени. Несколько минут я будто тону, растворяюсь в нем, в чувствах, волнами накатывающими на меня, а потом не знаю, что мне делать. Я совершенно запуталась.

— Я думала ты ненавидишь меня за то, что сделал мой отец... — растерянно шепчу я, — Думала ты больше не хочешь меня видеть...

На мгновение он отстраняется, обняв руками мое лицо, и заглядывает мне в глаза. Кирилл как никогда серьезен.

— Прости меня. Я поступил как козел, сбежав, ничего тебе не объяснив. Но это не то,

что ты думаешь. Я никогда не ненавидел тебя, Злата. И уж тем более не стал бы этого делать из-за ошибок наших родителей.

От его слов на меня волной накатывает облегчение и я всхлипываю, пряча лицо у него на груди.

— Тогда почему ты ушел? Где ты был все это время?

— Навещал друга. Он поможет поймать ублюдка, который тебя шантажировал. Он же помог найти тебя после похищения. Вернее твой телефон. Повезло, что эти придурки не додумались выбросить его по дороге.

Когда Кирилл говорит о похитителях, его глаза наполнены животной яростью, но, когда он снова смотрит на меня, в них появляется нежность, и я чувствую себя до невозможности счастливой.

— Я собирался все объяснить тебе утром, когда вернулся от него, но Лине понадобилась моя помощь, а когда я вернулся тебя уже не было. Я долго не мог тебе дозвониться, и решил приехать, даже если ты меня непустишь.

— Но меня там не было... — тихо заканчиваю я, и он кивает.

Какое-то время мы просто сидим, обнимая друг друга, а затем он говорит то, чего я никак не ожидала услышать:

— Послушай, не уходи из универа. И, пожалуйста, не уезжай, тебе не обязательно туда возвращаться. Ты можешь и дальше оставаться у нас. Мы с Алексом обязательно поймем того подонка. Отец ни о чем не узнает.

— А если узнает? Что, если правда все-таки всплывет? Думаешь он станет терпеть в своем доме дочь любовника его жены?

Я бы, наверное, не смогла.

— Тогда переезжай ко мне. Здесь, по крайней мере, ты будешь в безопасности.

Злата

— Ты серьезно?

Я смотрю на Кирилла и пытаюсь понять, не шутит ли он.

Наши отношения не назовешь гладкими. Более того, я даже не уверена, встречаемся ли мы. И Кирилл действительно предлагает мне жить вместе?

— Серьезнее некуда, — отвечает он, переплетая наши пальцы, — Я не хочу, чтобы ты оставалась одна. Особенно сейчас, когда на свободе как минимум один псих, который хочет тебе навредить.

Я не тороплюсь с ответом. С одной стороны я тоже не хочу оставаться одна. А с другой... То, что предлагает Кирилл, довольно серьезный шаг. Я не уверена, что готова к этому.

— Я могу немного подумать?

— Конечно, я тебя не тороплю, — Кирилл вряд ли в восторге от моего ответа, но, даже если и так, он этого не показывает, а потом мягко отстраняется и встает.

— Подожди немного. Я сварю тебе какао и приготовлю что-нибудь. Ты наверняка проголодалась.

Я прислушиваюсь к себе, и с удивлением отмечаю, что совсем не голодна, даже не смотря на то, что не ела со вчерашнего вечера, но не спорю с ним. Он уходит на кухню и я пользуюсь этим, чтобы осмотреться.

Квартира Кирилла оформлена в серых, белых и черных тонах. Видно, что над ней потрудились дизайнер. Однако она не обжита. На книжных полках не хватает книг и фигурок. На стенах — каких-нибудь фотографий или картин.

Словно услышав мои мысли, Кирилл подал голос с кухни:

— Я купил и обставил ее в начале года, но с тех пор почти здесь не бывал.

— Ты купил ее из-за отца?

Я помню, что он говорил мне о нем. О том, что не хочет наследовать его компанию. Я всегда знала, что их отношения с отцом непростые, но лишь тогда поняла, насколько.

— Да. Она куплена на мои деньги, так что он не сможет забрать ее.

— На твой? — я удивленно вскидываю брови, пусть Кирилл этого и не видит, и иду на кухню. Там я вижу его у плиты. В нос тут же ударяет аромат какао и корицы. На плите, в сковородке, что-то шкварчит.

— Удивлена? — он оборачивается, и на его губах я вижу улыбку, — Думала я, как богатенький избалованный засранец сижу на шее у родителей?

Я краснею и отвожу взгляд. Именно так я и думала.

— Я не знала, что у тебя есть работа, — тихо признаю я, и мне становится стыдно. Кирилл беззлобно хмыкает. Спросить кем он работает я не решаюсь, хотя мне интересно. Раньше я никогда не видела, чтобы он был занят чем-то кроме учебы, спорта и девушек. Впрочем, я и у него в комнате ни разу не была.

— Я гейм-дизайнер, — добавляет он, не оборачиваясь, и я чувствую, как мои брови медленно ползут вверх, — Удивлена?

— Не думала, что ты выберешь что-то настолько творческое. Я всегда думала, что ты станешь какой-нибудь важной шишкой, вроде своего отца, будешь носить дорогие костюмы

и орать на подчиненных.

Кирилл тихо смеется, и я отвечаю ему улыбкой.

— Что ж, добро пожаловать в мой офис, — говорит он, разводя руками. В одной его руке все еще была лопатка. Вместо дорогого костюма на нем были джинсы и фартук, из-под которого выглядывала черная футболка с названием какой-то рок-группы.

Из груди вырвался тихий смешок. Я впервые видела его настолько по-домашнему расслабленным и милым.

— Хотела бы и я делать что-нибудь интересное... — со вздохом призналась я, опускаясь в плетеное кресло.

— Никогда не поздно начать.

Несколько дней спустя

Столько стараний, столько тренировок с Кириллом после лекций, и вот я снова сижу в кабинете ректора, жду, когда меня отчитают. В том, что ничего хорошего я от него сегодня не услышу, я не сомневаюсь.

Все в нем: от позы и взгляда, до упрямо поджатых тонких губ выражает недовольство. Густые брови ректора сурово нахмурены, а пальцы нервно барабанят по ровной поверхности стола.

— Вы знаете, почему вы здесь? — холодно спрашивает он, буравя меня взглядом.

— Догадываюсь, — как можно спокойнее отвечаю я, хотя внутри все сжимается от тревожного предчувствия. Мне не нравится к чему он клонит, и вскоре я понимаю, что опасалась не зря. Он ударяет кулаком по столу, так, что я вздрагиваю от неожиданности и в шоке смотрю на него.

— Вы пропустили слишком много тренировок! Я дал вам шанс, я пошел вам навстречу, но вижу, что сделал это зря! Может стоит вычеркнуть вас из списка бюджетников прямо сейчас?!

От крика его лицо и шея краснеют, на лбу выступает вена, а я будто прирастаю к стулу, на котором сижу. В тот же миг дверь в кабинет открывается без стука, и ректор переключает все свое недовольство на незваного гостя.

— Барский, вы совсем страх потеряли?! — рычит он, злобно сверкая глазами. Я оборачиваюсь и вижу Кирилла. Он на выпад ректора даже бровью не повел. Вместо этого уверенно сел на соседний стол, скрестив на груди руки.

— Максим Владимирович, вы кажется забыли, сколько денег моя семья вложила в ваше учебное заведение. Может быть урезание бюджета освежит вашу память?

Водянистые глаза ректора превратились в две узкие щели.

— Это что, угроза? — холодно спрашивает он, напрягаясь. Кирилл отвечает ему хищной улыбкой.

— Всего-лишь напоминание о том, благодаря кому вы можете позволить себе отдых в Италии и квартиру в центре города. Возможно тогда в следующий раз вы хорошенько подумаете, прежде чем угрожать исключением члену моей семьи.

— Вы переходите границы! — вскрикивает он, явно чувствуя, что его приперли к стенке.

— Разве? — Кирилл насмешливо приподнимает одну бровь, но глаза его холодны, как лед, — Мне казалось именно вы его перешли. Вы ведь в курсе, что Злата не просто так пропускала тренировки. Напомнить вам, как она пострадала прямо здесь, в вашем университете, и едва не была похищена одним из студентов прямо у вас под носом? Тогда

мои родители решили не выдвигать против вас обвинения, возможно им стоит пересмотреть это решение...

Я впервые наблюдала за тем, как наш ректор стремительно бледнеет, явно прикидывая, каких благ может лишиться, если Барские прекратят его спонсировать, а затем прокашливается, пытаясь выиграть время. Думаю он пытался подобрать подходящие слова, которые удовлетворят Кирилла и помогут ректору не потерять чувство собственного достоинства.

— Как бы там ни было, я не могу закрыть глаза на пропуски Златы. И, если она провалит сессию, или пропустит соревнования...

— До них еще достаточно времени, — холодно отвечает Кирилл, — Она закроет сессию, и мы достанем вам этот чертов приз на соревнованиях. Но, если я еще хоть раз услышу, что вы угрожаете моей сестре, отпуск в Италии будет меньшей из ваших потерь. Можете не сомневаться.

Не дожидаясь ответа, Кирилл поднялся со стула сам, затем взял за руку меня, и вывел из кабинета.

— Он тебе этого не простит, — качаю головой, пока мы идем вдоль по коридору. Все это время Кирилл не отпускает моей руки, а его хватка только кажется крепкой.

— Пусть попробует отыгаться, — отмахивается он, и в его глазах вспыхивает злой огонек.

Когда мы доходим до лестницы, Кирилл останавливается и заглядывает мне в глаза. В такое время здесь уже никого не бывает. Мы совершенно одни.

— Ты должна была сказать мне об этом раньше. Возможно тогда он не позволял бы себе вести с тобой как последний кретин.

— Я не привыкла жаловаться, — тихо отвечаю я, отводя взгляд, — К тому же я никогда не считала себя вправе использовать имя твоей семьи.

Кирилл молчит, внимательно глядя меня, а затем нежно проводит пальцем по моему подбородку, вынуждая посмотреть ему в глаза. Взглянув в них, я тут же теряюсь.

— Что бы ты ни думала, ты — часть нашей семьи. И ты имеешь такое же право на это имя, как и я. Мои родители за тебя в ответе. Он не имел никакого права шантажировать тебя.

При упоминании о шантаже, я снова вспоминаю о жутких смс-ках и вздрагиваю, а затем злюсь на себя за то, что позволила себе забыть об угрозе, которая нависла над тетей Алиной.

— Есть хорошие новости от Алекса? — спрашиваю я, и, когда Кирилл стремительно мрачнеет, понимаю, что хороших новостей нет, — Мы должны ее предупредить. Дать возможность самой рассказать обо всем Лине и вашему отцу, пока об этом не стало известно всей прессе нашего города.

— Знаю, — спокойно отвечает он, явно, как и я, желая отсрочить этот момент. Я до сих пор не знала, как сказать ей об этом. И, будь отец жив, не знаю, решилась ли бы я поговорить с ним об этом. Тем более зная о том, как это ранит маму.

Тяжело вздохнув, я порывисто обнимаю Кирилла и прячу телефон у него на груди, вдыхая запах его парфюма и геля для душа с нотками цитрусовых и хвои.

Я не знаю, что ему сказать, и вообще сомневаюсь в том, что слова тут помогут. Зато было кое-что, отчего нам обоим становилось легче.

— Ты не против, если мы сегодня тоже потренируемся?

Кирилл удивленно вскидывает бровь. Что ж, его можно понять. В последнее время я часто избегала тренировок, и впервые предложила заняться ими сама.

— Ты уверена? — спрашивает он, — Утром ты говорила, что неважно себя чувствуешь. Я киваю.

Да, из-за погоды утром у меня не на шутку разыгралось давление, из-за чего сильно разболелась голова и ныли старые травмы. Честно говоря, я все еще чувствовала себя не очень хорошо, но, если тренировка поможет Кириллу почувствовать себя немного лучше, я готова потерпеть.

К тому же, как ни обидно это признавать, ректор прав. Я слишком долго отлынивала от тренировок, да и от занятий тоже. Если ничего не делать, у старого козла появится реальный повод меня исключить. И, пусть я и не мечтала быть экономистом, доставлять ректору такое удовольствие я хотела куда меньше.

— Что ж, хорошо. Но учти, я не буду тебя жалеть только потому, что ты мне нравишься. Тебе нужно многое наверстать, чтобы утереть нос старому засранцу.

— Только нравлюсь? — я игриво изгибаю бровь, и отступаю на шаг, дразня его. Кирилл прищуривается, точно лис, а затем медленно шагает в мою сторону, и притягивает меня к себе, сокращая расстояние между нами.

— Если хочешь услышать больше, тебе придется постараться на сегодняшней тренировке, — шепчет он, обжигая мою шею горячим дыханием, и я чувствую, как по коже проносятся волны мурашек.

Мы целуемся на лестнице, в раздевалке и даже у входа в спортзал. Целуемся так, что щеки вспыхивают румянцем, а сердце заходится в безумном ритме, словно целый хор барабанов. А затем начинается мой персональный ад.

Из-за пропущенных тренировок разминка кажется настоящей пыткой. Если раньше я с легкостью выполняла эти упражнения, то сейчас у меня болит каждая мышца.

Кирилл держит слово и следит, чтобы я не пропускала ни одного упражнения, игнорируя мое шипение, пыхтение, стоны и ругательства, и только потом пускает на канат и кольца. Но даже потом неустанно бдит, чтобы я все делала правильно, совсем как тренер.

К середине тренировки становится немного легче, к тому же я вхожу в кураж, и чувствую азарт по мере того, как усложняются выполняемые трюки.

Когда дело доходит до поддержки, я ловлю себя на том, что жду, когда он меня коснется, когда его руки окажутся на моем теле, а их тепло проникнет под тонкую ткань спортивного костюма.

Кирилл

Дела были плохи. Я это осознавал. Две недели, отведенные Злате на то, чтобы забрать документы из универа, близились к концу, а мы с Алексом так и не поймали этого ублюдка.

Я не верил в чудеса, и понимал, чем все может обернуться.

Скорее всего отца куда больше будет заботить то, как этот скандал повлияет на стоимость акций компании, чем то, что мама предпочла ему другого. По крайней мере в это легко было поверить.

Скорее всего они разведутся.

Странно, но я почти ничего не чувствую по этому поводу. Наверное потому, что мои родители в каком-то роде всегда были друг другу чужими. Отец вечно пропадал на работе, а мама... Очевидно она так и не смогла забыть свою первую любовь.

Куда больше я переживал за Лину.

Какой бы грубой и упрямой ни была моя сестра, она любила нашего отца. Поэтому ее так задевало то, что его никогда не бывает рядом. Я не мог предугадать, как она отреагирует на новость об измене мамы, но, учитывая ее вспыльчивость, Лина может наговорить много того, о чем позже будет жалеть.

Злата была права, настало время поговорить с мамой и дать ей шанс самой рассказать обо всем отцу.

Я нахожу ее на кухне, как всегда готовящую нам завтрак. Всем, даже отцу, который обычно его пропускает. Я ненавижу себя за то, что собираюсь сказать, но больше тянуть нельзя. У нас остался всего один день до того, как ублюдок сделает следующий шаг, если не считанные часы.

— Кирилл? — она оборачивается и на ее губах появляется теплая улыбка, — Ты сегодня рано. Хочешь чего-то особенного?

В ответ я с сожалением качаю головой.

— Нет, мам, мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

Я знал, что решиться на этот разговор будет сложно, но даже не догадывался насколько.

Ее лицо меняется в считанные мгновения и она садится на стул напротив меня. Мама не на шутку взволнована, но не торопит меня, позволяя собраться с мыслями, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы немного перевести дух.

— Несколько недель назад кто-то связался со Златой. Ей прислали фотографию. На ней ты целуешься с ее отцом в машине незадолго до аварии. Кто бы ни сделал это фото, он собирается слить его. Думаю тебе стоит поговорить с Линой и отцом, прежде чем они узнают это от кого-то другого.

Несколько секунд я не мог заставить себя посмотреть маме в лицо. Боялся увидеть в ее глазах слезы или отчаяние, но в них была лишь грусть, приправленная чувством вины.

— Я знала, что рано или поздно правда всплывет наружу... — тихо говорит она, опустив голову, — Мне жаль, что вы со Златой узнали обо всем вот так.

Я молча обнимаю ее, потому что не знаю что сказать. Что я прощаю ее? Что понимаю, почему она так поступила? Я сомневаюсь в том, что это хоть как-то поможет.

— Я поговорю с ними сегодня, — обещает она, — Спасибо, что дал мне шанс объясниться.

Благодарить не за что, и от этого я чувствую себя еще паршивей. Черт возьми, неужели все так и закончится?

Все эти дни я без конца написывал Алексу, ожидая хороших новостей. Я держался только благодаря Злате. Убеждая ее в том, что все будет хорошо, я и сам начинал в это верить.

Возможно ей даже будет лучше без отца. Возможно им давно следовало разойтись. Они слишком разные, слишком далеки друг от друга.

Не сказал бы, что мама страдает в этом браке, но и счастливой ее не назовешь. Из-за отца она много лет чувствовала себя одиноко. Возможно это ее шанс встретить кого-то другого. Кого-то, для кого она будет важнее работы.

— Теперь Лина еще сильнее меня возненавидит, если это, конечно, вообще возможно, — говорит Злата, когда мы лежим в ее комнате и смотрим очередной фильм. Я рад, что мне все-таки удалось уговорить ее остаться до тех пор, пока отец обо всем не узнает. По крайней мере здесь она была в безопасности.

— Переживаешь за нее? — я замечаю упавшую ей на щеку прядь волос и поправляю ее. Злата кивает.

— Немного. Хоть у нас и всегда были не лучшие отношения, я могу понять ее чувства. Ей и без того одиноко из-за того, что ваш отец все время занят. Не удивительно, что ее ранит то, что я отнимаю внимание ее матери.

Злата замолкает, и я в который раз поражаюсь тому, насколько она взрослая. Немногие девушки на ее месте могли бы так рассуждать, откинув личную неприязнь и чувство обиды.

— Ты слишком добрая. А ей давно уже пора повзрослеть. Если она продолжит ранить окружающих только потому, что ей самой больно, ни к чему хорошему это не приведет.

Она молчит, задумчиво глядя куда-то в сторону, пока ее пальцы выстукивают незатейливую мелодию на моей руке, а затем продолжает:

— Ты будешь ей нужен, когда твой отец обо всем узнает. Ей и маме. Не думаю, что сейчас мне стоит к тебе переезжать.

Я напрягаюсь, но стараюсь держать себя в руках.

Мне категорически не нравится то, что Злата собирается жить одна. Особенно после того случая. Будь моя воля, я бы ни за что ее не отпустил. Однако я обещал, что приму любое ее решение, и не могу указывать ей что делать, поэтому только киваю.

— Хорошо, я помогу тебе перевезти вещи.

— Спасибо.

Не похоже, что она сама хочет этого, но Злата не собирается менять своего решения, и тогда я беру с нее обещание не ездить по городу в одиночку. Особенно вечером.

Пусть похитителей и поймали, но псих, который шантажировал ее, был все еще на свободе, и мы не знали чего от него ожидать.

— Судя по всему, кем бы он ни был, он не в себе. Ты должна быть очень осторожна, и сообщить мне, если он снова с тобой свяжется.

— Я не буду делать глупости, если ты об этом, — хмуро отвечает она, — Не хочу больше доставлять твоей семье неприятности.

Сколько бы я ни убеждал ее в том, что она здесь не при чем, Злата все еще чувствовала вину за тот случай с похищением.

— Эй, посмотри на меня, — я легонько касаюсь пальцем ее подбородка, вынуждая Злату поднять голову, и она грустно смотрит мне в глаза, — Я уже говорил, ты в этом не

виновата. Прекрати себя винить и тем более извиняться.

Она вяло кивнула, но что-то мне подсказывало, что Злата не прекратит. Это грызло ее все эти недели, как и невозможность помочь моей маме, поэтому она как никогда раньше выкладывалась на тренировках и в учебе. В последнее время мне было сложно уговорить ее отложить дела и вот так полежать перед ноутбуком.

Как я и опасался, мамин разговор с Линой и отцом прошел не слишком гладко. Сначала родители собирались поговорить об этом наедине. Мама не была готова рассказать обо всем сестре. Но, словно по закону подлости, она случайно все услышала и, само собой, закатила скандал.

Увы, мы со Златой вмешались слишком поздно.

— Ты правда это сделала?!

Услышав крик Лины, мы переглянулись, и, вскочив с кровати, бросились к дверям.

Сестра стояла в дверном проеме кухни. Отец стоял, отвернувшись к окну, а мама сидела на стуле с опущенными плечами. Судя по покрасневшим глазам, она плакала.

— Лина... — дрожащим голосом позвала мама, но сестра только отмахнулась. Она была в ярости.

— Как ты могла?! Я знаю, отец часто занят, но ты не имела никакого права так с ним поступать! Со всеми нами!

— Лина, тебе нужно остыть.

Я взял ее за руку, пытаюсь остановить, но Лина вырвалась из моего захвата и сверкнула полными обиды глазами.

— Только не говори мне, что ты на ее стороне! Ты знал, что они с ее отцом были любовниками?! Это просто мерзко! — она повернулась к маме, указывая на Злату пальцем, — Ты поэтому притащила ее сюда, да?! Не могла оставить единственную дочь своего любовника в интернате?!

Злата будто приросла к полу. На ней не было лица. Она не могла выдавить из себя ни слова и выглядела так, словно вот-вот заплачет, а мама просто рыдала, глотая слезы, и это меня убивало.

— Достаточно, — холодно произнес я, — Ты уже наговорила достаточно. Остановись, пока не сказала того, о чем потом пожалеешь. Злата не имеет к этому никакого отношения. Здесь нет ее вины.

Лина поджала губы. Ее руки были опущены и сжаты в кулаки. Она дрожала от злости и обиды, а к горлу подступали слезы.

— Ну конечно! Злата никогда ни в чем не виновата! Ты всегда на ее стороне! Даже сейчас, когда мы узнали о том, что наша мама спала с ее отцом!

Я молчу, пытаюсь контролировать дыхание, но это не просто. Если Лина узнает, что я знал обо всем с самого начала, она меня не простит. Но скрыть правду непросто. Мы слишком долго жили вместе, слишком хорошо знаем друг друга, и в конце концов она обо всем догадывается.

Лина, пошатываясь, отступает назад, как будто ее ударили. Как будто я ее предал.

— Только не говори мне, что ты знал обо всем с самого начала...

Она смотрит на меня, и я молчу. Не могу заставить себя ответить. Тогда Лина переводит взгляд на Злату и направляет на нее всю злость и ненависть, что накопились в ней с того момента, как она подслушала разговор родителей, и мне инстинктивно хочется загородить ее, защитить от собственной сестры и всего мира.

— Ну а ты? Ты тоже обо всем знала, верно? Да как у тебя вообще совести хватило оставаться здесь, в нашем доме, и есть нашу еду после того, что сделал твой отец?! Убирайся отсюда!

— Лина! — рычу я, но Злата останавливает меня, нежно взяв за руку, и, заглянув в глаза, качает головой.

— Она права. Я должна уйти, — тихо отвечает она.

Злата не говорит этого, но я читаю это по ее глазам.

“Мы оба знали, что так будет”.

Лина убегает и запирается в своей комнате, громко хлопнув дверью. Думаю она не выйдет оттуда до завтрашнего дня, или наоборот сбежит и переночует у подруги.

Как бы то ни было, я бросаю виноватый взгляд на маму. В ее глазах все еще стоят слезы, но она улыбается мне, одними губами говоря, чтобы я шел за ней, и мы со Златой идем в ее комнату.

Достав новый чемодан — старый с ее вещами, украденный похитителями, мы так и не нашли, она положила его на кровать, и стала собирать вещи. Их стало намного меньше, так что Злата управилась со всем меньше чем за полчаса.

— Как думаешь, они будут в порядке? — спрашивает она, когда я забираю у нее чемодан, чтобы помочь донести его до машины, — Твоя мама и Лина...

Мой взгляд упирается в стену, за которой находится комната сестры. Из нее орет громкая музыка, и, наверное, будет орать до самой ночи. Я знаю, что просить сделать тише бесполезно, поэтому не трогаю ее. Нам всем нужно остыть.

— Я не знаю.

Самое паршивое в этом было то, что я действительно не знал. Наша семья и раньше переживала кризисы, но такого с нами еще никогда не случалось. Возможно этот кризис она не переживет.

Злата

Когда мы с Кириллом оказались в машине, я позволила обнять себя и наконец дала волю слезам.

Я знала, что будет тяжело, но понятия не имела насколько. А еще, сколько бы Кирилл ни повторял, что это не моя вина, я чувствовала себя виноватой. Я не могла не думать о том, что, если бы я просто забрала документы, никто ни о чем бы не узнал, и все было бы в порядке. Тетя Алина была бы в порядке. И Лина не разочаровалась бы в матери.

Лина... Теперь она ненавидит меня еще больше, и я не могу ее за это винить. Будь родители живы, я бы, наверное, была полностью на стороне матери, и точно так же злилась бы на отца и тетю Алину за то, как они поступили с мамой. Но они были мертвы, а тетя Алина слишком многое для меня сделала, чтобы я могла ее ненавидеть.

— Тш-ш-ш... Все в порядке, — шептал Кирилл, поглаживая меня по спине.

Не знаю кого он больше пытается в этом убедить: меня или себя, но я вижу, что он не находит себе места.

— Думаешь они разведутся?

— Скорее всего. Возможно уже завтра то фото разойдется по всем новостям. Это может навредить его компании.

Он не говорит о том, что это может ранить его отца, только о том, что тот может потерять деньги, и я думаю о том, так ли это.

Муж тети Алины действительно много времени уделял работе. Он жил ею, дышал ею, но я почему-то никогда не сомневалась в том, что он любит свою семью. Ведь, в конце концов, разве он это делал не ради жены и детей? Разве не потому, что желал им лучшей жизни? Или мне так только казалось?

Когда мы подъезжаем к квартире моих родителей, Кирилл помогает мне занести и разложить вещи, а затем мы садимся на кровать, и, обнявшись, долго-долго сидим в тишине.

Я вижу, что он хочет что-то мне сказать, и даже догадываюсь что.

— Знаю, тебе не нравится то, что я решила жить отдельно...

Он кивает, но продолжает молчать. Кирилл обещал, что примет любое мое решение, и держит слово. Я ему за это благодарна.

— Но так будет лучше. Твоя мама и сестра... Сейчас ты им нужен как никогда. А я буду лишь напоминанием о причине, по которой распалась ваша семья.

Напоминанием об отце.

— Это не твоя вина, — в который раз повторил Кирилл, пристально глядя на меня. Я грустно улыбнулась.

— Знаю. Но Лине будет больно меня видеть. А тетя Алина... Знаю, она поймет, почему я решила уехать.

Кирилл уезжает ближе к полуночи, и я остаюсь в пустой квартире.

Какое-то время я просто брожу по комнатам, осматриваясь вокруг, и пытаюсь вспомнить, каким было это место до пожара.

Так странно. С этой квартирой связано столько воспоминаний, в ней прошло все мое детство, но в ней не осталось ничего, напоминающего о тех временах. Ничего не уцелело.

Внезапно это место показалось мне чужим. Незнакомым. Место, которое было моим

домом, перестало им быть, и от этого было почти физически больно. А еще... Мне было как никогда одиноко.

Я не сомневалась в правильности своего решения. Я знала, что так нужно. И все же в ту ночь я пожалела о том, что приняла его. В том, что отпустила Кирилла.

И, когда в час ночи приходит новое сообщение от шантажиста, я чувствую себя еще хуже:

“Ты сделала свой выбор. Теперь Барский сделает свой”.

Я долго пытаюсь понять, что значит это сообщение.

Как и обещала, я сразу пересылаю его Кириллу, но не получаю ответа. И, как ни убеждаю себя в том, что все хорошо, что уже поздно и он скорее всего просто уже спит, я никак не могу избавиться от тревожного предчувствия. И оно только крепнет, когда утром я не могу до него дозвониться.

Когда приходит время ехать в универ, у подъезда меня ждет машина. Вот только она не принадлежит Кириллу.

Когда я прохожу мимо, из нее выходит незнакомый парень и с улыбкой протягивает мне руку.

— Привет, ты Злата? Я Алекс! Кирилл попросил отвезти тебя сегодня в универ. Он не смог приехать, но не хотел, чтобы ты ехала одна.

Я неловко пожимаю ему руку, чувствуя, как живот закручивается в тугий узел. То, что Кирилл молчит со вчерашнего вечера, и то, что он прислал вместо себя лучшего друга на следующее утро после того странного сообщения от шантажиста, как-то связано?

— Я не могу ему дозвониться. Не знаешь что случилось?

Мой голос дрожит, выдавая волнение, но мне все равно. Я хочу знать правду, и веселость парня сходит на нет.

— Послушай, я не могу рассказать тебе всего, но вчера ему пришло сообщение с того же номера, с которого шантажировали тебя. Просто дай ему немного времени.

Подкинув меня до универа, Алекс уехал, оставив множество вопросов без ответа.

Отправившись на первую пару, я ждала Кирилла, надеялась, что мы сможем поговорить, но ни на первой, ни на второй паре он так и не появился. Была только Лина, но она по понятным причинам игнорировала мое существование.

Кирилл не приехал в универ ни в тот, ни на следующий день. Все это время я без конца звонила ему и писала, в надежде, что он ответит, но он не отвечал. Все эти дни в универ и из универа меня возил Алекс, но даже он не мог объяснить мне что происходит.

— Прости, я просто делаю то, о чем он меня попросил.

Лучший друг Кирилла смотрел на меня с жалостью, но оно и понятно. От волнения в эти дни я плохо спала и почти ничего не ела, а еще часто плакала.

Мне было так плохо, что несколько раз я даже почти вызывала такси, чтобы отправиться к его дому, но не могла заставить себя зайти внутрь, пока внутри Лина или ее отец. Не представляла, как смотреть им в глаза после всего, что случилось.

Кирилл появился на парах только на следующей неделе. Я увидела его в коридоре, как всегда одетого в дорогие джинсы и черную рубашку, и тут же шагнула навстречу.

У меня было столько вопросов, а в душе бушевала целая буря.

Куда он исчез? Почему молчал? Почему попросил Алекса подвозить меня?

Я так о многом хотела его спросить, но еще больше — обнять, прижаться к нему, вдохнуть такой родной и любимый запах, и сказать о том, как сильно мне его не хватало...

Но я не успела.

Я обратилась к нему, а Кирилл прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону, так, словно меня не существовало. На глазах у всего универа.

Я почувствовала, как к горлу подступают предательские слезы, и не выдержала:

— Как ты можешь просто игнорировать меня?!

На мгновение он остановился и повернулся ко мне. В его глазах было столько холода, что я, пошатываясь, отступила назад.

Нет. Кирилл не мог так на меня смотреть. Не после всех тех нежных слов, что он произнес. Не после всего, что между нами было.

Однако он смотрел. Так, словно я для него — пустое место. Очередная раздражающая девушка на одну ночь, которая требует большего, забыв про гордость и здравый смысл.

Вокруг нас собирались зрители. Я видела, что некоторые достали телефоны и начали снимать, слышала смешки, но мне было все равно. Единственное, что меня ранило — его слова:

— Все кончено. Прекрати писать и названивать мне.

Я застыла, не в силах поверить в услышанное.

— Ты не можешь говорить это всерьез... — я попыталась улыбнуться, но мой голос дрожал, и от того, как он смотрел на меня, становилось только хуже.

— Что из фразы “оставь меня в покое” тебе непонятно?! — раздраженно выплевывает он, и я прирастаю к полу.

Я смотрю на него сквозь пелену слез, пытаюсь уловить какой-то знак, намек на то, что он все еще прежний, что все эти недели, что мы были близки, мне не приснились, и не нахожу. А потом он просто поворачивается и уходит.

Я не двигаюсь с места, все еще глядя в ту сторону, куда ушел Кирилл, и не могу поверить в то, что это действительно происходит.

Мне так больно, что я ничего не замечаю: ни смешков, ни того, как студенты, свидетели этой сцены, перешептываются, обсуждая нас, ни откровенно злых комментариев однокурсниц.

Какое-то время мне кажется, что я не могу не только пошевелиться, но и дышать. Кто-то смотрит на меня с жалостью, кто-то с безразличием, кто-то со злорадством. Одна из подружек Лины широко улыбается, махая мне телефоном, и говорит что видео со мной порвет соцсети.

А потом звенит звонок, сообщая о начале лекций, и все расходятся по аудиториям. Все, кроме меня.

Я отправляюсь в спортзал.

Переодевшись в раздевалке, я вхожу в зал, где сталкиваюсь с тренером.

— Барская? Ты почему здесь? — удивленно спрашивает он, — Разве у тебя сейчас не должна быть лекция?

На секунду я думаю о том, чтобы пойти туда, вновь столкнуться с Кириллом и его безразличием, с насмешками однокурсниц, и мне кажется, что меня сейчас стошнит.

Нет, туда я точно не вернусь. По крайней мере не сейчас. Не в таком состоянии.

— Распоряжение ректора, — вру, не моргнув и глазом я, — Скоро соревнования, поэтому он разрешил мне тренироваться в учебное время.

— А почему без партнера? — хмурится тренер, — Где Барский?

При упоминании Кирилла к горлу снова подкатывают слезы, но мне удастся их

сдержан, попутно придумывая новую ложь:

— Он занят, поэтому сказал пока потренироваться без него. Вы же знаете, я пропустила много тренировок, я должна их наверстать.

Тренер явно сомневается в правдивости моих слов, но, к счастью, не спорит, только просит не душить и не делать сложных упражнений, пока я одна, после чего уходит, и в спортзале остаюсь только я.

Начинаю, как всегда, с разминки: растяжка, пресс, прыжки, приседания, упор лежа, прыжки. Я повторяю упражнения, отточенные до механизма, столько раз, что сбиваюсь со счета, но не останавливаюсь, даже когда на лбу проступает пот, и все мои мышцы дрожат от перенапряжения.

После разминки я начинаю упражнения. Первым идет бревно.

Идя по ровной узкой поверхности в метре над полом, я делаю колесо, после чего становлюсь на руки, и, удерживая равновесие, развожу ноги в идеальном шпагате. При этом руки так болят, что в какой-то момент мне кажется, что они вот-вот подогнутся, но я успешно делаю обратное колесо и принимаю финальную стойку уже на ногах.

Следующими идут кольца. Снова нагрузка на руки, и снова я принимаю вертикальное положение вниз головой, после чего ненадолго зависаю так, и приземляюсь, сделав обратное сальто.

Так продолжается несколько часов, но ни упражнения, ни усталость не приносят мне желанного облегчения. Я тренируюсь до тех пор, пока не падаю на маты, совершенно опустошенная, не в состоянии даже пошевелиться.

А потом дверь со скрипом открывается, и я вздрагиваю, ожидая увидеть Кирилла, однако в зал входит не он. Вместо него я вижу Влада — еще одного парня из нашей команды по спортивной гимнастике. Он уже переодет и явно готов к тренировке.

— Привет. С сегодняшнего дня я — твой партнер.

Злата

Повезло, что я в тот момент лежала на матах, а не выполняла упражнение на кольцах или канате, иначе непременно бы упала.

— Здесь какая-то ошибка, — растерянно говорю я, глядя на парня, — У меня уже есть партнер.

Влад удивленно моргает, замерев на месте.

— Так ты еще не знаешь? Он ушел из команды и бросил универ.

Он замолкает, а у меня сердце проваливается в пятки.

— Как ушел? — упавшим голосом спрашиваю я, а потом резко поднимаюсь, чувствуя как сердце заходится в безумном ритме, — Это что, шутка такая? Если это шутка, то она неудачная!

Под моим напором парень совсем теряется, кажется такого он не ожидал, и я чувствую себя неловко. Наверное он думает, что я совсем странная.

— Прости, я правда думал что ты знаешь. Надеюсь мы поладим.

Влад оказался нормальным парнем. Узнав, что я тренируюсь уже несколько часов, он сказал, что мне стоит отдохнуть. А на следующий день даже принес мне мазь от боли в мышцах.

С ним мы не тратили время на перепалки и не подначивали друг друга. Он довольно быстро освоил программу для соревнований, но это было совсем не то.

Каждый раз, выполняя поддержку вместе с ним, я все больше думала о Кирилле, и то, что его не было рядом, только сильнее ранило меня.

Алекс все еще подвозил меня в универ и обратно, но ничего не рассказывал о Кирилле, и в конце концов я перестала задавать вопросы.

Он действительно ушел из универа, девушки со всех потоков только и делали, что обсуждали это, и вздыхали о потере главного красавчика.

— Как думаете, почему Барский ушел? — шептались они.

— Может решил заняться семейным бизнесом?

— Эх, хорошо быть наследником компании! Это нам нужно искать компании, которые готовы взять нас на практику, и конкурировать в надежде получить работу, а у него уже все решено!

Бред. Кирилл говорил, что не хочет наследовать компанию отца. Он бы не бросил универ по этой причине.

Я иду дальше, не собираясь слушать глупые слухи, как вдруг замираю.

— Повезло же его девушке! — говорит одна.

— Девушке?! — фыркает другая, — Какой еще девушке? Разве ты забыла о его правиле одной ночи?

Я оборачиваюсь, и вижу, как студентка второго курса пожимает плечами.

— Говорят его с кем-то видели на той неделе, а потом и на этой тоже.

— Что-о-о?! С кем? Кто она?!

— Не знаю. Блондинка, сексуальная. С огромной грудью!

— И наверняка богатая?

— Ну конечно, он ведь Барский! Трудно представить с ним кого-то не его уровня.

— А что эта мышь, которая крутилась вокруг него в последнее время? Ну та, с которой он готовился к соревнованиям?

— А, эта? Так она же его сводная сестра. Между ними ничего нет. А если бы и было, то не продлилось бы долго, она ничего из себя не представляет. Совсем не его уровень.

— Точно! А ведь она так за ним бегала недавно! Я слышала он отшил ее при всех, прямо в коридоре.

— Бедняжка! Наверняка это было унижительно! На ее месте я бы точно ушла из универа после такого!

Я срываюсь с места, и убегаю прочь. Глаза застилают слезы, и я почти ничего не вижу, когда врезаюсь в кого-то на лестнице и падаю на холодный пол, ушибая руку.

— Эй, какого черта?! Смотреть надо под ноги! — раздается сбоку знакомый голос. Я перевожу взгляд на девушку, с которой столкнулась, и сразу узнаю ее. В двух шагах от меня на полу сидит Лина, потирая ушибленное колено.

— Прости, — тихо выдавливаю я, стараясь не смотреть на нее. Мы не разговаривали с того самого дня, как я ушла из их дома, по понятным причинам стараясь избегать друг друга, и я надеюсь, что смогу избежать конфликта и в этот раз, как вдруг она поднимается первой и неожиданно протягивает мне руку.

— Вставай, нечего валяться на полу, еще и в таком виде. В конце концов ты все еще Барская.

Несколько секунд я удивленно смотрю на нее, а потом принимаю помощь. Я настолько поражена, что даже перестаю плакать.

Она окидывает меня хмурым взглядом, а потом утаскивает в сторону туалета.

— Пойдем, нужно привести тебя в порядок. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь тебя заснял и фотки разошлись по интернету.

Там она не только заставляет меня умыться, но и приводит в порядок мои волосы, и помогает мне накраситься. Не броско, но достаточно, чтобы подчеркнуть мои глаза.

— Почему ты это делаешь? — удивленно спрашиваю я, когда она заканчивает, — Я думала ты ненавидишь меня.

На миг рука Лины замирает, а потом она закрывает косметичку и прячет ее в дизайнерскую сумку — подарок тети Алины на прошлое Рождество.

— Возможно я перегнула палку в тот день. Тебе не стоило уходить из дома.

Я что, умерла и попала в параллельный мир? Или Лина действительно пытается извиниться?

— Мне казалось ты хотела этого с тех пор, как я переступила порог вашего дома.

— И это все еще так! Не обольщайся, ты все еще раздражаешь меня. И я бы предпочла, чтобы тебя не было в нашем доме. Но мама действительно грустит без тебя. И Кирилл ведет себя странно с тех пор, как ты ушла. С отцом разругался, дома почти не появляется. Мама себе места из-за этого не находит.

Что? Кирилл не бывает дома?

— В общем, я не знаю что между вами произошло и какого черта творится с братом, но надеюсь, что эта фигня поскорее закончится. Мама скоро с ума из-за вас двоих сойдет.

От мысли о тете Алине у меня болезненно сжимается сердце. С тех пор мы с ней тоже не разговаривали. Я все еще чувствовала вину из-за того, что не пошла на условия шантажиста, настолько, что не могла заставить себя ответить на звонок.

— Как она? Держится?

Лина поджимает губы и кивает.

— Отец сказал, что не будет подавать на развод, но больше не будет жить вместе с нами. Не знаю, вернется ли он. Мама ходит, как в воду опущенная. А еще все время плачет, когда проходи мимо дверей в ваши с Кириллом комнаты. Если бы вы вернулись, ей бы стало лучше.

Тяжело вздохнув, я отвожу взгляд.

— Я не могу вернуться, ты же знаешь. Из-за того, что произошло. Из-за того, что сделал мой отец. Ты все правильно сказала тогда, меня никогда не должно было быть в вашем доме. Я никогда не была частью вашей семьи, и никогда ею не стану. Нужно было уйти сразу, как только мне прислали ту чертову фотографию.

— Мама рассказала, что тебя шантажировали. Это правда?

Кивнув, я неосознанно сжимаю телефон в кармане. От мысли о подонке, который все это устроил, меня охватывает злость.

— Я должна была уйти из универа, как этот ублюдок и хотел. Прости меня. Если бы я не была такой эгоисткой, твоей семье не пришлось бы проходить через все это.

Лина мрачнеет, и в какой-то момент я почти уверена в том, что она меня ударит, но она только фыркает.

— Ты совсем дура? Думаешь тот подонок не нашел бы другой повод опубликовать эту фотографию? — а потом добавляет, уже спокойнее: — Правда все равно всплыла бы рано или поздно. Думаю, глубоко в душе и я, и отец догадывались обо всем, но не хотели верить. Моя мать и твой отец всегда были близки. Думаю их чувства передались вам с Киром по наследству.

Когда она упоминает Кирилла, на моих губах появляется грустная улыбка.

— Не думаю, что это так. Я слышала у него новая девушка, которая подходит ему гораздо лучше меня.

— Ты про эти глупые слухи?

Только ли слухи?

— Не знаю что там болтают эти дуры, но я видела, как брат смотрит на тебя. И этот его друг все еще подвозит тебя по его просьбе, разве нет? Зачем бы ему это делать, если бы ему было на тебя плевать?

Само собой, я уже думала об этом, но, если это правда, почему он так со мной поступил? Почему наговорил мне все эти вещи и ушел, ничего не объяснив.

— Может ваша мама попросила его об этом позаботиться, и он попросил Алекса возить меня, чтобышний раз не встречаться со мной? — хмуро предполагаю я, и Лина раздраженно закатывает глаза.

— И все-таки ты дура. Хорошо, если тебе хочется просто прятаться и жалеть себя — пожалуйста. Но по крайней мере позвони нашей маме. Ты нужна ей. Поэтому, хоть ты и раздражаешь меня, я готова тебя терпеть.

Лина уходит, и я еще какое-то время стою, удивленно глядя ей вслед.

Не ожидала, что она может пойти на примирение со мной, пусть даже ради тети Алины. Это было так непохоже на нее и так по-взрослому. В тот момент Лина показалась взрослее меня.

Она права. Избегать тетю Алину было настоящей трусостью и эгоизмом. Нужно сегодня же ей позвонить, вот только возьму себя в руки. Не хочу волновать ее еще больше, показывая как мне плохо.

Если честно, я не уверена, что хочу оставаться в универе после всего, что произошло. Зачем мне это делать? Друзей у меня здесь никогда не было, а в последнее время стало совсем паршиво. Здесь меня чуть не похитили, здесь я терпела множество насмешек. А тренировки с Владом только сильнее напоминают о Кирилле.

И все же по какой-то непонятной причине я не могу решиться забрать документы, а значит и отказаться от соревнований тоже.

Проклятье! Ну почему все не может быть проще? Почему я чувствую себя, как героиня какого-то детективного романа? Разве учеба в универе должна быть такой?

Тяжело вздохнув, я бросаю взгляд в окно. Возвращаться в аудиторию после подслушанного совсем не хочется, и в конце-концов я решаю прогулять.

Я ловлю себя на том, что не хочу ждать, пока приедет Алекс. Не хочу снова молча сидеть на заднем сидении его машины и думать о том, почему за рулем он, а не Кирилл. Почему он так внезапно отдалился от меня. Почему наговорил все те ужасные вещи. Почему вел себя так, будто я для него ничего не значу. Как будто не было всех тех недель, что мы провели вместе.

Нет, к черту. Я и так достаточно грустила!

В конце концов, я не ребенок, и не обязана каждый день ездить домой с Алексом. А если Кириллу это не нравится, пусть скажет мне об этом в лицо или идет в баню!

За окном отличная погода. На небе ни облачка, ярко светит солнце, и для осени непривычно тепло, и я решаю отправиться в парк. В это время там не так много людей, так что можно не стоять в очереди за сахарной ватой, и не искать часами свободную лавочку в тени.

Я медленно шагаю, слушая музыку в наушниках, вокруг меня падают листья, а во рту тает сладкая вата, и все-таки мне все еще немного грустно.

Мимо проходят влюбленные парочки и родители с детьми, и это заставляет задуматься обо всем, что я потеряла. Мама... Папа... Кирилл...

Интересно, я когда-нибудь буду снова счастлива, или навсегда останусь одна?

Где-то в том же городе

Наступила ночь. Время тусовщиков, программистов, дизайнеров и... Злодеев.

В одной из высоток, в роскошной квартире на последнем этаже притаилась угроза.

Человек, ответственный за похищения, сидел в высоком кожаном кресле за столом, подперев голову руками, и размышлял над следующим шагом. Его лицо было скрыто в тени.

Первые попытки были провальными. Он понимал, что если и дальше будет доверять это дело идиотам, рано или поздно его участие во всем этом вскроется, и никакие деньги не заставят СМИ замолчать. Они на многое готовы в погоне за сенсацией, как в случае с последним скандалом, связанным с Барскими.

Не так давно фото с его женой и другим мужчиной облетело сеть, и с тех пор красовалось на первых полосах всех местных газет.

Само собой, это негативно сказалось на акциях, что было ему только на руку, но все же этого мало.

— Барский должен отказаться от своей части акций и от места в компании, — холодно произнес он, так, что человек, который стоял перед ним, непроизвольно содрогнулся, — Он должен сделать это до конца следующего месяца.

— Вы правда думаете, что он на это пойдет? — неуверенно спросил тот, поглядывая на него со страхом.

Да, он боялся человека в кресле, и не без причины. Он работал на него уже несколько лет, так что прекрасно знал на что он способен, и что бывает с людьми, которые его злят или разочаровывают. Самым большим его страхом, пожалуй, было стать одним из них.

— До сих пор мы избирали неверную тактику. Мы действовали слишком мягко. Следующий наш шаг должен стать ударом для Барского. Таким, чтобы у него и мысли не возникло хитрить.

Человек в кресле вынул из папки фотографию темноволосой девушки и протянул ее подчиненному.

— Вот ваша следующая цель. Младшая дочурка Барского. И на этот раз отправьте ему какую-нибудь часть девчонки, чтобы он понял, что мы не собираемся шутить.

Кивнув, подчиненный дождался дозволения и вышел из квартиры.

Уже позже, спускаясь на лифте, он думал о том, как его пугает этот человек. Пугает до чертиков.

Его задания и раньше были далеки от правил закона и морали, но то, что он хотел от них сейчас... Это было чудовищно.

Он уже не впервые думал о том, чтобы бросить все и сбежать, пока не стало слишком поздно. Единственно, что его останавливало — человек в кресле не прощал предателей. И те, что пытались от него уйти, всегда плохо заканчивали.

Он знал это, потому что и сам помогал разбираться с ними, и не хотел разделить их участь. А значит, что бы ни случилось, человек в кресле должен остаться доволен.

Злата

Вчера я все-таки позвонила тете Алине. Разговор вышел одновременно и тяжелым, и радостным.

Как и сказала Лина, она очень переживала за меня, из-за того, как новость про нее и

отца повлияла на меня, и из-за того, что я ушла и теперь живу совсем одна, и за мной никто не присматривает. Так что весь наш разговор я пыталась убедить ее, что не умираю тут от голода, и что меня не караулят всякие маньяки по вечерам.

О том, что Кирилл приставил ко мне своего друга в качестве личного водителя, я тактично умолчала, как и о том, что не собираюсь пользоваться его услугами впредь. Зато рассказала о новом партнере по гимнастике и подготовке к соревнованиям.

С тех пор, как моим партнером стал Влад, я не пропустила ни одной тренировки. Не знаю почему я так упорно продолжала тренироваться. Точно не ради диплома, и не ради ректора.

Наверное просто хотела доказать себе, что смогу. Что справлюсь со всем, даже если Кирилла не будет рядом.

На следующее утро после того раза, когда я ушла, не дожидаясь Алекса, он снова приехал, но я отказалась садиться в его машину.

Пусть это было по-детски, пусть добираться до университета своим ходом или на автобусе в два раза дольше, так я по крайней мере не чувствую себя его надоедливой младшей сестрой, за которой ему пришлось приглядывать.

— Брось, Злата, садись в машину, — Алекс не сдавался и медленно ехал возле меня с опущенным стеклом, пока я шла вдоль дороги, — Скоро дождь начнется...

— Ничего, не сахарная — не растаю, — отвечаю я, продолжая упрямо двигаться вперед. Небо с самого утра все в тучах, и скорее всего он прав, но меня это не волнует.

— Да брось, это же глупо. Давай поговорим. Знаю, ты злишься из-за Кирилла, но неужели ты собираешься ходить в универ пешком ему назло?

Резко остановившись, я повернулась к нему, вынуждая парня затормозить.

— Послушай, я лично против тебя ничего не имею, ты вроде нормальный парень и все такое, но ты должен меня понять. Если Кирилл решил, что между нами все кончено, то то, как и куда я добираться, не должно его волновать. В конце-концов я — не его ручная собачка, чтобы он говорил мне что делать. А если ему что-то не нравится — пусть скажет мне об этом сам. Я, в отличие от него, не буду прятаться и игнорировать.

И, посчитав разговор законченным, я свернула с дороги во дворы с широкой улыбкой на лице. Туда, где Алекс уже не мог меня преследовать на машине. И, честно говоря, я была очень довольна собой.

Пусть и удвоила свой путь, зато отстояла свою гордость.

Это была моя первая маленькая победа с тех пор, как Кирилл унижил меня, растоптав мои чувства перед всем универом. И, пусть мне все еще больно, я больше не собираюсь показывать это, развлекая окружающих.

В универ я, конечно, опоздала, да еще и промокла до нитки, пока ждала автобус но продолжала упрямо стоять на своем. А потом мы с Владом случайно столкнулись в коридоре.

Оказалось, что он сегодня тоже промок по пути на пары, и предложил мне выпить кофе в университетской столовой. Идея мне понравилась, тем более что до соревнований осталось всего ничего, и болеть нам сейчас никак нельзя.

Я бы, конечно, вместо кофе предпочла бы имбирный чай — он и полезнее, и согревает лучше. Но чего не было, того не было.

Вообще Влад оказался довольно неплохим парнем, добрым, веселым и внимательным, так что мы довольно быстро поладили, и все же ни разу не встречались за пределами

универа, поэтому его вопрос меня удивил.

— Слушай, Злат, ты свободна сегодня вечером после тренировки?

— Да, а что? — ответила я, прежде чем поняла, что он собирался пригласить меня погулять, а затем виновато прикусила губу.

Я вдруг подумала о том, как себя почувствует Кирилл, если узнает, что я гуляю с Владом, и уже собиралась извиниться и отказаться, как вдруг разозлилась на саму себя.

Кому какое дело что об этом подумает Кирилл?!

После того, как он поступил со мной, ему должно быть все равно. А даже если и нет, то меня это совершенно не волнует! Вот ни капельки! Пусть катится ко всем чертям вместе с Алексом и своей грудастой блондинкой!

— Кофейня, в которую я часто хожу, устраивает киновечер. Будут показывать Хоббита. Хочешь пойти со мной? — парень мило улыбнулся, и я не раздумывая согласилась.

— Конечно!

Фэнтези я люблю, кофейни тоже, да и развеяться мне не помешает. Не каждый вечер же дома сидеть?

— Вау, круто! — похоже Влад был правда этому рад, — Тогда, как закончим с третьей поддержкой, поедem туда?

То ли дело было в приглашении Влада, то ли в том, что я наконец-то решила дать Кириллу отпор, но впервые за последние несколько дней я была в приподнятом настроении. Его не могли испортить ни злорадные одноклассницы, все еще перемывающие мне кости из-за разрыва с Кириллом, ни погода.

А еще я впервые за все это время перестала ждать сообщений от него. Хочет вести себя как ребенок — пожалуйста. Я не буду унижаться и бегать за ним, как будто он — последний парень на планете.

Конечно, мне не все равно. Глубоко внутри мне все еще больно, и я все еще не хочу верить в то, что меня предали, использовали. Но я не могу страдать по нему вечно, как и по родителям. Ничто не длится вечно.

— Ты всегда выкладываешься по полной? — спрашивает Влад.

Наша тренировка закончилась пять минут назад, так что мы сидели на матах, тяжело дыша, и пили воду. Осталось только принять душ и переодеться, и можно ехать на киновечер.

Я сегодня и правда выложилась сильнее, чем обычно. Наверняка к ночи все опять будет болеть. Зато я как никогда довольна результатом.

— Зато мы наконец-то освоили пятую и восьмую поддержку, — с улыбкой отвечаю я, закрывая бутылку, — Еще немного, и победа на соревнованиях будет у нас в кармане!

— Надеюсь ты права.

Когда мы выходим из универа, погода все еще паршивая: мерзкий дождь превратился в настоящий ливень с грозой, так что я предложила вызвать такси. Влад не возражал, при условии, что он платит. На том и порешили.

Машина приехала довольно быстро, так что мы приехали в кафе примерно за полчаса до начала киновечера, и даже успели заказать перекусить. Влад выбрал зеленый чай и пиццу с грибами, а я — какао и круассан с сыром и беконом.

Для киновечера работники завешивали окна плотными шторами, подключали большие колонки, настраивали проектор и заменяли столы и стулья на кресла-мешки. Для еды и напитков посетителям предлагались специальные подносы.

Когда приглушили свет, и начался фильм, Влад попытался взять меня за руку, а я отстранилась, чувствуя себя неловко.

Да, я согласилась пойти с ним, и он мне действительно нравился, но только как друг. Я никогда раньше не думала о нем в другом плане, и, если честно, не уверена, что когда-нибудь начну.

— Прости, — тихо сказала я, виновато опуская взгляд, — Проблема не в тебе, просто я никогда не думала...

Стоит отдать Владу должное. Не смотря ни на что, ему удалось сохранить лицо и даже улыбнуться.

— Все в порядке. Это я поспешил. Я не против быть просто друзьями.

И, в доказательство своих слов, он протянул мне ведерко попкорна.

К счастью, этот неловкий момент не испортил ни вечер, ни нашу дружбу. С Владом было легко и весело, на него можно было положиться, и для меня этого было достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно.

Киновечер удался на славу.

Пусть мы и успели посмотреть только первый фильм из трех, Влад сказал, что они собираются так каждую пятницу, и, если будет желание, мы сможем прийти сюда снова.

— Я с радостью, но чур в следующий раз плачу я!

Мне было неловко, что Влад потратился на меня сегодня. Раз мы друзья, так будет правильно.

— По рукам!

Когда все закончилось, Влад проводил меня домой. К тому моменту гроза уже кончилась, а спешить было некуда, так что мы медленно брели по тротуару, обходя лужи, пока я не замерла, заметив возле дома знакомую машину.

Это была машина Кирилла.

Злата

Я застыла, неотрывно глядя на место водителя сквозь лобовое стекло. Свет в салоне был выключен, так что я не могла сказать наверняка, есть ли кто внутри. Возможно это вообще не его машина, я же не помню какой у нее номерной знак.

Да, наверное я просто паранойю. Кирилл бы не приехал сюда ни с того ни с сего. Не после того, что он сделал.

Усилием воли заставляю себя отвернуться и улыбнуться Владу.

— Спасибо. Сегодня было действительно классно.

Я хочу сказать, как мне было нужно просто выбраться куда-то с другом, и ненадолго отвлечься от проблем, но вряд ли он был бы рад это услышать.

Влад улыбается в ответ, и слегка приобнимает меня на прощание.

— Рад, что смог поднять тебе настроение. Не знаю, кто тебя обидел, но улыбка идет тебе гораздо больше. До встречи в понедельник?

— Да, до встречи, — попрощалась я, и, махнув рукой, он ушел.

Как назло, лифт не работал, так что подниматься на свой этаж пришлось по лестнице.

Преодолевая лестничный пролет за лестничным пролетом, я сбиваюсь со счета, и не сразу осознаю, что попала на свой этаж. А, когда поднимаю глаза, делаю шаг назад и застываю на месте.

Возле моей двери, облокотившись о стену плечем, стоит Кирилл. На нем джинсы и черная кожаная куртка.

Значит я не ошиблась. Это была его машина.

Несколько секунд мы просто стоим и смотрим друг на друга, а внутри меня творится настоящий хаос. Я не знаю, чего хочу больше: обнять его или ударить.

Мое сердце заходится в безумном ритме, а сама я почти не дышу, когда прохожу мимо, и вынимаю из кармана ключи от квартиры. Как назло, руки дрожат, так что у меня не сразу получается всунуть ключ в дверной замок. Выходит раза с пятого — не раньше.

Я не знаю что ему сказать, и не знаю стоит ли вообще с ним заговаривать. Поступи так, как он, со мной кто-нибудь другой, я бы не захотела бы его больше видеть, и это было бы правильно. Каковы бы ни были причины, я не должна радоваться тому, что он пришел, но не смотреть в его сторону стоит мне невероятных усилий.

— Зачем ты здесь? — наконец спрашиваю я, прежде чем открыть дверь и спрятаться за ней, как за щитом.

Я думала ты не хочешь меня видеть.

— Только не надумай лишнего, — холодно произносит он, — Я здесь только потому, что мама попросила привезти тебе кое-что.

С этими словами Кирилл протягивает мне пакет. Внутри него пластиковые контейнеры. Похоже тетя Алина действительно считает, что без нее я питаюсь одним святым духом и полуфабрикатами.

Что ж, она не так далека от правды.

— Ага, спасибо.

Мне так о многом хочется его расспросить, так многое сказать, но я молчу.

Нет уж, хватит с меня унижений. Если бы он был здесь ради разговора, не вел бы себя

так высокомерно.

Приглушив чувства, я заставляю себя скрыться за дверь. Но, едва войдя в квартиру, прилипаю к дверному глазку, и вижу, как Кирилл еще какое-то время стоит в коридоре и смотрит на мою дверь. В его глазах проскальзывает... сожаление?

На секунду он даже протягивает руку к двери, словно хочет постучать, а затем тяжело вздыхает и, сунув руку в карман, медленно спускается по лестнице.

Я ничего не понимаю.

Сердце буквально кричит, что я должна выскочить за дверь и догнать его, но разум заставляет остаться на месте, держась за дверь, как за спасательный круг. И, стоит Кириллу скрыться за лестничным пролетом, как я медленно оседаю на пол, и начинаю плакать.

Знаю, я обещала себе, что больше не буду плакать из-за этого придурка, что буду сильной, но, вновь увидев его, я потеряла контроль. Он разрушил мою стену, едва появился здесь, возле моей двери.

— Ненавижу тебя, — прошептала я, роняя слезы, — Стоило наконец взять себя в руки, как ты все испортил!

Я проплакала, наверное, до середины ночи. К еде, которую передала тетя Алина, так и не притронулась. Я и так не была голодной, когда вернулась из кафе, а после встречи с Кириллом тем более не могла заставить себя поесть.

Хуже всего было то, что завтра суббота, а значит в спортзал я попаду не раньше, чем через два дня. Целых два дня без тренировок, которые не давали мне сойти с ума... Это настоящая пытка.

Кирилл как будто делал все, чтобы мне было как можно больнее.

Всхлипнув, я стерла с щек влагу, и достала из кармана телефон. Мне пришло сообщение от Влада:

Спасибо за вечер.

Время до понедельника течет мучительно медленно. Я пытаюсь отвлечь себя сериалами, но, как ни стараюсь, не могу вникнуть в сюжет. Чертов Барский никак не выходит у меня из головы. Мерзавец занял все мои мысли.

В конце концов я не выдерживаю, и, схватив телефон, пишу ему:

Ты — настоящая задница, Барский! Ненавижу тебя!

Мне все равно прочтает он его или нет, я должна была написать это. Должна была написать ему хоть что-нибудь. Я хотела, чтобы он знал, что я зла. Хотела, чтобы он знал, что я никогда не прощу его. Хотела, чтобы он испытал хотя бы каплю того, через что из-за него прохожу я.

Ответа ожидаемо не получаю, но я его и не жду. Пусть молчит хоть целую вечность, если ему хочется! Я его обязательно забуду!

На секунду у меня даже проскальзывает мысль, что я могла бы использовать Влада, чтобы проверить, сможет ли Барский держать себя в руках, если увидит меня с другим парнем, но я тут же отметаю ее. Нет, Влад хороший парень и друг, и он точно не заслуживает, чтобы с ним так поступали. Да и вообще, использовать кого-то в таких целях слишком мерзко, чтобы я на это пошла.

А когда наконец наступает понедельник, я не могу дождаться конца лекций, чтобы вернуться к тренировкам.

Увы, может я и забыла про сессию, но преподаватели нет. И на очередной паре по экономике препод дает нам задание. Групповое.

Мне в напарники выпадает Лина, и за неделю мы должны подготовить курсовую на заданную тему.

Я все еще расстроена из-за Кирилла, хуже того, из-за выходных я два дня не могла сбросить пар, так что курсовая — последнее, о чем мне хотелось думать, но деваться некуда. Не сдам курсовую — можно попрощаться не только с универом, но и с тренировками. И, если первое меня не особо волнует, то второе — еще как.

Еще несколько месяцев назад я была уверена, что проживу и без них, а теперь... Они стали моим спасательным кругом.

Конечно, я понимала, что они не продлятся вечно. Рано или поздно я либо закончу университет, либо меня выгонят, но до тех пор я собиралась заниматься гимнастикой как можно дольше.

— Эй, ты меня вообще слушаешь?

Лина помахала передо мной рукой, привлекая внимание. На ее лице читалось недовольство.

Упс.

— Прости, о чем ты говорила? — виновато переспросила я.

Вместо ответа она закатила глаза, как будто спрашивая, за что ей такое наказание, но все же повторила:

— Предлагаю разделить между собой разделы, а потом вместе проверить результат. Так мы сэкономим время.

— Да, хорошо.

К удивлению, Лина вела себя со мной вполне нормально. Так, как будто мы не враждовали все эти годы. И я старалась ответить ей тем же.

— Тогда я беру с первого по третий раздел, а ты с четвертого по пятый. Он больше по объему, так что все честно.

Так мы обговариваем еще несколько моментов, связанных с курсовой, и впервые за много лет обмениваемся контактами. До этого у нас никогда не было ни желания, ни надобности звонить друг другу.

Больше тему Кирилла она не поднимала, только иногда смотрела странно, как будто хотела что-то сказать, но сомневалась, и я была ей за это благодарна.

После лекций, распрощавшись с Линой, я поспешила к спортзалу. Мне не терпелось поскорее переодеться и начать разминку перед крутыми трюками и поддержками.

Сегодня мы с Владом должны были репетировать двойное сальто назад после поддержки. С Кириллом мы так и не успели до него дойти. Должны были как раз перед тем, как он ушел.

Так, все! Хватит думать о нем, Злата!

Если бы ему было не все равно, он бы не ушел. Или, по крайней мере, объяснил бы, почему так поступил.

Я была зла на себя за то, что, несмотря ни на что, все еще скучаю. Но еще больше на Кирилла.

Зачем он вчера приезжал? Зачем напомнил о себе, если все по прежнему? Неужели не мог просто отказаться, или опять послать вместо себя Алекса?

У меня было множество вопросов, но он не собирался отвечать ни на один из них. И, чтобы хоть как-то снять стресс, я гоняла себя по залу, заставляла себя выполнять двойную или даже тройную норму упражнений.

Первые дни Влад переживал, как бы я себе чего не повредила, а потом привык. Только иногда спрашивал, в порядке ли я, когда я падала на маты от усталости.

В тот день все было как обычно. Я пришла немного раньше Влада, потому что у него была еще одна лекция, занялась растяжкой, приседаниями, прыжками и упором лежа. Потом прошла по бревну. Выполнила несколько прыжков и перекатов, сделала колесо, походила на руках, то разводя ноги в шпагате, то снова сводя их вместе. Словом, то же, что и каждый день.

Но, когда дело пошло до колец, произошло нечто странное...

Одна из веревок показалась мне ненадежной, а потом, во время выполнения упражнений, когда я должна была перенести свой вес на одно кольцо, она порвалась, и я упала на маты, больно приложившись спиной.

Влад как раз входил в спортзал, когда это случилось, но я все равно успела увидеть, как его глаза расширились от испуга, и он побежал ко мне.

Я тихонько застонала от боли, тщетно пытаюсь вдохнуть. Подбежав, парень упал на колени на маты, нависая надо мной.

— Злата! Злата, ты в порядке?!

Да какое там, из меня весь дух выбило!

— Повезло, что хоть не канат порвался, когда я была под потолком.

Я нервно хихикнула, но глубоко внутри мне было жутко от мысли о том, что могло бы произойти.

Упав с такой высоты я бы точно убилась, а так... Просто неприятно. По крайней мере я надеялась, что ничего не сломала.

Полежав примерно минуту, и убедившись, что потолок больше не кружится, я попыталась подняться, пока Влад осторожно придерживал меня под спину, а потом принес мне воды.

Проклятье, надо было влюбиться в него, а не в Андрея с Кириллом. И почему я вечнс выбираю не тех?..

— Цела? Голова не кружится? — парень искренне волновался за меня, и это было приятно, но я не могла не думать о том, что хотела бы, чтобы на его месте был кое-кто другой. А потом сама же себя за эти мысли отругала.

— Вроде нет. Спасибо.

— Как это вообще случилось? — парень хмуро оглядывал огрызок веревки и кольцо, повисшее на нем, — Веревки, на которых висят гимнастические кольца, всегда очень прочные. Они не рвутся ни с того ни с сего.

— Сама ничего не понимаю, — честно ответила я, — Мне показалось, что одна из веревок ослаблена, но я и подумать не могла, что она вот так порвется.

Злата

На порванном креплении для кольца странности не кончились. На следующий день мы с Владом обнаруживаем, что бревно подозрительно шатается, как будто одну из ножек кто-то перепилил, а в раздевалке подо мной ломается скамейка, так, что я грохаюсь на пол.

Единственным, что уцелело, пожалуй, был канат, но с тех пор мы с Владом и на него с подозрением поглядываем.

— Только у меня такое чувство, что нам хотят помешать тренироваться? — спрашиваю я, рассматривая очередную подлянку. Кольца повесили обратно, на новое крепление, но теперь их кто-то смазал маслом, так что моя рука тут же соскальзывает, стоит попытаться за них зацепиться.

— А какие еще варианты? — хмуро спрашивает Влад, глядя на это безобразие, — Думаю стоит пойти к ректору. Пусть приставит кого-нибудь присматривать за спортзалом или повесит камеру. В конце концов это не шутки. Мы могли пострадать.

Я согласно киваю, хоть и сомневаюсь в том, что ректор действительно поможет. Не удивлюсь, если он предложит Владу самому ловить вредителей, раз уж в его голове возникла такая потрясающая идея.

Я оказываюсь недалеко от правды.

— Вы хотите, чтобы я повесил в спортзале камеру? И из-за чего? Из-за детских выходок? Вы что, с ума сошли?! Да вы хоть знаете сколько это стоит?!

Ну вот, ректор опять краснеет от злости, как помидор. Вон, даже вена на лбу вздувается и пульсирует, как будто вот-вот лопнет.

— А вы знаете, чем вам грозит травма одного из студентов, полученная по халатности администрации университета? — не остается в долгу Влад.

— Что-о-о?! — рычит ректор, но его это не пугает.

Парень скресчивает руки на груди, хмуро глядя на ректора. Он не собирается сдаваться. В его взгляде и позе читается вызов.

— Что, если завтра один из нас сломает ногу из-за испорченного инвентаря, а потом выяснится, что вы могли это предотвратить, но предпочли сэкономить? Как думаете, что на это скажет министерство образования?

Ректор тяжело дышит, прожигая Влада злым взглядом. Кажется, у него вот-вот пойдет пар из ушей, но в конце концов он сдается.

Видимо угроза обвинить его в халатности возымела свое.

— Черт с вами, — выплевывает он, отмахиваясь от нас, как от назойливых мух, — Будет вам камера. Но, если продуете соревнования — пинайте на себя! А теперь пошли вон с глаз моих, вымогатели!

Едва за нами закрывается дверь, как мы с Владом переглядываемся и громко смеемся, хватаясь за животы.

— А ловко ты его, молодец! Я, если честно, не верила, что он согласится.

Влад хмыкает и мы идем дальше. Лекции на сегодня кончились, тренировка тоже, так что в универе нам больше делать нечего.

— У него нет выбора. Он знает, что я прав. Его должность и так под вопросом после того, что случилось во время бала.

— Ты тоже об этом знаешь? — хмуро спрашиваю я.

Если честно, я бы предпочла, чтобы о том случае все забыли. Я до сих пор не могу поверить в то, что это действительно произошло со мной тогда. Сейчас и это, и второе похищение кажется каким-то дурным сном.

На лице Влада появляется сочувствующая улыбка.

— Прости. Не думаю, что в нашем универе есть хоть кто-то, кто не слышал бы о том случае. Как-никак одну из студенток отравили и чуть не похитили.

— В конце концов это тоже произошло, — хмыкаю я, но мне совсем не весело. Похищение вообще неудачный повод для шутки.

Влад стремительно мрачнеет и отводит взгляд. На секунду его рука даже сжимается в кулак, но тут же расслабляется, когда он поворачивается ко мне.

— Наверное тебе нелегко быть частью этой семьи.

Да. Я потеряла семью, и попала в чужой дом. Лина с самого начала была не рада мне, и всячески мне это показывала, а Кирилл... Он вел себя так, будто меня для него не существует. Как и сейчас. А потом я стала мишенью для тех, кто хотел использовать меня против Барских.

И все-таки я была благодарна за то, что тетя Алина сделала для меня. И за то недолгое время, что Кирилл не вел себя, как самовлюбленный придурок.

— Это уже не важно, — я пытаюсь улыбнуться, но выходит не очень, — Я съехала от них, и теперь я — часть их семьи только на бумаге. И то временно.

— Почему? — Влад удивленно приподнял брови, и я вздохнула.

— Я планирую вернуть себе фамилию родителей. Как раз на днях хотела заехать в паспортный стол.

После всего, что случилось, мне кажется неправильным и дальше носить эту фамилию.

— А они здесь откуда?..

Выходя на улицу, мы не ожидаем никого увидеть, но неожиданно натываемся на группу студентов во главе с “королевой” университета.

Марьяна явно наслаждается всеобщим вниманием. За всю историю не было ни одной лекции или перерыва между ними, чтобы ей не заглядывали в рот. Вот и сейчас студентки первых и вторых курсов едва из штанов не выпрыгивают, пытаясь выслужиться перед ней.

Я же просто надеюсь, что мы с Владом сможем пройти мимо незамеченными, но, как назло, она резко поворачивается в нашу сторону и смотрит прямо на меня. Ее губы расплываются в довольной улыбке, от которой меня пробивает озноб.

— Зла-а-ата, — протягивает она, и я тут же напрягаюсь, готовая отразить очередную атаку.

За последние дни я привыкла к тому, что все, кому не лень, пытаются брызнуть ядом в мою сторону и поехидничать по поводу разрыва с Кириллом, но “королева” университета меня удивила.

Подойдя ближе, звонко цокая каблуками по гладкому асфальту перед входом в универ, она протянула нам с Владом два черных конверта с золотым тиснением.

— Знаю, последние недели были для тебя непростыми, так что, думаю, тебе это не повредит. Сегодня я устраиваю вечеринку в честь дня рождения у себя дома. Приходи со своим другом. Там будут все.

И, пока мы с Владом глупо переглядываемся в шоке от происходящего, широко улыбнувшись, Марьяна уходит, покачивая бедрами, так и не дождавшись ответа. А у меня в

голове в это время висит один вопрос:

Что это такое было?!

Нет, Марьяна никогда не издевалась надо мной так, как это делала Лина, но и внимания не обращала. Куда мне до звезды местного разлива? Поэтому подобное неожиданное внимание кажется подозрительным.

Если честно, получив конверт, первым делом я хочу поскорее избавиться от него, как от медленно тикающей бомбы. Но, когда Влад спрашивает пойду ли я...

— Если честно, я не думаю что это хорошая идея. Никогда не любила вечеринки. Я и на бал то пошла только ради Андрея...

Прикусив губу, я тяжело вздыхаю, и добавляю:

— Да и моя репутация в последнее время оставляет желать лучшего. Сам знаешь, все обсуждают то, как мы с Кириллом расстались. Все думают что я одна из его девушек на ночь, которая бегаёт за ним, как идиотка. Никого не волнует правда, как и то, что мы даже не спали вместе.

Вернее спали, конечно, но не в том смысле.

— Я так не думаю, — тут же возражает он, — Ты не похожа на девушку, которая согласилась бы на это, и тем более не похожа на ту, что стала бы унижаться из-за придурка.

— Спасибо, — мне все еще погано на душе, но я улыбаюсь благодаря его поддержке.

— В общем, я не хочу идти туда, зная, что все присутствующие будут перемывать мне кости. У меня в жизни и без того хватает дерьма.

— Может поэтому тебе и стоит пойти?

— Зачем это? — не понимаю я, удивленно приподнимая брови.

— Чтобы они увидели, что ты сильнее обстоятельств, и тебя им не сломить. Разве тебе не хочется утереть нос этим клушам?

Если честно — не очень. Я бы лучше провела вечер дома, с пиццей, пересматривая все части Гарри Поттера, чем ехать на непонятную тусовку, где у меня и друзей-то нет, зато желающих перемывать кости — вагон и маленькая тележка.

Но то, как Влад говорил, заставило меня задуматься о том, не слишком ли часто я прячусь от проблем, и в конце-концов я сдалась.

— Хорошо, я поеду, но только если ты тоже поедешь со мной. Не хочу отбиваться от них в одиночку.

Влад одобрительно улыбнулся и погладил меня по голове.

— Вот это мой партнер! — гордо сказал он, — Пойдем и покажем им из какого теста слеплены гимнасты!

Перед вечеринкой я ненадолго заезжаю домой, чтобы переодеться, а потом жду Влада. Мы договорились, что он подъедет к моему подъезду на такси, чтобы мы вместе могли отправиться на эту вечеринку.

Предчувствие подсказывает, что пригласили меня туда отнюдь не по доброте душевной, так что я не собираюсь соваться в одиночку в это осиное гнездо. А с Владом вроде и не страшно. Есть какое-то ощущение надежности от того, что рядом друг.

Как и ожидалось от королевы универа, вечеринка в честь дня рождения Марьяны проходит с размахом, в одном из элитных клубов на краю города, с мангалами, беседками, бассейном и таким количеством алкоголя, что все, без исключения, будут добираться домой под утро на такси... Ну или ползком. Тут кому как повезет.

Тут и там снуют полуголые студенты, как будто на улице не осень, а середина лета. Со

всех сторон орет громкая музыка. Я поворачиваюсь на одобрительный свист парней и вижу как один из них с разбега прыгает в бассейн, окатывая брызгами всех вокруг, и меня в том числе. К счастью не сильно. По крайней мере не настолько, чтобы моя рубашка вызывающе прилипла к телу, как у вон той второкурсницы.

Некоторые гости мне незнакомы, но основная часть — студенты из нашего универа. Здесь и фанаты Марьяны, и даже подружки Лины, надменно поглядывающие в мою сторону.

Но, что хуже всего, среди гостей есть и Кирилл. Я замечаю его в нескольких метрах от нас, возле именинницы.

Едва заметив Барского, я застываю, неосознанно сжимая кулаки, и смотрю на то, как “королева” универа вешается ему на шею, обнимая его наманикюренными руками.

— Ки-и-ир! — протягивает она, растягивая буквы, — Я так рада, что ты решил прийти! Ты так внезапно ушел из универа, что я боялась, что ты пропустишь мою вечеринку!

— Ну что ты, — холодно улыбаясь, он находит меня взглядом в толпе, и меня бросает в жар, — Разве я мог такое пропустить?

Мои щеки миглом вспыхивают багрянцем, а потом я уверенно хватаю Влада за руку и утягиваю в сторону столиков с алкоголем.

— Злата? Злата, ты чего? — растерянно спрашивает парень, когда я хватаю с подноса первый попавшийся бокал и залпом осушаю его.

— Не видно? Я веселюсь!

И, подмигнув ему, следом осушаю еще один, стараясь не кривиться.

Фу, ну и гадость.

Я чувствую, как в груди разливается приятное тепло, и, пожалуй, это единственная приятная вещь на этой вечеринке. У меня нет никакого желания смотреть на то, как королева универа подкатывает к Кириллу, так что, опрокинув третий бокал, я распускаю волосы и утягиваю Влада в сторону танцпола.

Выкуси, Барский!

Я кружусь, обнимая Влада за шею. Мое тело изгибается в такт музыке, а окружающий мир превращается в безумную мешанину света и звуков, и меня это устраивает. По крайней мере я не вижу то, как главная красотка универа виснет на Барском.

Обычно я не бываю на вечеринках из-за количества людей, но мне нравится, как каждая клеточка тела отзывается на мелодию, и даже сердце начинает биться в ей такт.

В отличие от гимнастики, мне не нужно продумывать каждое движение наперед. Тело само знает, что делать, и в какой-то момент я даже прикрываю глаза от наслаждения, а потом чувствую чужие руки, скользящие от моей талии к бедрам. Резко оборачиваюсь и вижу перед собой Барского.

Он стоит близко, до неприличия, и прожигает меня взглядом потемневших глаз, а я делаю резкий шаг назад, и ищу взглядом Влада, но его нигде не видно. Мне нечего сказать Барскому, я собираюсь идти искать своего напарника, как вдруг он резко притягивает меня к себе, вынуждая заглянуть ему в глаза, и превращает все в танец.

Мои щеки и глаза вспыхивают от злости.

Хочешь поиграть Барский? Хорошо, я принимаю вызов!

Изгибаясь в спине, я встряхиваю волосами в воздухе, кладу ногу ему на плечо, демонстрируя всем присутствующим идеальную растяжку и успеваю заметить, как дергается уголок его рта в намеке на улыбку. Одной рукой Кирилл придерживает меня за ногу, а другой скользит вдоль моей спины, вызывая волны жанра по всему телу.

Каждое наше движение — откровенная провокация. Мы дразним друг друга, пытаюсь переиграть в этой игре.

Все это время мы не говорим ни слова. Все наши чувства выражаются в жестах, движениях и взглядах.

Ты сделал мне больно, Барский.

Я доверилась тебе.

Я любила тебя.

Ты предал меня.

Я изгибаюсь, двигаюсь в такт музыке, чувствуя, как безумно колотится сердце.

Ближе. Дальше. Вверх. Вниз. Вправо. Влево.

Он медленно обходит меня по кругу, словно хищник, и я резко приседаю, очертив полукруг ногой, а потом также резко поднимаюсь, и оказываюсь прижата к крепкому горячему телу, а затем отталкиваю его, чтобы он вновь притянул меня к себе.

Окружающие расступаются, освободив для нас центр танцпола, и образуя что-то вроде круга, но я не обращаю на них никакого внимания.

Сейчас здесь только мы. Я и Барский. Самовлюбленный придурок и бабник. Раздражающий сводный брат. Король универа. Парень из моих самых жарких снов. Тот кого я ненавижу до такой степени, что хочу поцеловать.

Наш танец такой же неоднозначный, как и мои чувства. В нем и холод, и страсть, и нежность, и злость, и любовь, и ненависть.

Я была так зла на него. За то, как он поступил. За то, как бросил меня, ничего не объяснив. И за то, что никак не хотел исчезнуть из моей жизни и оставить меня в покое. За то, что не давал забыть. И одновременно таяла в его руках, когда он прижимал меня ближе,

словно говорил: “Я поймал тебя, и теперь ни за что не отпущу”.

Я должна оттолкнуть его. Должна сказать, что не хочу его больше видеть, но никак не могу заставить себя остановиться.

Только на этот танец. Всего на один танец я позволю себе пересечь черту, прежде чем распрощаться с Барским навсегда.

Я знаю, он не для меня. Мы с самого начала не должны были быть вместе. Мы с ним из разных миров. И все же... Когда наши тела двигаются в унисон, когда наши сердца бьются также быстро, как биты, мне кажется, будто мы никогда не расставались.

А потом песня заканчивается, и мы замираем, тяжело дыша, и глядя друг на друга.

Рука Кирилла все еще лежит на моей спине, прижимая меня к нему, и сквозь его футболку я чувствую не только все его мускулы, но и то, как быстро бьется его сердце. Он медленно склоняется ко мне, и я тону в его глазах, а потом его губы накрывают мои, заставляя обмякнуть в его руках.

Услышав одобрителный свист кого-то из гостей, я будто просыпаюсь ото сна.

Щеку Барского обжигает звонкая пощечина, но он и не думает отпускать меня, целуя снова, страстно, нежно. Тогда я собираюсь ударить его снова, но Кирилл ловко перехватывает мою руку свободной рукой, переплетая наши пальцы.

Я протестующе мычу сквозь поцелуй, пугаясь реакции собственного тела, а затем кусаю его за язык. Но, вместо того, чтобы отступить, он легонько покусывает мою нижнюю губу, прежде чем углубить поцелуй.

Не знаю как долго длится это безумие. Наверное целую вечность, прежде чем кто-то из толпы окликает его, и мне наконец удается сбежать.

Я бегу, пробираясь через толпу тусующихся студентов, собираясь поскорее убраться отсюда. Мне нужно лишь где-то ненадолго спрятаться и дожидаться, когда придет такси, и женский туалет как нельзя лучше подходит для этого.

Резко открыв дверь, я залетаю в одну из свободных кабинок и запираюсь в ней, после чего вытаскиваю из кармана телефон и открываю приложение для вызова такси. Я как раз вбиваю адрес, когда в туалет заходит группа девушек.

— Да как они смеют?! — шипит Марьяна. Ее голос я ни с чьим не спутаю, — Как он посмел выбрать ее?! Что в ней такого особенного?!

— Кто знает, — отзывается одна из ее подружек, — Может она хороша в постели? Ну знаешь, в том самом...

Подружки Марьяны мерзко хихикают, обсуждая мои сомнительные таланты, и у меня вспыхивают щеки. В отличие от них у меня не было опыта в подобных вещах, но им-то откуда это знать?

— Ты хочешь сказать, что она лучше меня?! — Марьяна рычит. Похоже слова одной из подружек ее не на шутку разозлили, — Когда мы были вместе, его все устраивало!

Ну вот, и чему я удивляюсь? Я же знала, что он переспал с половиной универа, и, конечно, королеву вниманием не обделил. Так почему же меня это так задевает?

— Нет! Нет, конечно! — поспешила оправдаться подружка, — Уверена, в ней нет ничего особенного!

— Да, точно! — поддакнула ей вторая, — Наверняка он сделал это только ради того, чтобы ты ревновала! Иначе зачем ему привлекать столько внимания?

Марьяна самодовольно хмыкает. Похоже подружкам удалось ей угодить.

— Вот именно! В ней нет ничего особенного! Кирилл ни за что не будет с такой серой

мышью. Вот увидите, не пройдет и недели, как он снова будет со мной! Сегодня ночью мы поедem ко мне, и я напомню ему, как хорошо нам было вместе.

Последняя фраза Марьяны заставляет мое сердце болезненно сжаться, но не успеваю я заплакать, как дверца соседней кабинки открывается, и я слышу голос Лины:

— Мечтай, вобла, — громко говорит она.

Я так удивлена, что даже приоткрываю рот.

Мне всегда казалось, что Лина восхищается королевой универа, и во всем старается равняться на нее. Выходит я ошибалась?..

— Что ты сказала?! — шипит Марьяна.

— Что слышала, — холодно отвечает ей она, — Мой брат никогда не будет с такой мерзкой, заносчивой и самовлюбленной стервой, как ты. Даже не мечтай.

— Да что ты вообще знаешь?! — взвизгивает королева универа.

— Я знаю, что мой брат любит Злату. Поэтому он никогда не посмотрит в сторону завистливых стерв, вроде тебя и твоих мерзких подпевал.

Внезапно я слышу звук пощечины и понимаю, что пора вмешаться.

Забыв про то, что собиралась прятаться здесь до приезда такси, которое еще даже не вызвала, я распахиваю дверь кабинки и застаю неожиданную картину: за щеку держится не Лина, а Марьяна.

— Думала я так просто позволю себя ударить? — презрительно фыркает она, — Может ты и королева универа, но я — не одна из твоих прихвостней!

Фыркнув, Марьяна кидает злобный взгляд на нас двоих, а затем круто разворачивается на каблуках, и уходит. “Подружки” испуганно сбегают вслед за ней, и мы с Линой остаемся одни.

Она оборачивается к зеркалу, поправляя макияж, игнорируя меня, как будто не заступилась за меня только что перед самой крутой девушкой из нашего универа, а я не знаю что сказать. Поблагодарить? Сказать, что она ошиблась, и я ничего не значу для Кирилла?

Пока я теряюсь, Лина заговаривает первой, хмуро глядя на меня через зеркало.

— Как долго ты собираешься прятаться и позволять всяким стервятникам поливать тебя грязью? — спрашивает она.

— Хочешь сказать что она не права? Кирилл ясно дал понять, что я ничего для него не значу.

Лина тяжело вздыхает и поворачивается ко мне лицом, скрестив руки на груди.

— Вы оба такие упрямые! — раздраженно фыркает она, глядя на меня, — Что ты, что Кирилл. Неудивительно что он выбрал именно тебя!

И, только я открываю рот, чтобы вновь возразить ей, как Лина перебивает меня:

— Если снова собираешь нести чушь про то, что я не права, лучше заткнись. Потому что иначе я тебя точно стукну, и потом буду выслушивать всякое от Кирилла.

Я молчу, но мой взгляд говорит ей все, что я об этом думаю.

— Молчишь? Вот и отлично. Кирилл ждет тебя на парковке. Парня, который приехал с тобой, можешь не искать. Он сейчас с Алексом.

У меня резко исчезают все слова. Да что там! Я даже забываю как дышать от такой наглости.

То есть моего напарника утащили непонятно куда, а теперь еще и условия ставят?!

— Ты же не думаешь, что я к нему пойду? — хмуро спрашиваю я, на что Лина безразлично пожимает плечами.

— Мне то какое дело? Мое дело передать. Можешь, конечно, попытаться сбежать, но выход с территории клуба все равно только один. Сомневаюсь в том, что Кирилл тебя пропустит.

И, поправив напоследок прическу, Лина уходит, оставляя меня в панике метаться по туалету.

Что же делать?

Я совершенно не готова к разговору с ним, особенно после нашего танца и поцелуя, но понимаю, что Лина права. Сбежать не получится. Разве что я решу остаток жизни провести в женском туалете. Хотя в таком случае нет никаких гарантий, что Кирилл не потеряет терпение, и не решит лично вытащить меня отсюда.

Проклятье! Обложили демоны!

Я зла, обижена и растерянна. С одной стороны я готова лезть через забор, только чтобы не встречаться с Кириллом, а с другой... Я же сама обещала, что, если он захочет поговорить, я не стану сбежать. Так почему же теперь трушу?

Одна часть меня боится повторения того, что случилось на танцполе, а другая наоборот хочет этого, и я ненавижу себя за обе.

Нет, я не трусиха, поэтому я не сбегу. Так и быть, я выслушаю Барского, но больше я ему не поддамся! И целовать себя не позволю. Он утратил это право, когда бросил меня на глазах у всего универа.

Не позволю, я сказала!

Будь он хоть трижды королем универа, больше я ему не проиграю, и не позволю играть моими чувствами, даже если это значит, что мы с ним больше никогда не заговорим.

Злата

По мере того, как я решаюсь пойти к парковке, мой воинственный настрой то падает, то нарастает. Честно говоря, я понятия не имею о том, что мы скажем друг другу. Да и можно ли что-то исправить словами?

Впрочем, я не знаю, собирается ли Кирилл что-то исправлять. Может он позвал меня, чтобы передать что-то от тети Алины, или сказать очередную гадость.

Додумать эту мысль я не успеваю. Позади туалета слышатся странные звуки, и я решаю проверить, что там творится.

Подкрадываюсь, наверное после последнего похищения подсознательно не жду ничего хорошего, и осторожно заглядываю за угол, и вижу как двое мужиков удерживают вырывающуюся Лину за руки и за ноги. Я вздрагиваю и испуганно прикрываю рот руками. Ее руки и рот заклеены скотчем, так что услышать ее мычание могу только я, и то, лишь благодаря тому, что оказалась рядом.

Мое сердце колотится, как безумное, а руки панически трусятся.

Что делать? Как помочь?

Музыка так орет, что кричи-не кричи — никто не услышит. Бежать за помощью? Не факт, что когда вернусь они еще здесь будут. А сама... Сама я с двумя амбалами точно не справлюсь.

Проклятье!

Мысленно чертыхнувшись, я верчу головой в поисках хоть кого-нибудь, кто может помочь, и едва не подпрыгиваю на месте, когда вижу Алекса, направляющегося в мою сторону.

Злость на него за то, что куда-то увел Влада, мигом испарилась.

— Алекс! Алекс! — я активно машу руками в воздухе, привлекая его внимание. Парень вопросительно приподнимает бровь, но послушно идет ко мне, держа руки в карманах.

Как только он оказывается довольно близко, чтобы я могла не кричать, быстро расписываю ситуацию. На моем лице явно читается тревога, а Алекс... Он в ярости.

Вынув телефон, парень что-то быстро набирает в нем, затем рычит мне:

— Жди здесь! — и бросается в ту сторону, что я указала.

Умом я понимаю, что он скорее всего уже вызвал подмогу, и там я буду только мешаться под ногами, но не могу просто стоять и ждать. Мой взгляд скользит по земле и дорожке, ведущей в туалет, в поисках чего-то, что может помочь. Чего-то, что можно использовать как оружие. И в конце концов я натыкаюсь на небольшой кирпич, лежащий возле стены. Как специально для меня положили.

Подняв его, я немного кривлюсь и взвешиваю его в руке. Он оказывается слегка влажный, с налипшими кусочками грязи и мха, зато увесистый. Я пока не уверена, как именно буду его использовать, но с ним я чувствую себя намного увереннее, чем с голыми руками, и спешу на подмогу Алексу и Лине.

Выглянув из-за поворота, я не вижу ни Алекса, ни Лины с двумя амбалами, и на секунду меня охватывает паника.

Где они? Неужели я опоздала?

Но, прислушавшись, я уловила посторонние звуки и поспешила на них.

Территория клуба была огромной, окруженной деревьями и высоким забором со всех сторон.

В одном Лина ошиблась, выходов было два: главный и запасной. И, судя по всему, ее собирались вывезти через него. Подбежав ближе, я вижу, как один из амбалов пытается запихнуть Лину в черный джип, а второй дерется с Алексом.

Парень неплохо справляется. Если честно, я даже не ожидала, что айтишники могут так драться. Отчаянно и бесстрашно. Было в этом что-то хищное, звериное.

А потом амбал вытаскивает из кармана нож, и мое сердце на секунду останавливается. Я кричу.

— Алекс! Осторожно!

Выругавшись, парень перехватывает руку с ножом за миг до того, как тот вонзается ему в бок, чудом избежав ранения, и заламывая противника, пока другой амбал запирает Лину в машине и собирается смыться.

Не придумав ничего получше, я подбегаю и изо всех сил бросаю кирпич в лобовое стекло со стороны водителя. Раздается звон, треск, и отборные маты. В машине срабатывает подушка безопасности, и, когда она сдувается, я вижу как по лицу амбала стекает кровь. Погиб он или потерял сознание я не знаю, поэтому, не теряя времени, подбегаю к двери со стороны пассажирского сидения и пытаюсь открыть ее, но у меня не получается. Двери заблокированы.

У меня начинают труситься руки. Амбал все еще не двигается, но открывать дверь со стороны водителя мне страшно. До кнопки разблокировки дверей приходится тянуться через него, и мне кажется, что он вот-вот очнется и схватит меня.

Когда я наконец слышу долгожданный щелчок, я не могу поверить своей удаче.

Я открываю двери, и Лина практически вываливается из машины. Мне приходится ее ловить, и мы обе чудом удерживаемся на ногах, когда я начинаю освобождать ее от скотча дрожащими пальцами. Сначала рот, потом руки.

Со стороны водительского сидения раздается стон. Подонок жив.

Лина, кажется, едва сдерживается, чтобы не плюнуть в него, а потом мы обе оборачиваемся в сторону Алекса. Он больше не один. С ним Кирилл. Вместе они повалили второго амбала на землю и скрутили его. Чуть дальше, за их спинами, мы видим подоспевшую охрану. Музыка стихла. Вместо нее слышен вой сирен.

Передав амбала охране, парни переводят взгляд на нас. Особенно недобро смотрят почему-то на меня.

Да какое там “недобро”? Алекс зол, а Кирилл вообще в ярости!

— Какого черта, Злата?! — рычит он, обхватывая меня за плечи, — Тебе было сказано не вмешиваться!

Кирилл встряхивает меня, и на секунду я теряюсь под его напором, а потом сжимаю зубы и отталкиваю его. Наступает моя очередь злиться. Я хочу сказать, что, если бы я не вмешалась, Лину бы уже увезли непонятно куда, но не успеваю. Она делает это вместо меня.

— Эй, остынь! Между прочим, пока вы, парни, там кулаками махали, Злата меня спасла! Лучше бы спасибо ей сказал! — Лина загораживает меня, словно готова защищать от собственного брата, и от шока у меня не остается слов.

Я что, сплю? Мир сошел с ума? Или Лина правда меня защищает от Кирилла?

На это Кирилл ничего ей не отвечает, только шумно сопит, прожигая меня взглядом, который я показательно игнорирую. Целиком справедливо, кстати. Мне, в отличие от него,

действительно есть на что злиться. на что злиться.

Взяв показания у всех участников, полиция отпускает нас домой, правда предупреждает, что позже нам придется явиться для повторных показаний.

Оказалось, что эти амбалы не только пытались похитить Лину, но и избавились от охраны у запасного выхода, и даже отключили камеры. Если бы я не услышала мычание Лины, и не вмешалась, им бы все сошло с рук.

Убедившись в том, что с Линой все в порядке, я все-таки вызываю такси, вот только уехать на нем мне не дают. Только я собираюсь сесть в машину, как Кирилл внаглую берет меня на руки и несет к своей машине.

— Барский, ты совсем страх потерял?! — рычу я, отбиваясь от него, — А ну поставь меня! Поставь, кому сказала, пока я полицию не позвала! Они вон, только-только двоих за попытку похищения упаковали, третьим будешь!

Конечно, это все пустые угрозы. Я бы ни за что не сдала его полиции, но я так зла, что меня не остановить.

— Я с тобой не поеду! Я тебя знать не хочу, понятно? Видеть тебя тошно! Терпеть тебя не могу, придурок! Оставь меня в покое!

Нет, ну вы только посмотрите! Я машу в воздухе руками и ногами, ругаю его на чем свет стоит, а ему хоть бы хны!

Хорошо хоть гости разошлись — полиция всех разогнала до выяснения обстоятельств, так что никто, кроме Алекса, Лины и парочки работников на территории клуба не видели моего позора.

Когда Кирилл садит меня в свою машину, его руки упираются в сидение по бокам от моей головы, отрезая пути отхода. Мое сердце так колотится, будто вот-вот проломит ребра, но я стараюсь не выказывать волнения.

— Лучше бы сестру свою домой отвез! Ее, между прочим, сегодня чуть не похитили! — я прожигаю его взглядом, но он не отстраняется. Напротив, придвигается ближе.

— Алекс о ней позаботится, — бросает Барский, и смотрит на меня так, что мне мигом становится жарко, и я злюсь на саму себя за эту реакцию.

— А я прекрасно позабочусь о себе! Может быть уже перестанешь вести себя как придурок и отпустишь меня? — шиплю я, с вызовом глядя ему в глаза.

— Все сказала? — спрашивает он.

— Да!

— Тогда слушай...

И Кирилл рассказывает мне все. Начиная с того дня, когда мы с ним распрощались у дверей моей квартиры.

Оказалось, в тот день не только я получила сообщение от шантажиста, но и он. Вот только угрожали в этот раз совсем не Кириллу.

Ему прислали снимки, сделанные на одной из вечеринок королевы универа. На них была изображена Лина, в весьма провокационном виде. Похоже кто-то напоил ее, и сделал фотографии, когда она уснула, и грозился разослать снимки во все чаты универа, если Кирилл не будет выполнять указания.

Тогда-то они с Алексом и поняли, что тот, кто шантажировал меня раньше, учится с нами в одном универе. И, пока шантажист был уверен, что у него все схвачено, они подбирались к нему ближе.

Кирилл тянул время. Он делал все, чего хотел шантажист. Наше расставание, мое

унижение в коридоре, его уход из универа — все это было частью игры, чтобы защитить сестру, и раскрыть личность подонка.

И в конце концов им это удалось.

Им оказалась ученица второго курса, младшая сестра парня, который попал в больницу из-за Лины. Как оказалось, она была одной из “девушек на ночь”, с которыми Кирилл раньше проводил время, а еще она была бывшей девушкой Андрея. Когда тот попал в тюрьму, это стало последней каплей. Она возненавидела всю семейку Барских, и меня в том числе, и решила отомстить.

Пойманная с поличным, она была прижата к стенке Алексом и Кириллом. Они заставили ее избавиться от всех фотографий, собрали доказательства ее шантажа, и пригрозили, что, если она еще раз попытается выкинуть подобное, отправится вслед за своим ненаглядным Андреем.

Дослушав его рассказ до конца, я сжимаю кулаки и спокойно спрашиваю:

— Это все, что ты хотел мне сказать?

Холоду в моем голосе позавидовал бы и январь.

Кирилл замирает, кажется он даже не дышит.

— Если это все, то я пойду. Завтра у меня тренировка.

Я отталкиваю его и выхожу из машины, на ходу вызывая такси. Одному богу известно чего мне стоит идти медленно, вместо того, чтобы убежать.

Где-то на полпути к другому концу парковки он ловит меня за руку и резко разворачивает к себе.

— Я же тебе все объяснил!

— И что? Ты думал я тут же прошу тебе все? Как же! Любая девушка мечтает быть с великим Барским! Королем универа! Ты хоть понимаешь, через что я прошла из-за тебя?! Хоть представляешь, как я себя чувствовала все эти дни?! Что я почувствовала там, в коридоре, когда ты унизил меня при всех?!

— Что мне еще было делать?! — Кирилл тоже начинал злиться, — Она угрожала Лине!

На моих губах появилась злая улыбка. Я больше не кричу, но каждое мое слово ударяет его, точно стрела.

— Ты мог все мне рассказать. Всего несколько смс, и я бы знала, что происходит. Всего несколько смс, и я не страдала бы все это время, с трудом собирая себя по частям каждое утро. Вместе мы бы придумали, как переиграть ее. Но теперь... Теперь уже поздно.

Я собираюсь с духом, и говорю то, чего Барскому, наверное, не говорил никто и никогда в жизни:

— Между нами все кончено.

Злата

Странное дело, вроде как я сама поставила точку в наших отношениях, а все равно мне больно.

Уезжая на такси, я ни разу не оборачиваюсь, хотя прекрасно знаю, что Кирилл все еще там. Стоит, опустив сжатые в кулаки руки, и смотрит мне вслед.

Вряд ли он ожидал, что я так поступлю после его рассказа. Впрочем, я сама от себя ничего такого не ожидала.

Разум говорил, что я поступила правильно. У меня и без того достаточно проблем, чтобы ввязываться в подобные отношения. А сердце... Сердце болело.

Оно тянулось к нему, обратно на парковку, готовое простить все на свете, только бы все стало как прежде, но я держала его в узде.

Я понимала, почему Кирилл так поступил, но простить его, забыв о гордости? Забыв о том, через что мне пришлось пройти из-за него? И ради чего? Чтобы мне снова сделали больно?

Нет, пусть лучше все это закончится сейчас. Пройдет несколько недель, может месяцев и все это забудется, как страшный сон. Каждый из нас будет жить собственной жизнью.

Я уверена, что поставила точку. Что моих слов достаточно, чтобы положить всему конец.

Барский однозначно не из тех, кто станет бегать за кем-то и унижаться, так что преследования с его стороны я не опасаясь. А вот того, что меня может пережмуть — вполне.

Даже сейчас я едва сдерживаюсь, чтобы не вытащить из кармана телефон, и не проверить от кого мне приходят сообщения. А, когда все-таки решаюсь, оказывается, что они от Влада, и меня охватывает раздражение:

Привет, прости, что так вышло.

У меня был должок перед Барским.

Ты в порядке?

Какое-то время я просто сижу и смотрю на экран, прожигая его раздраженным взглядом, а затем быстро набираю ответ, игнорируя последний вопрос:

И как, оплатил?

Я так зла, что мне даже не интересно, что это за долг такой, за который решили мной расплатиться. Меня трясет, я понимаю, что на эмоциях могу наговорить такого, что потом буду жалеть, но все равно пишу:

Не ожидала, что ты такой придурок.

Сжав губы, я прячу телефон в карман. Он вибрирует еще несколько раз, а потом замолкает.

Все, хватит с меня на сегодня сообщений. И от того, и от другого. Никого из них слышать не хочу. Достали оба.

Будь у меня подруга, я бы позвонила с ней, и может быть пригласила бы остаться у меня с ночевкой, а так... Наверное просто закажу пиццу. Все равно готовить нет никакого желания.

Квартира встречает меня тишиной. Первое время меня это угнетало, но за последние

дни я уже успела к этому привыкнуть. А вот звонок в дверь, разрезающий тишину — это что-то новенькое.

Удивленно моргнув, я поворачиваюсь в сторону двери. А затем не спеша подхожу к ней и заглядываю в глазок.

Там, на лестничной площадке, стоит Барский. Такое чувство, что он поднимался на этаж пешком: весь какой-то взъерошенный и дышит тяжело. И, клянусь, хоть я и знаю, что он меня не видит, у меня такое чувство, будто он смотрит прямо на меня.

— Злата, я знаю что ты там. Открой, пожалуйста. Давай поговорим.

Я застываю на месте и почти не дышу. Я могла бы притвориться, что меня нет дома, если бы не знала, что курьер привезет пиццу через десять минут.

— Не думаю, что это хорошая идея. Я уже все сказала, — отвечаю я. Дверь все также заперта, но у меня такое чувство, будто меня от него ничего не отделяет. Дверь — незначительная преграда. Ерунда.

— Зато я нет, — кажется Кирилл и не думает сдаваться, — Может быть вступишь меня? Или и дальше будем развлекать соседей?

Я мигом представляю соседок, прилипших к дверным глазкам вместо любимых сериалов, которые идут по телевизору, и мои щеки наливаются румянцем.

Нет, развлекать я их точно не хочу. Я и без того для них главная тема для пересудов с тех пор, как погибли мои родители. Хватит с них новостей.

— Хорошо, — наконец сдаюсь я, открывая замок, и шумно сглатываю, когда он оказывается в шаге от меня, — Только не думай, что это что-то меняет, — нервно добавляю, пропуская его в квартиру.

Я просто не хочу чтобы моя личная жизнь стала очередной темой для сплетен.

Не знаю, кого я больше хочу в этом убедить: его или саму себя. Наверное обоих.

Несмотря на поганый характер, Барский никогда не был лишен обаяния, и я это прекрасно понимаю. Как и то, что вестись на него нельзя. Дам спуску — и считай все кончено. Рано или поздно я надоем ему, как и все остальные, и он избавится от меня, как от сломанной игрушки, а я еще несколько месяцев буду собирать себя по частям.

Нет уж. Больше я не буду слабой и наивной. Не позволю играть моими чувствами. Особенно Барскому. Даже если мое глупое сердце во что бы то ни стало хочет дать ему шанс.

Даже рыба не попадается дважды в одну сеть.

Мы проходим на кухню и садимся за стол. Как бы мне ни хотелось избавиться от него пошустрее, я понимаю, что Кирилл вряд ли уедет раньше курьера, а потому предлагаю ему чай, а он берет и соглашается, хотя после даже не притрагивается к чашке.

Тьфу ты, только зря пакетик на него перевела!

Я же, в отличие от него, свою чашку даже из рук не выпускаю, опасаясь, что начну нервно стучать по столу или мять салфетку, выдавая свое волнение. Пусть не думает, что может выбить меня из колеи.

— Так о чем ты хотел поговорить?

Молчание затягивается, и я не выдерживаю первая, нарушая его.

Я испытывающе смотрю на него, и вдруг понимаю, что он нервничает не меньше моего.

— Мне жаль, что я ранил тебя, и что тебе пришлось через все это пройти, но я опасался, что тот, кто за всем этим стоит, поймет, что ты все знаешь, что я предупредил тебя. Пойми, я не знал кто это, и насколько этот человек близок к нам. Лина могла пострадать. А после...

Не факт, что она не принялась бы за тебя.

— Я понимаю, — спокойно отвечаю я, пусть это и непросто. С каждой минутой сохранять самообладание рядом с Кириллом было все сложнее. Он, как никто другой, умел выбить почву у меня из-под ног.

— Я знаю, почему ты так поступил, и, наверное, поступила бы так же, окажись на твоём месте. Но я не хочу проходить через это снова. Я едва собрала себя после нашего расставания, и не готова... — я делаю паузу, пытаюсь перевести дыхание, собраться с мыслями, — Ты просил понять тебя, и теперь я прошу о том же. Какими бы ни были причины, ты сделал мне больно. Я могу простить тебя, но снова открыться, снова впустить в свое сердце — нет. Думаю для нас обоих будет лучше, если мы с тобой больше не будем пересекаться.

Замолчав, я перевожу взгляд на него. Кирилл пристально смотрит на меня, так, что сердце начинает биться чаще, и даже дыхание сбивается, а затем подается вперед.

— Уверена, что ты этого хочешь?

Его голос становится хриплым, и на секунду я забываю о том, как дышать, и изо-всех сил сжимаю в руках чашку, так, будто она могла защитить меня от необдуманных поступков. Например от желания, чтобы он вновь коснулся меня, как когда-то.

— Да, — говорю я, прекрасно зная, что это неправда, и, судя по коварному огоньку, который вспыхивает в его глазах, он тоже это знает.

— Врушка, — тихо шепчет Кирилл, подаваясь вперед. Уголок его рта приподнимается в намеке на улыбку, — Маленькая милая лгунья...

Как ни комично, когда его губы оказываются в опасной близости от моего лица, от поцелуя меня спасает... Чашка. Я шустро прислоняю ее ко рту, словно пытаюсь защититься, и из груди Барского вырывается тихий, но искренний смешок, от которого все мое тело покрывается мурашками, а в животе вспыхивает непонятное чувство.

Я ожидаю, что он сдастся, отступит, но вместо этого Кирилл подается вперед и медленно целует обратную сторону чашки, не сводя с меня глаз, отчего я тут же вспыхиваю, точно раскаленный чайник.

Удовлетворенный моей реакцией, он наконец-то отстраняется, а я в таком шоке, что даже не могу пошевелиться.

Это что для него? Какая-то шутка?

Немного погодя, я недобро прищуриваюсь.

— Смеешься надо мной?

— Разве похоже? — спрашивает он, пристально глядя на меня, а я не выдерживаю, и, со стуком поставив чашку на твердую поверхность, поднимаюсь из-за стола.

— Похоже на то, что ты снова развлекаешься за мой счет! Но я — не твоя игрушка, и не собираюсь этого терпеть! Найди себе другую дуру! Уверена, если позовешь, к тебе сразу толпа желающих выстроится, как та твоя блондиночка, о которой весь наш универ уже вторую неделю гудит!

Закончив, я тяжело дышу, мысленно проклиная себя за вспыльчивость.

Так не должно было быть. Я должна была держать себя в руках. Я не должна была показывать, как сильно меня это зацепило, но из песни слов не выкинешь.

Какое-то время Барский просто сидит и ошалело смотрит на меня, а затем вдруг неожиданно расплывается в улыбке.

— Ты что, ревнуешь? — спрашивает он, и я чувствую, как мое сердце делает кульбит и

ускоряется, грозит проломить ребра.

— Еще чего! — почти рычу я, насупив брови, — Мне нет дела до того, с кем ты развлекаешься, но играть собой я не позволю.

Тогда он поднимается из-за стола и медленно делает шаг ко мне, вынуждая меня отступить, а веселый огонек в глазах парня превращается в опасное пламя.

В конце-концов я оказываюсь зажата между ним и стеной, а он нависает надо мной, точно скала.

— Когда ты стала такой врушкой, Злата? — хрипло спрашивает Кирилл, обжигая мою щеку жарким дыханием, а я неожиданно ловлю себя на том, что не хочу его отталкивать. Должна, но не могу.

Едва уловив его запах, я чувствую, как меня переполняют воспоминания. Все наши встречи, тренировки и свидания по вечерам, все поцелуи, разговоры и случайные касания. Все то, что я так сильно старалась забыть. То, что я должна была забыть.

Как бы я ни старалась вычеркнуть Барского из своей жизни, он вновь и вновь возвращается в нее, вскрывает старые раны, и, как ни странно, лечит их. Он заставляет меня заглянуть в самые темные и тайные уголки моей души, о которых я даже не догадывалась. Он меня бесит, и одновременно сводит меня с ума. Я ненавижу его, но, несмотря на все недостатки, несмотря на то, как он относился ко мне после смерти родителей и потом, после угроз в сторону Лины, несмотря на то, что он чуть не сломал меня, просто не могу его не любить. Не могу не думать о том хорошем, что он заставил меня испытать. Обо всем том, что он для меня сделал.

Это сносит мне крышу, заставляет забыть о данном себе обещании. О запрете приближаться к нему. И, когда его губы наконец с нежностью накрывают мои, я понимаю, что проиграла.

Злата

Любовь — странная штука, непредсказуемая. Она может как возвысить тебя, так и унести на дно, сломать, разрушить.

Люди, которых мы подпускаем к себе ближе всего, могут навредить нам так, как никто другой не сможет, но они же могут и спасти нас, сделать сильнее. Поэтому нужно быть очень осторожным, когда решаешь к себе кого-то подпустить.

Когда я потеряла родителей, я отдалилась от всех. У меня не осталось друзей, которым я могу довериться, с которыми я могу болтать обо всем и ни о чем одновременно, ходить в кино или есть пиццу. Мне казалось, что одной быть проще. Что так я защищу себя от боли. Но, вместе с тем, я лишалась и всего хорошего, что могли принести любовь и дружба. Я жила, но жизнь моя не была полной, в ней как-будто чего-то не хватало, как в пазле с потерянными деталями.

Но, с появлением в ней Кирилла, потерянные детали постепенно начинали возвращаться. И, лишь вновь обретя их, я поняла, как сильно мне этого не хватало. Как сильно мне нужен был рядом тот, кто может просто обнять меня во время просмотра фильма, или приготовить горячий чай. Тот, с кем можно поговорить и помолчать.

Я понимала, что рискую, вновь впуская его в свою жизнь. Но, не рискнув, никогда не буду счастливой. Как не может быть полным путешествие, прерванное на полпути.

Мы лежим в кровати, тяжело дыша, и смотрим в потолок. Где-то в метре от нас, на столе, лежит нетронутая пицца. То, что произошло между нами несколько минут назад, кажется безумием. Жарким, всепоглощающим и безумно приятным безумием. Но я ни о чем не жалею.

Мои губы и кожа все еще горят в тех местах, где он касался меня, а щеки пылают как никогда ярко. А затем Кирилл первый прерывает тишину.

— Я люблю тебя, Злата, — шепчет он, и на мгновение я забываю о том, как дышать. Мое сердце разгоняется с нешуточной силой.

А потом провожу языком по пересохшим губам, и мы снова целуемся: жадно, неистово, так, словно не можем насытиться друг другом. Его прикосновения нежные и одновременно властные, он сводит меня с ума, заставляет гореть от желания, и забыть обо всем на свете. Кирилл не дает мне опомниться, словно боится, что я передумаю, оттолкну его.

Это похоже на пытку: сладкую, нежную пытку, которой нет конца.

Проходят часы, прежде чем мы наконец можем оторваться друг от друга.

Попытка разогреть пиццу в духовке не приводит ни к чему хорошему: она подгорает, а кухня наполняется едким запахом, так что нам приходится искать в интернете заведения с круглосуточной доставкой.

С того дня мы снова стали проводить время вместе. Иногда к нам присоединялись Лина с Алексом. Я не уверена, но кажется сестра Кирилла ему нравится, вот только Лина ведет себя с ним холодно, выставляя колючки всякий раз, как он пытается приблизиться. С Владом мы тоже вроде как помирились, но не настолько, чтобы снова ходить в то кафе на кино вечера по пятницам, так что мы виделись только на тренировках.

А потом... Настает день соревнований.

В ночь перед ним я так волнуюсь, что не могу уснуть, мысленно повторяя все движения

и комбинации. Все время боюсь, что что-то забуду или сделаю не так.

Кирилл смеется, говорит, что я лучшая, и что я со всем справлюсь.

Мне бы его уверенность.

За завтраком я едва заставляю себя съесть яичницу, и выпиваю где-то половину чашки кофе. Больше не могу — меня тошнит от волнения, даже ладони потеют.

Я думала, что волноваться еще сильнее просто невозможно, но, когда мне звонит Влад, и сообщает, что сломал руку, это похоже на страшный сон. Естественно участвовать в соревнованиях он больше не может, и это значит, что я осталась одна. Без партнера мне не выполнить и половины комбинаций для конкурсного номера.

— Все кончено, — говорю я, опускаясь на стул, — Все было зря...

Алекс бросает на меня сочувственный взгляд. Они с Линой заехали ко мне, чтобы поддержать. А вот Лина...

— Тоже мне проблема! — раздраженно фыркает она, — Пусть Кирилл его заменит. Всего-то и делов.

На секунду меня озаряет от ее идеи так, что я едва не подпрыгиваю.

Ну точно! Мы столько тренировались вместе! И, пусть часть комбинаций мы с ним потренировать не успели, Кирилл был лучшим во всем универе. Он знает их, как свои пять пальцев!

Был...

Радость, возникшая так внезапно, постепенно улетучивалась.

Точно, Кирилл забрал документы из академии, значит больше не может участвовать в соревнованиях от имени нашего универа.

И, когда я об этом напоминаю, идею подает Алекс:

— Но судьи же все равно не знают, как выглядит Влад. Если ректор вам подыграет, Кирилл сможет его заменить.

Сглотнув, я перевожу взгляд на Кирилла. В конце концов решать именно ему. И на его губах появляется широкая улыбка.

— Не думаю, что ректор упустит возможность получить первое место, но на всякий случай стоит его предупредить.

Я киваю, соглашаясь с ним, а потом жду, и те пять минут, что он звонит ректору и разговаривает с ними за закрытыми дверями кухни, тянутся как вечность. Я нервничаю, то и дело поглядывая на часы, и гадая, согласится ли ректор на наш план.

С одной стороны Кирилл прав, и едва ли ректор пойдет на снятие наших кандидатур с соревнований, а с другой... Фактически это мошенничество, и, если комиссия узнает, у него будут серьезные неприятности, так что предугадать реакцию ректора невозможно.

— Да сядь ты уже, раздражаешь! — рычит на меня Лина, когда я нервно меряю шагами комнату, и я наконец останавливаюсь.

— А что, если он не согласится? — спрашиваю я, — Что, если он не захочет рисковать?

— Тогда останетесь с Кириллом дома и будете смотреть свои киношки, запивая горе вишневым соком, раз у вас тут даже выпивки нет, — раздраженно отвечает она, — Ты все равно ничего с этим не сделаешь, так что прекращай метаться из стороны в сторону.

— Можно было и помягче, — одергивает ее Алекс, и Лина бросает на него раздраженный взгляд.

— Тебя забыла спросить.

Тяжело вздохнув, я оставляю этих двоих выяснять отношения, и иду на кухню. Не могу

больше ждать.

Когда я вхожу, Кирилл как раз кладет трубку, и я не в состоянии скрыть свое волнение.

— Ну? Что он ответил?

Я понимаю, насколько это рискованно для ректора, и морально готовлюсь к худшему. Даже в каком-то смысле смиряюсь. В конце концов, после того, что я пережила за последние месяцы, не попасть на соревнования — не так уж и страшно. Я с самого начала готовилась к ним только потому, что ректор мне угрожал.

Но проблема в том, что я больше не хочу делать это из-за него, или из-за угроз выгнать меня из универа. Я хочу доказать себе и остальным, что я чего-то стою. Что я сильнее тех проблем, что на меня свалились. Что я смогла их преодолеть, а значит справлюсь с чем угодно.

Несколько секунд Кирилл молча сверлит меня взглядом, вынуждая понервничать, а потом отвечает:

— Он согласен. Но ты правда этого хочешь? Мне казалось ты занимаешься этим только потому, что ректор вынудил тебя. Когда все изменилось?

— Сама не уверена, — отвечаю я, пожимая плечами, — Просто... Мне нравится гимнастика. Мне потребовалось время, чтобы вспомнить об этом.

Кирилл кивает, и на его губах появляется улыбка.

— Что ж, тогда, если ты готова, предлагаю начать собираться. Нас ждет утомительная поездка на другой конец города.

Спортивный комплекс, в котором ежегодно проводятся соревнования по разным видам спорта между универами, находится довольно далеко, так что добираться туда почти час. По крайней мере общественным транспортом.

К счастью, у Кирилла есть машина, так что на то, чтобы добраться до спорткомплекса, у нас уходит всего полчаса. Всю дорогу я страшно нервничаю, и едва ногти не грызу от беспокойства.

Мы ведь с Кириллом не успели порепетировать последние поддержки. Что, если что-то пойдет не так?

— Все будет хорошо, — обещает он, и я нервно улыбаюсь.

— Что, по мне так заметно, что я переживаю?

— Даже слепой заметит, как ты трясешься, — с улыбкой отвечает Кирилл, припарковывая машину, — Я поймаю тебя. У нас все получится. Ты веришь мне?

Тяжело вздохнув, я киваю, и поневоле успокаиваюсь, когда он берет меня за руку и переплетает наши пальцы.

— Помни, мы — лучшие. Поэтому нас и отправили на эти соревнования. Вспомни, сколько мы тренировались. Сколько ты тренировалась. У других нет шансов.

У входа в спорткомплекс нас встречает распорядитель, и говорит, что мы будем выступать одними из последних, заставляя меня чувствовать и облегчение, и напряжение одновременно.

Конечно, первыми быть всегда страшно, но ничто так не выматывает, как ожидание неизбежного. Как с прививками в школе.

Я всегда боялась уколов, и старалась занимать самый конец очереди. Тогда я еще этого не понимала, но ждать — вот что хуже всего. Когда другие уходят, прижимая к руке кусочек ваты, пропитанный спиртом, а ты стоишь и ждешь... Ждешь... От нервов у тебя трясется колени, а живот скручивается в узел, но ты не можешь уйти.

Сидя в зале и глядя на чужие выступления, я чувствую себя так же, как если бы стояла в огромной очереди на укол, поэтому ухожу в раздевалку, чтобы подготовиться к нашему выходу.

Там нет никого, кроме меня, все приехали немного раньше, и давно переоделись, так что я могу немного побыть наедине с собой и своими мыслями.

Там, сидя на длинной скамейке, я невольно вспоминаю прошлые соревнования, но не могу вспомнить не одних, перед которыми я бы нервничала так же сильно.

Чтобы немного успокоиться, я решаю немного размяться, выполняя несложные упражнения, насколько позволяет узкое пространство раздевалки. Я делаю упор на руки на скамейке, и постепенно поднимаю ноги, а затем развожу их в стороны и свожу обратно, потом делаю отжимания и приседания. Да, знаю, порядок не совсем верный, тренер бы меня за такое не похвалил, но здесь его нет, так что меня никто не ругает.

Само собой, в перерывах между упражнениями я не забываю поглядывать на время. И вот, когда приходит время выходить, я иду к двери и дергаю за ручку, и... Она не поддается.

— Заело что-ли?.. — удивленно бурчу я, и снова пытаюсь открыть дверь, но все бесполезно. Как будто меня заперли.

Хмурясь, я возвращаюсь к сумке, и достаю из нее телефон, чтобы позвонить Кириллу и попросить, чтобы меня выпустили, но экран тут же гаснет, и я вспоминаю, что забыла зарядить его перед выходом.

Прекрасно! Просто замечательно!

Я стучу в дверь, и пытаюсь позвать кого-нибудь, надеясь что меня кто-нибудь услышит, но проходит несколько минут, а ответа нет. Вот-вот настанет время нашего выхода, а я застряла.

Кирилл

Злата ушла почти час назад, и до сих пор не вернулась.

С тех пор я несколько раз пытался ей позвонить, но все без толку. Ее телефон выключен. Наверное опять забыла зарядить.

Впрочем, нервничаю не один я. Один из организаторов нервно вертит головой по сторонам, словно в поисках кого-то, а затем подходит ко мне и напоминает, что наш выход через десять минут.

— Она сейчас вернется, — спокойно отвечаю я, и вижу в глазах женщины немой укор, а затем она отвечает:

— Очень на это надеюсь, потому что неявка приравнивается к дисквалификации, вне зависимости от обстоятельств.

Поправив очки, она круто развернувшись на низких каблуках, и ушла прочь, прижимая к себе планшет со списком участников и расписанием соревнований. Я провел рукой по волосам, взъерошивая их, и мысленно чертыхнулся, чувствуя, как нарастает беспокойство.

Я видел, как она волновалась, когда мы приехали сюда, но даже на секунду не допускал, что Злата может сбежать, а значит она где-то здесь.

Злата сказала, что ей нужно переодеться, так что самым логичным местом для начала поисков была раздевалка. Проблема только в том, что она находится на другом конце спорткомплекса, и я не уверен, что мы успеем вернуться к началу. Особенно если разминуться где-то по пути. Но выбора нет.

Пробегая мимо той самой женщины-организатора, я ловлю в спину возмущенное:

— Эй! Вы куда?! Ваш выход через восемь минут! Вас никто ждать не будет!

— Мы будем! — не глядя бросаю ей я, хоть и сам в этом не уверен.

Найти женскую раздевалку оказалось непросто. Все усложнялось тем, что по пути мне никто не попался, хотя я готов поклясться, что мне показалось, что я слышал чьи-то шаги, но, когда я позвал Злату, никто не отозвался.

А потом я все же нашел ее, но она оказалась заперта.

— Злата, ты там? — спрашиваю, ни на что особо не надеясь, но она отзывается.

— Кирилл? — ее голос дрожит, как будто она плачет, и я сжимаю челюсти, — Меня кто-то закрыл! Ты не можешь открыть дверь? Может быть позвать кого-то, чтобы нашли ключи?

— Это слишком долго. У нас нет времени. Отойди от двери.

Я тоже сделал шаг назад, но по другой причине.

— Что ты задумал? Постой, ты же не собираешься ее выбить?! — возмущение в ее голосе смешалось с возмущением.

— Именно это я и собираюсь сделать, — спокойно отвечаю, разминаясь. Повезло, что дверь деревянная. Такую выбить много сил не нужно, — Послушай, у нас осталось меньше пяти минут. Если не явимся вовремя, нас дисквалифицируют. Если не выбьем дверь сейчас — можно сразу ехать домой. Решай.

Злата отвечает не сразу, и я представляю, как она стоит там, закусив губу, и сомневается, переживает, пока наконец не соглашается.

— Хорошо, но потом мы все объясним и компенсируем.

— Само собой.

Один удар ногой, и дверь слетает с петель, совсем как в дешевом боевике, но я не обольщаюсь — с более крепкой дверью это бы не сработало. Впрочем, это не мешает Злате смотреть на меня, как на героя.

В порыве она подбегает ко мне и впивается в губы страстным, пусть и недолгим поцелуем, и я едва сдерживаюсь, чтобы не прижать ее к стене прямо здесь.

Потом. Когда мы победим, я обязательно сделаю с ней все то, что вертится в моей голове. А сейчас...

— Бежим!

Злата

Полгода спустя

— Вы там еще долго будете слюнявить друг друга, или мы все-таки поедим?!

Мы с Кириллом нехотя отстраняемся друг от друга и смеемся. Хоть Лина и бурчит, она очень изменилась за последние месяцы, и это во многом заслуга Алекса.

Завоевать сестру Кирилла было непросто, и еще сложнее управиться с ее характером. Лина до последнего отталкивала его, удерживая свою колючую броню, но недавно она спала, и с тех пор они стали встречаться.

Неделю назад закончилась очередная сессия, а вместе с ней и учебный год. Начались летние каникулы, и мы с Кириллом стараемся наслаждаться каждым днем, и иногда Алекс с Линой присоединяются к нам, как например сегодня.

Два дня назад Кирилл с Алексом решили сделать нам сюрприз, и купили путевку на море. На четверых.

Если бы год назад кто-то сказал мне, что я добровольно поеду на море с Барским, его лучшим другом и сестрой, я бы посоветовала ему обратиться к психологу. Ну или писать книги.

Но вот, прошло немного времени, и все изменилось.

Несмотря на все, что было в прошлом, Кирилл стал для меня самым дорогим человеком, а Алекс и Лина... Что ж, теперь я с уверенностью могла назвать их своими друзьями.

Кирилл все-таки поговорил с отцом насчет бизнеса, и сказал, что не хочет наследовать его компанию. И, как можно догадаться, Барский старший был от этого, мягко говоря, не в восторге. Он даже заморозил его счета — те, что сам открыл ему когда-то для карманных денег. Впрочем, Кириллу они больше были не нужны. Их с Алексом совместный бизнес пошел в гору, и теперь приносил еще больше денег. Осенью они планируют расширяться. Он даже предлагал мне место в их компании, но я отказалась. Решила что хочу найти себя, и теперь перебирала различные онлайн курсы, чтобы понять, что мне подойдет.

Лина больше не общалась с “крутышами” из универа. Не знаю точно что там между ними произошло, скорее всего это как-то связано с одной из последних вечеринок. После нее она изменилась. Выбросила почти всю косметику и одежду, сменила стиль, и с каждым днем все меньше походила на одну из кукол, с которыми тусовалась раньше. Не только внешне. Она стала более искренней.

Алекс заставлял ее улыбаться. Порой раздражал. Но с ним она становилась другой. Тетя Алина это тоже заметила.

К слову, они с Барским старшим не развелись, но и вместе они больше не живут. Он переехал в другой город, ближе к центральному офису его компании, а этот дом оставил ей и Лине. А мы с Кириллом всё-таки съехались.

Честно говоря, я долго не решалась на этот шаг. Переживала, что Лина и тетя Алина плохо воспримут наши отношения. Но, как оказалось, зря.

Как только я переехала, Лина перестала видеть во мне врага, а тетя Алина вообще сказала, что давно считает меня своей дочерью, так что совсем не против породниться, на что я, краснея, отвечала, что для таких разговоров еще слишком рано. Конечно, мы с Кириллом стали очень близки за эти полгода, но я даже не думала о том, что он может сделать мне предложение. По крайней мере не так скоро.

— Но, если все же сделает, ты же скажешь да?

Я тут же вскидываю брови, удивленно глядя на Лину.

Мы сидели друг напротив друга. Парни как раз отошли, чтобы купить нам кофе, так что в купе поезда мы остались одни.

— Почему ты спрашиваешь?

В ответ она пожимает плечами. Кажется ей неловко.

— Кирилл привязался к тебе. Если он все-таки пойдет на это, я хочу быть уверена в том, что ты его не обидишь.

Да, какой бы холодной и колючей она ни казалась, Лина очень любит своего брата, хоть и стесняется в этом признаться.

— Я его не обижу, — с улыбкой отвечаю я, — Обещаю.

Лина не теряет, и отвечает мне такой же улыбкой:

— Хорошо, потому что иначе тебе придется иметь дело со мной.

Пусть эта фраза и звучит, как угроза, она вызывает у меня улыбку.

— А что, если он обидит меня?

Она отвечает не сразу, как бы ненадолго задумывается.

— Тогда я спрячу все его носки, и постираю все его белые вещи с дешевым красным полотенцем.

Я представляю как Кирилл будет “рад” такому апгрейду своего гардероба, и фыркаю от смеха. Как раз в этот момент дверь купе отъезжает в сторону, впуская парней.

— Что обсуждаете? — с улыбкой спрашивает Кирилл.

Вместо ответа мы с Линой загадочно переглядываемся, а затем она возмущенно спрашивает:

— Ну и где мой кофе?

Ее острый взгляд впивается в Алекса, и тот поднимает руки ладонями вперед, как бы сдаваясь.

— Кончился. Остался только чай, который ты не любишь.

Она прищуривается.

— Тогда чего вы так долго?

Я пытаюсь спрятать смех за улыбкой и смотрю на Кирилла. Наши взгляды пересекаются, словно между ними образуется невидимый мост.

До самой ночи мы не сомкнули глаз, то играя в карты, то в правду или действие, то в настолки, которые Алекс с Линой притащили с собой. Мы смеялись, порой ругались, играя в покер ставили на кон конфеты, печенье и другие сладости, которые взяли с собой. Играли парами и сами за себя. Проигрывали и выигрывали. А потом Кирилл достал гитару...

Его пальцы умело скользили по струнам, извлекая из них нежную, спокойную мелодию. Она напоминала море во время штиля.

Так, прикрыв глаза, я и уснула.

Утром мы прибываем в город, в котором нам предстоит совершить пересадку на самолет. И, если честно, я самую малость в ужасе.

Я никогда в жизни не летала на самолете... Да что там говорить, я даже стоя на мосту не могу заставить себя посмотреть вниз, не ощутив при этом головокружения и тошноты. Но мне неловко признаться в этом перед Кириллом и ребятами. У всех такое отличное настроение, что я не хочу им его портить какими-то фобиями.

Когда мы едем к аэропорту, я заставляю себя улыбаться, но, когда оказываемся внутри, скрывать страх становится все сложнее.

Пока мы идем, я невольно вспоминаю все фильмы с авиакатастрофами, и все подобные новости, которые читала, слышала или видела когда-либо в жизни. Мои ладони потеют, а сердце колотится, как безумное.

Ты сможешь, Злата. Это всего-лишь самолет. Люди летают на них каждый день.

И иногда разбиваются.

Я шумно сглатываю, и пытаюсь взять себя в руки. Напомнить, что люди также, даже гораздо чаще, попадают в автокатастрофы, но легче от этого почему-то не становится. Я тяжело дышу и мельком смотрю на ребят, пытаюсь понять, не заметил ли кто-то странностей в моем поведении, но, к счастью, Лина и Алекс слишком заняты друг другом, и не замечают ничего вокруг. Вот только Кирилл крепче сжимает мою руку, словно пытается поддержать, обещая, что все будет хорошо.

Когда мы проходим все необходимые процедуры перед посадкой, и приходит время подниматься на борт, мне кажется, что я сейчас упаду в обморок или закачу истерику и сбегу, только бы не заходить туда, но Кирилл идет рядом со мной, и я заставляю себя пойти на это.

Пока мы стоим, и стюардесса рассказывает нам технику безопасности, и до самого взлета я почти не дышу. А когда самолет разгоняется и наконец отрывается от земли, я так сильно вжимаюсь в кресло, словно собираюсь слиться с ним воедино.

Все это время я держу глаза закрытыми, пока Кирилл не касается моей щеки.

— Посмотри на меня, Злата, — шепчет он, и я открываю глаза.

Злата

Когда я садилась в самолет, я была уверена в том, что умру от страха, если посмотрю в окно во время полета. Если буду не только знать, но и видеть то, насколько мы высоко над землей.

Однако, стоило мне посмотреть в иллюминатор, стоило взглянуть на пушистые белые облака внизу, на леса, поля, города, реки и озера, что простираются под нами, как у меня перехватило дыхание. Я была настолько заморожена, что все страхи мигом вылетели из моей головы.

Кирилл тихо смеется, наблюдая за тем, как я прилипла к окну, и я снова сажусь ровно.

— Не смейся, я знаю, это выглядело глупо, — хмуро говорю я.

— На самом деле это выглядело мило. Я надеялся, что тебе понравится, и что вид из окна тебя немного отвлечет.

— Это сработало, — отвечаю я, и не могу сдержать улыбки.

Проклятье, когда он на меня так смотрит и улыбается, я на него даже дуться не могу!

Оставшиеся полтора часа полета прошли легче. Если не считать одного раза когда мы наткнулись на воздушную яму, и я вцепилась в Кирилла руками и ногами, их даже можно назвать приятными.

Ну а когда мы приземлились, прошли регистрацию и наконец-то поймали такси, чтобы нас отвезли к нашему отелю, к окну прилипла уже не только я, но и Лина, и я была почти уверена в том, что она, как и я, ждет, когда там покажется море.

Мне всегда казалось, что в том, как солнце бликует на поверхности воды, есть своя особая магия.

Когда мы подъезжаем к отелю, и на горизонте показывается море, у меня перехватывает дыхание. Знаю, это немного по-детски, но я не могу дождаться того, чтобы оказаться на берегу.

Наш отель хорош, он выглядит современно и очень дорого, но я почти не смотрю ни на него, ни на бассейн. До тех пор, пока мы не оказываемся внутри.

— Обалдеть! — шокировано выдыхает Лина, — Вы что, оставили здесь всю свою годовую выручку?!

Кирилл с Алексом переглядываются с довольными улыбками. Похоже они добились желаемого эффекта.

Наш номер оказывается большим, трехкомнатным и просторным. В нем две спальни с большими двухместными кроватями, на каждой из которых, кажется, можем поместиться все мы четверо, плоскими телевизорами и шкафы для одежды, общей гостиной с двумя диванами, креслами и общим столом, общей ванной с джакузи и балконом с плетеными креслами и видом на море.

В номере преобладают бежевые, коричневые и черные тона, а еще в нем много живых растений, за которыми явно отлично ухаживают.

— Мы заказали завтрак в номер, его должны принести примерно через двадцать минут. Если хотите, можете пока принять душ.

О, мы хотели! Так что даже спорить не стали.

Чтобы было честно, мы с Линой сыграли в камень-ножницы-бумага, и, как победитель,

я первая пошла в ванну, прихватив с собой сменную одежду. Полотенца, тапочки и всякая уходовая косметика в маленьких бутылочках предоставлялись отелем.

Как я и думала, нет ничего лучше, чем душ после долгой дороги. Особенно летом, во время жары. После него я мигом чувствую себя посвежевшей, и заодно вспоминаю как сильно я проголодалась.

К счастью, нас не заставляют долго ждать, и приносят завтрак еще до того, как Лина выходит из душа в халате. Ее вид — одна большая провокация для Алекса. И, судя по тому, как они с Кириллом обменялись взглядами, прежде чем мы вышли из комнаты, она сработала.

— Может сбежим из номера? — предлагаю я, бросив взгляд на море за окном.

Пляж частный, а большинство посетителей еще либо не проснулись, либо предпочли морю бассейн, так что места там предостаточно.

На губах Кирилла появляется хитрая, почти хищная улыбка, и он соглашается.

Я все предусмотрела, так что купальник заранее на мне, под одеждой, а вот Кириллу приходится сходить в душ, прежде чем мы выходим из номера, и надеть плавки. Впрочем кроме них он ничего и не надел, демонстрируя сначала мне, а потом и всем остальным все шесть кубиков пресса.

Кажется меня тоже решили подразнить.

— Что-то не так? — с улыбкой спрашивает он, и я отворачиваюсь.

Хоть мы и встречаемся уже полгода, я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что он ходит рядом со мной без футболки.

Как оказалось, это мелочи по сравнению с тем, что я чувствую, когда на него пялятся другие женщины. Как будто меня рядом и нет, честное слово!

Я злюсь и беру его за руку, и вижу, как на их лицах отражается досада, а я словно говорю: “Выкусите, он мой!”.

Да, может это немного по-детски, но я ничего не могу с собой поделать.

Когда мы оказываемся на пляже, Кирилл как-то хитро улыбается, а потом неожиданно подхватывает меня на руки и бежит к воде.

— Кирилл! Кирилл, подожди! Я же еще даже не раздела-а-ась! Кири-и-и-ил!.. — кричу я, а этот нахал смеется и с разбега влетает в воду.

Раздается всплеск, и я чувствую, как одежда намокает и прилипает к телу, облекая его как вторая кожа. Я знаю, что он тоже мокрый, и все же пытаюсь его обрызгать, и тогда Кирилл смеется и прижимает меня к себе. Вода еле теплая, и все же мне жарко.

— Дурак... — шепчу я, а потом он накрывает мои губы своими, и целует так, что у меня кружится голова.

Какое-то время мы просто стоим по пояс в воде и целуемся, как будто ничто на свете больше не имеет значения, а потом нас окликает Лина:

— Фу! Здесь же дети! — смеясь, притворно возмущается она, и мы нехотя отрываемся друг от друга.

Они с Алексом тоже переоделись. Лина в смежном купальнике оливкового цвета, а он в черных плавках на манер шорт. В ее руках надувной мяч для игры в водное поло. Я удивленно приподнимаю брови, не понимая когда она успела его взять с собой.

— Вы играть собрались?

— А ты что, боишься, Злата? — подразнивает меня Лина, слегка подкидывая мяч, и я прищуриваюсь.

— Боюсь? — возмущенно фыркаю я, — Еще чего!

Хотя, если честно, это правда. Вообще-то мне неплохо дается спорт, но командные игры с мячами — совсем другое дело. И не сосчитать, сколько раз я получала мячами в школе.

— Тогда как насчет пари? — предлагает она, — Проигравшие выполняют одно желание победителей!

Я хмурюсь. Мне совсем не нравится это предложение, и я совсем не уверена в том, что смогу выиграть, но врожденное упрямство не позволяет мне в этом признаться, и я киваю, надеясь, что парни вмешаются и остановят нас. Но, как назло, им нравится эта идея, и они решают ее поддержать.

— Тогда как насчет того, чтобы внести небольшие коррективы? — предлагает Алекс, приобнимая Кирилла за плечи, — Играем парни против девчонок. Чтобы было честно, даем вам фору в одно очко.

— Два очка! — тут же поправляет его Лина, и ловит хитрую улыбку Алекса.

— Неужели ты настолько в себе не уверена? — спрашивает он.

Я понимаю, что это откровенная провокация, попытка взять ее на слабо, и, уверена, Лина тоже это понимает, и все же она, как и я, слишком упряма, чтобы отказаться.

Так мы начинаем играть, и спустя полчаса ожидаемо продуваем парням, но Лина совсем не выглядит расстроенной.

— Ну и что вы нам загадаете? — спрашиваю я, надеясь разделаться с этим поскорее, но Кирилл только качает головой.

— Даже не знаю... Думаю мы пока не придумали.

Я раздраженно фыркаю, но не спорю. Понимаю, что он меня просто дразнит, да и не жду, что желание будет каким-нибудь обидным. А вот глупым и забавным, способным развлечь парней за наш счет, вполне.

Потом мы меняемся командами, и играем уже просто так, без ставок. Мы с Кириллом против Лины и Алекса. Мы с Алексом против Кирилла и Лины. Так продолжается до тех пор, пока не наступает время обеда.

Днем слишком жарко, чтобы идти на пляж. Солнце так палит, что любой, пробыв на нем дольше десяти минут, рискует заработать тепловой удар, так что мы отсиживаемся в номере, играя в настолки и глядя кино. А потом наступает вечер, и парни решают ненадолго отлучиться.

— Интересно, куда они пошли? — спрашиваю я, — Когда я спросила об этом Кирилла, он сказал что это секрет.

Лина безразлично пожимает плечами, переключаясь между каналами.

— Без понятия. Может решили завалиться в бар?

Кажется она снова не в духе. Наверное опять поссорилась с Алексом. После этого Лина всегда раздражена, и ее обычно лучше не трогать, поэтому я решаю ненадолго оставить ее и поискать парней. Я бы не стала им мешать, но Лина сейчас явно не рада моей компании, а их нет уже больше часа.

Первым делом по ее совету проверяю бар и ресторан, однако там их нет. Тогда я решаю проверить местный спортзал, открытый для всех посетителей.

Когда я не обнаруживаю их и там, то начинаю волноваться.

Куда они могли уйти без нас в такое время?

На самом деле таких мест не так много, но территория отеля достаточно большая, чтобы разминуться, и я начинаю жалеть о том, что не взяла с собой телефон.

Близится время ужина, и я говорю себе, что они, наверное, уже вернулись, и волнуются за меня. Нужно возвращаться. Однако не успеваю я сделать и нескольких шагов, как слышу звонкий женский смех, оборачиваюсь, и мое сердце проваливается в пятки.

Я вижу как в нескольких метрах от меня, через пару цветочных клумб, по дорожке идет Кирилл, а рядом с ним стоит та самая шикарная блондинка, которую я видела однажды из окна автобуса. Та самая, о которой ходили слухи по всему универу.

Я бы охотно поверила в то, что они просто знакомые, которые случайно встретились за границей и разговорились, будь рядом с ними Алекс. Если бы они не стояли так близко. Если бы они не улыбались друг другу так искренне. Если бы она не касалась рукой его плеча, будто смахивая с него пылинки.

Тяжело дыша, я сжимаю кулаки, и, круто развернувшись, ухожу прочь.

Злата

Я не знаю, куда именно иду. Да и, если честно, меня это не слишком-то волнует. Все, чего я хочу — это убраться подальше от Кирилла и его блондинки.

Как он мог так со мной поступить?

Зачем было вновь сблизиться со мной, вновь завоевывать мое доверие, чтобы потом просто растоптать его? Зачем говорить, что любит, если он проводит время с другой? Той, кто, возможно, подходит ему больше меня.

Я до боли сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, и изо всех сил стараюсь сдержать слезы.

Я доверилась ему. Не смотря на то, через что мне пришлось пройти из-за него, я снова открыла ему свое сердце, и вот как он мне отплатил?

Не могу поверить в то, что я была такой идиоткой.

Предательская слеза все же скользит по моей щеке и падает на землю.

Проклятье, я верила, верила, что он больше не заставит меня плакать, и вот, пожалуйста. Получите и распишитесь.

Всхлипнув, я начинаю идти еще быстрее. Слезы застилают мне глаза, мешают видеть дорогу перед собой, но в какой-то момент я перехожу на бег.

Я понимаю, что не смогу избегать его вечно. Понимаю, что смогу уехать обратно не раньше, чем завтра утром. Если, конечно, получится купить билет. И ночевать, кроме нашего номера, мне негде.

И все же я не хочу его видеть. Не готова. Не сейчас.

Мне нужно время, чтобы остыть. Прийти в себя, и подумать о том, что делать дальше.

Я иду, не замечая ничего вокруг, и, когда я наконец смотрю перед собой, я уже не уверена, что все еще нахожусь на территории отеля.

Я оказываюсь на какой-то тихой и темной улице. На ней нет ни людей, ни магазинчиков, только низкие старенькие дома. Похоже я забрела во что-то вроде спального района.

Прекрасно! Просто прекрасно! Только заблудиться мне не хватало.

Стиснув руками край футболки, я останавливаюсь и смотрю по сторонам, в том числе в ту сторону, откуда я пришла.

Нужно успокоиться и подумать.

С колотящимся сердцем я иду обратно и оказываюсь возле развилки. Откуда я пришла? Оттуда или оттуда? Ужасная правда в том, что я понятия не имею.

Прикусив губу от нервов, и мысленно выругавшись, я решаю действовать наугад, и это не приводит ни к чему хорошему. Вокруг все еще ни людей, ни указателей, а у меня с собой нет ни денег, ни телефона. И поблизости никого, у кого я могла бы спросить дорогу.

Не знаю, сколько я так уже брожу. Наверное несколько часов. За это время вокруг как будто стало еще темнее, тише и холоднее. Я замерзаю, так что мне приходится обхватить руками свои плечи, чтобы хоть как-то согреться.

Я устала. Мои ноги гудят, как после километровой пробежки или сотни приседаний, но я продолжаю идти, сама не понимая куда, и в какой-то момент выхожу к морю, слышу шум волн и пение чаек, вижу отражение луны в воде, и просто опускаюсь на песок. Утром он был

таким горячим, что на него было больно наступать, а сейчас в нем нет и крупницы того обжигающего тепла. Он холодный, и его холод так похож на тот, что пустил корни в моей душе, что я невольно снова начинаю плакать, и в мои мысли снова проскальзывает Кирилл.

Интересно, он уже знает о том, что я пропала? Или может он все еще проводит время с той блондинкой? Думает ли он обо мне хоть немного? Переживает ли? Ищет ли меня? Или все его мысли занимает она?

Я не знала ответа на эти вопросы, и не была уверена в том, что хочу знать. Возможно некоторым вопросам лучше навсегда остаться без ответа.

В какой-то момент тишину нарушают чьи-то шаги и голоса, и я подрываюсь с места, оглядываясь по сторонам.

Там кто-то есть! Кто-то, у кого я могу спросить дорогу!

Увы, в тот момент у меня даже мысли не возникло о том, что там может быть кто-то опасный. Все, что меня волновало, это то, что мне наконец-то попался кто-то, опасный. Например компания нетрезвых бугаев.

— Оп-па! — сказал один из них, останавливаясь, когда они увидели меня, — Какая красotka и без охраны! Заблудилась, куколка?

Да, заблудилась, но пожалуй лучше буду и дальше бродить одна, чем в такой компании.

Разумеется, вслух я этого не произношу. Не дура, и понимаю что таких лучше не злить, поэтому выдавливаю из себя доброжелательную улыбку и отвечаю:

— Да нет, просто прогуливаюсь, не беспокойтесь.

Я сохраняю внешнее спокойствие, но на самом деле мне страшно от того, что кругом никого, кроме меня и этих бугаев, и того, что они могут сделать.

Конечно, в случае чего я могу позвать на помощь, но не уверена, что меня здесь кто-нибудь услышит. И, даже если услышит, не факт что захочет помочь.

Проклятье, лишь бы отвязались!

Я пытаюсь обойти их, но один из них, тот самый, что первый обратился ко мне, в красной шапке и белой майке-алкоголичке, хватает меня за руку и одергивает на себя.

— Ну же, красotka, мы же еще даже не познакомились. Куда спешить? — он дышит на меня перегаром, заставляя упереться руками в его торс, и его друзья начинают громко ржать.

— Домой? — робко предполагаю я. Мой голос дрожит, да и я сама, кажется, тоже. От страха сердце колотится так, что грозит пробить ребра, а взгляд лихорадочно мечется по сторонам в поисках помощи. Вот только на улице по прежнему больше никого нет.

— Ну так мы проводим, — с намеком говорит он, приобнимая меня, — Правда, парни?

Ага, знаю я, как такие провожают. Повезет, если меня потом вообще найдут.

Смех повторяется, и на мои тщетные попытки вырваться из захвата никто не обращает внимания. Да и что толку с этого? В это придурке и в каждом из его друзей по два метра роста примерно, в то время как во мне всего метр с кепкой.

— Правда, не нужно! Я сама дойду!

Не то, чтобы я очень верила в то, что это сработает, но не попытаться было бы глупо.

— Нет-нет, на улицах в это время одной может быть опасно, — отвечает он, а я мысленно усмехаюсь.

Ага, уже знаю, можно таких как вы встретить.

Проклятье! Неужели в это время все нормальные люди уже спят? Хоть кто-нибудь!

И вот, когда я уже почти готова расплакаться, я слышу чьи-то спешные шаги, а затем вижу Кирилла и Алекса, бегущих в мою сторону, и едва сдерживаю радостный вскрик.

— Злата!

Они все-таки искали меня! Он искал!

— Они меня проводят, — отвечаю я бугаю чуть увереннее, и он наконец отпускает меня. Я до последнего опасаясь того, что бугаи решат устроить драку, но, к счастью, не смотря на уровень алкоголя в крови, они сохранили в себе достаточно здравого смысла, чтобы молча развернуться и уйти.

Шагнув в сторону Кирилла, я останавливаюсь, и он сжимает меня в объятиях. От близости с ним мне мигом становится тепло, и я ненадолго забываю о том, что заставило меня сбежать, позволяю себе стоять и греться в его объятиях до тех пор, пока не перестану дрожать. Все это время он гладит меня по голове и шепчет что-то успокаивающее, а затем спрашивает:

— Как ты вообще здесь оказалась? Почему ушла без телефона? Мы весь отель и все прилегающие улицы обегали, чуть с ума не сошли!

Я мягко отстраняюсь от него и отвожу взгляд, прячу его в тени.

— Прости. Я видела тебя с той девушкой. Блондинкой.

На секунду Кирилл замирает, а затем в его глазах проскальзывает понимание. Какое-то время он молчит, а потом спрашивает:

— И ты решила, что я тебе изменяю?

Сглотнув, я закусываю губу. Зачем говорить, если все и так понятно?

Я чувствую, что готова вот-вот опять расплакаться, но ничего не могу с этим поделать.

Кирилл тяжело вздыхает и поворачивается к Алексу:

— Уже все хорошо, возвращайся к Лине и скажи, что мы ее нашли. Мы скоро вернемся.

Парень молча кивает, а затем уходит, засунув руки в карманы, и мы с Кириллом остаемся одни. Он стоит напротив меня, а потом касается моей щеки, вынуждая посмотреть на него.

— Посмотри на меня, Злата. Я бы никогда, слышишь? Никогда так с тобой не поступил. Она — мой друг, ее зовут Ната. Это она помогла нам с Алексом купить эти путевки, и вот это.

Говоря это, Кирилл вынимает из кармана что-то маленькое и квадратное, что я никак не могу рассмотреть в темноте, пока он не подсвечивает это телефоном. Только тогда я вижу, что на его руке лежит красная бархатная коробочка. И, когда он открывает ее, я вижу кольцо из белого золота с бриллиантом, и забываю как дышать.

Мое сердце, которое только-только успокоилось, вновь забило пугающе быстро.

Неужели это то, о чем я думаю?

Нет, этого не может быть!

Хотя, вспоминая намеки тети Алины...

— Кирилл... — тихо говорю я, и на его губах появляется улыбка. Он качает головой, а затем опускается на одно колено:

— Честное слово, не так я планировал это сделать... Злата, ты выйдешь за меня?

Несколько секунд я молчу, и Кирилл явно начинает волноваться, и все же он терпеливо ждет моего ответа, и тогда я обнимаю его за шею и нежно целую. Целую так, будто в последний раз, зарываюсь руками в его короткие мягкие волосы, и вкладываю в этот поцелуй все свои чувства.

Несколько минут мы так и стоим, не в силах оторваться друг от друга, и, когда наконец отрываемся, то соприкасаемся лбами, тяжело дыша. Мы оба улыбаемся.

— Я могу считать это за положительный ответ? — спрашивает Кирилл.

— А ты как думаешь? — спрашиваю я вместо ответа, и он смеется:

— Думаю я еще не распробовал.

А затем его губы снова накрывают мои, и я теряю голову, растворяясь в поцелуе, таком нежном и страстном одновременно.

Не знаю когда именно мы опустились на песок, и он оказался сверху. Может когда я стянула с него футболку? Или уже после?

Впрочем, это и не важно. Все, что имело значение в тот момент — это то, что мы были вместе, были счастливы, и не замечали ничего вокруг, кроме друг друга.

Наши тела переплетались, двигаясь, будто в каком-то безумном танце, и на фоне холодного песка и ночного воздуха прикосновения и поцелуи Кирилла были почти обжигающими.

В ту ночь для нас не существовало никаких границ и запретов. Не было ни страхов, ни сомнений, ничто не могло нам помешать. Были только мы, и наслаждение, граничащее с безумием.

Он шептал мое имя, а я выкрикивала его, не заботясь о том, что нас могут увидеть или услышать. В какой-то момент я даже оказалась сверху, полностью контролируя ситуацию, и он только направлял меня, а потом мы снова поменялись местами.

Мои пальцы скользили по его крепкому тренированному телу, а его — по моему, задевая все чувствительные точки.

Он играл на мне, словно я была музыкальным инструментом, точно зная где и как нужно нажать, погладить и потянуть, чтобы добиться желаемого.

Он сводил меня с ума, доводил до пика. От страсти у меня кружилась голова, а потом, упав на песок, мы долго-долго лежали, глядя на звезды.

Так мы лежали до самого рассвета: уже одетые, но все еще разгоряченные, а на моем пальце сверкало обручальное кольцо.

Злата

Год спустя...

— Вы там долго еще будете копать? — раздраженно спрашивает Лина, заходя в комнату.

Мы с тетей Алиной оборачиваемся к двери. Она только что закончила со шнуровкой свадебного платья. Да-да, сама знаю, не практично. Но, когда я увидела его в салоне, то сразу влюбилась и ничего не могла с собой поделать.

Нежное, кремовое, словно с принцессы из сказки, оно идеально облигало мою талию и бедра, и длинным шейфом спускалось вниз, до самого пола. Правда, стоило мне узнать цену, как я чуть было не отказалась от него. Слишком уж дорого. Когда я сказала об этом Лине, она раздраженно закатила глаза, а тетя Алина звонко рассмеялась.

— Злата, не переживай. Неужели ты думаешь, что это для нас проблема?

Я знала, что нет. Одна только Лина порой тратила на одежду куда больше. Но окончательно меня переубедил Кирилл. Увидев меня в этом платье, он притянул меня к себе, и прошептал на ухо такое... Словом, видеть в день свадьбы меня хотели исключительно в этом платье, только для того, чтобы потом сорвать его с меня. Спорить я не стала.

Но вот чего мы не учли, так это того, что его безумно долго шнуровать.

— Мы почти закончили! — бодро ответила ей тетя Алина, разглаживая складки на платье, а затем не выдержала, глядя на меня, и в ее глазах заблестели слезы. Она всхлипнула: — Какая же ты все таки красавица! Если бы только твои родители видели тебя сейчас...

Я не ответила.

Это было впервые, когда она упомянула родителей с того дня, как вскрылась правда о ней и моем отце.

Честно говоря, я до сих пор не была уверена как относиться к тому, что узнала. Наверное глубоко в душе я все еще злилась на нее и отца за то, как они поступили с моей мамой, и часть моей души всегда будет помнить и злиться на них за это. С их стороны это было самое настоящее предательство. И все же... Тетя Алина давно стала для меня членом семьи, второй матерью. Может быть это неправильно, может быть я плохой человек, но я не могла ненавидеть ее. Что бы ни случилось, она была той, кто принял меня и заботился обо мне после смерти родителей. Любил, как собственную дочь. И это перевешивало мою злость на нее.

— Вот, последний штрих, — сказала тетя Алина, фиксируя мою прическу серебряной заколкой с бриллиантом.

— Спасибо, — робко поблагодарила я, а затем посмотрела на себя в зеркало.

Если бы прошлая я увидела мое отражение сейчас, она бы себя не узнала. Прическа, платье и макияж совершенно изменили меня... И все же это была я. Новая я.

Наверное изменения неизбежны. Они преследуют нас в течение всей жизни.

Порой они остаются незамеченными, как утренняя роса, что сходит с первыми лучами солнца, радуют, как мороженое жарким летним днем, или огорчают как внезапное отключение воды во время душа, но все же они неотвратимо следуют за нами, куда бы мы ни свернули на жизненном пути.

Глядя на Кирилла и Лину, я могу сказать, что мы все изменились, но Лина, наверное, больше всех. И это во многом заслуга Алекса. Конечно, их отношения не назовешь простыми, но с той нашей поездки на море они значительно сдвинулись, и что-то мне подсказывало, что не за горами день, когда он сделает ей предложение.

Честно говоря, я до сих пор не верю в то, что год назад Кирилл сделал мне предложение. Даже сейчас это кажется мне каким-то сном.

Разве мог сам Барский, наследник крупной фирмы, самый популярный парень всего универа, и по совместительству мой сводный брат, сделать мне предложение и мечтать услышать мое "да"? Разве могла я согласиться?

И все же, благодаря ему я была самой счастливой девушкой на земле. За весь год не было ни минуты, чтобы я пожалела о сделанном выборе. Кирилл был готов ради меня на все, и не раз это доказал. Ну а я... Я действительно любила его.

Не то, чтобы у нас совсем не было разногласий... Но мы научились слушать друг друга и находить компромиссы.

В кое-чем мы были единогласны. Например в том, что касалось гостей. Мы не хотели устраивать что-то безумное, приглашая самых дальних родственников и всех знакомых.

Были только самые близкие: тетя Алина, отец Кирилла, Лина и Алекс, а еще Влад и Света — как оказалось, именно так звали ту блондинку, о которой гудел весь наш универ.

Первое время я относилась к ней настороженно. Мне было сложно принять то, что они с Кириллом близки, и еще сложнее поверить в то, что кроме дружбы между ними ничего быть не может. И все же, немного пообщавшись с ней, я поняла что она неплохой, и очень сильный духом человек. По правде говоря, я ей даже восхищалась. У нее была довольно непростая жизнь, но она справилась с этим и нашла себя. Хочется верить, я однажды тоже найду.

— Время тостов свидетелей! — объявил Алекс, который вынужденно был еще и ведущим, затем вынул из пиджака сложенный вдвое лист бумаги, прокашлялся, и добавил: — Пожалуй я начну!

Дорогие Злата и Кирилл!

Честно говоря, я не верю, что сейчас стою здесь с вами. Все эти годы я был уверен в том, что мой друг — безнадежный бабник, и ни одна нормальная девушка на него даже не взглянет!

В ресторане послышались приглушенные смешки. Даже тетя Алина с трудом прятала улыбку, качая головой, а я с нежностью посмотрела на Кирилла. Он сидел рядом, приобнимая меня за талию.

— Но, к счастью для него, он нашел не только умную и добрую, но еще и очень терпеливую девушку! Злата, надеюсь у тебя хватит терпения на этого оболтуса, и вместе вы проживете долгую и счастливую жизнь!

Тост Алекса был встречен аплодисментами, и, наконец, настала очередь Лины.

Прежде чем начать, она бросила на парня какой-то странный взгляд и прищурилась, а затем натянула на лицо улыбку.

— В первую очередь я хочу поздравить своего дорогого брата, и, конечно, Злату! Не всем везет найти того, кто будет поддерживать и дополнять тебя так, как вы поддерживаете и дополняете друг друга! Надеюсь вы будете беречь и любить друг друга так же сильно, как сейчас, до конца ваших дней!

Мне показалось, или это была шпилька в адрес родителей?

Тетя Алина помрачнела, виновато прикусывая губы, ну а ее муж... Он всегда был хмурым.

Закончив тост, Лина куда-то сбежала.

Я не держала на нее зла. Это была первая встреча ее родителей, с тех пор, как ее отец от них съехал, и за весь день они не сказали друг другу ни слова.

Конечно их семью и раньше было сложно назвать счастливой, но все же они были семьей, а сейчас... Сейчас ее родители вели себя так, будто не прожили в браке больше двадцати лет.

Алекс выглядел растерянным. Бросив взгляд на дверь, за которой она только что скрылась, он натянуто улыбнулся и отшутился:

— Похоже наша свидетельница убежала припудрить носик! Предлагаю не откладывать в долгий ящик, и перейти к самому интересному! Танец молодых!

Он махнул диджею, и тот, не теряя времени включил песню, которую мы с Кириллом выбрали для нашего танца. Ту самую, под которую мы танцевали впервые, в клубе на дне рождения королевы универа. А потом... Потом Кирилл встал и протянул мне руку. Вместе мы вышли в центр зала, свободный от столов и стульев. Я взглянула в его глаза и тут же растворилась в них.

Если наш прошлый танец был больше похож на борьбу, на противостояние, то этот был полон нежности. Каждое движение было одновременно признанием и обещанием.

“Я люблю тебя”.

“Я буду любить тебя вечно”.

“Ты всегда будешь для меня много значить”.

“Я сделаю все для тебя”.

“Ты для меня все”.

В тот миг я забыла обо всем на свете. Обо всех трудностях и невзгодах. О всех обидах и размолвках, которые были между нами. О тех днях, когда я была готова рассыпаться на части и думала, что никому и никогда больше не открою свое сердце. Вся боль, все страхи и переживания растворились, и осталась только любовь: бесконечная и нежная.

Он заставлял меня пылать, и чувствовать себя так, будто я парю на седьмом небе от счастья. Он сводил меня с ума, раскрывая мои самые глубинные желания, заставляя трепетать в его руках, выгибаться навстречу его прикосновениям. Заставлял открыться и довериться.

Это было на грани приличия. Дерзко. Нежно. Волнующе. Страстно. Волшебно. И безумно красиво.

Мы страховали друг друга. Ходили по грани, но в самый последний момент не давали друг другу упасть, подхватывая и прижимая к себе, чтобы вновь отпустить, и, закружив, притянуть обратно.

Я водила пальцами по его лицу, по его рукам и телу, пока его руки жадно исследовали меня.

Мое сердце то билось чаще, то замирало. У меня все чаще перехватывало дыхание, и мне нравилось это чувство.

Когда музыка стихла, мы замерли, и, казалось, вместе с нами замерли наши сердца. Весь мир вокруг ненадолго будто перестал существовать, и этот миг был только для нас двоих. Для меня. Для него.

А потом мы поцеловались, и мне показалось, что над нами взорвались сотни

фейерверков, рассыпавшись миллиардами звезд.

Наверное это был самый долгий поцелуй в моей жизни. И самый приятный. Впрочем, с Кириллом каждый поцелуй казался таковым. Мне нравилось думать о том, что отныне и навеки нам еще предстоят сотни, нет, тысячи поцелуев, бесконечно много дней...

Такой была наша история: девушки, которая боялась любви, и парня, верящего в то, что он ее недостоин. Девушки и парня, которые прошли через множество трудностей, но все же нашли друг друга, и влюбились.

И, хоть ее не назовешь простой, она была нашей. И у нее был счастливый конец.

В то же время, на парковке

— Лина! Лина, подожди!

Алекс последовал за ней почти сразу, как она покинула зал. Объявил о танце новобрачных, хотя до него было еще двадцать минут, и сбежал. Не мог бросить ее одну.

Он звал ее, но она не останавливаясь, стуча каблуками по сухому гладкому асфальту парковки перед рестораном. Как на зло, туфли терли, замедляя ее.

Так и знала, что нужно было брать другие, удобные, так нет же! Захотелось быть красивой... Для него.

— Оставь меня в покое! — ответила она, не оборачиваясь, — Не хочу никого видеть!

Лина собиралась сесть в машину, но в последний момент он поймал ее за руку, разворачивая, и притянул к себе.

— Пусти меня! Я тебя ненавижу! Всех ненавижу! — всхлипывая, она почти минуту пыталась вырваться из его рук, а затем обмякла и спрятала лицо на его груди.

Она не знала как долго они так простояли, да и, если честно, ей было все равно. Лина не была готова возвращаться. Только не туда. Не могла видеть своих родителей такими, особенно на фоне счастливого брата и Златы.

Лучше бы они развелись. Лучше бы кричали друг на друга. Что угодно было бы лучше этого безразличия.

Алекс будто бы прочел ее мысли.

Не выпуская Лину из объятий, он прошептал:

— Давай сбежим куда-нибудь?

Она подняла на него блестящие от слез глаза и кивнула.

Больше книг на сайте — Knigoed.net